

ВЛАДИМИР РЫБЛОВ

ТУРКМЕНСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Москва – 2004

Рыблов Владимир Васильевич **Туркменская трагедия**. М.: РГО, 2004. – 000 с.

В книге освещается новейшая, постсоветская история Туркменистана, страны древней культуры, ставшей заложницей режима личной власти Сапармурата Ниязова – одного из современных диктаторов, ввергшего народ в несправие, нищету и духовное рабство. В яркой публицистической форме автор рассказывает о карьере и тоталитарном правлении туркменбаши, “главы” всех туркмен, которых он обманул и которых до сего дня подвергает моральному, правовому и экономическому унижению.

Книга изобилует разнообразным фактическим материалом, позволяющим составить достаточно полную и правдивую картину того, что происходит сегодня в этом центрально-азиатском государстве.

Издание осуществлено при поддержке Российского гуманистического общества и ежеквартальника “Здравый смысл: Журнал скептиков, оптимистов и гуманистов”.

Изготовление оригинал-макета – А.Ю. Алексеев.

©Рыблов В.В. – 2004

Формат 60x90/16. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Объем 00.0 п.л. Тираж 500 экз.

Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета в ГУП “Коломенская типография”

140400 г. Коломна МО, ул. 3 Интернационала, 2а. Тел. 8 (26) 122-116,

факс 8 (26) 128-287

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Мы искренне сокрушаемся: “Туркмены никогда не имели своего государства”. После обретения Туркменистаном независимости кое-кто, особенно дилетанты, представляющие прошлое своего народа понаслышке, кичатся, будто туркмены свою историю отсчитывают тысячелетием, подобно тому, как некогда Гитлер бредил тысячелетним рейхом.

Научные авторитеты утверждают: срок жизни любого этноса теоретически установить невозможно. Только для устоявшихся, больших и относительно прочных систем возраст определяется не более семью веками. Туркменские же ученые несколько щедрее отпускают этносу срок существования — до 1500 лет. Когда же нация успевает достичь своего естественного предела, стареющий этнос поглощается активными соседями. Чтобы выжить, он сливается с другими народами, давая начало иному, новому этносу.

Прошлое туркмен теряется в седой старине. Однако это не мешает нам думать об истории своего народа, будь то с гордостью или с чувством печали и стыда, ибо в минувшем, наряду с достойным, было немало горького и жалкого. И все же у мира есть общая закономерность: он идет по пути прогресса, медленно, но верно, от простейшего к сложному, от низшего к высшему существу — человеку, от варварства к цивилизации. Но не пренебрегаем ли мы предметными уроками истории? Достаточно ли глубоко мы размышляем над ними, чтобы трезво осмысливать настоящее, без которого невозможно строить будущее? Окидывая взором прошлое, сравнивая его с настоящим, мы вправе спросить себя: стали ли мы цивилизованнее, гуманнее, умнее, справедливее? Или мы по-прежнему, как в той притче, бичующей пустозвонов, сидим на золе, а мыслями — на Каф-горе, мифических каменных громадах головокружительной высоты, будто опоясавших землю.

БЕЗ ВЕТРА И ТРАВИНКА НЕ ШЕЛОХНЕТСЯ

История мировой печати едва ли помнит подобный курьез, когда опровержения в газете требовало столь солидное число государственных и духовных мужей да еще во главе с председателем меджлиса (парламента) С. Н. Мурадовым. Не довольствуясь этим посланием, сатисфакции возжаждал и Борис Оразович Шихмурадов, вице-премьер и министр иностранных дел Туркменистана, подписавшийся на этот раз под персональной “нотой” протеста — “бывший московский журналист”. Трудно объяснить почему. То ли сомневаясь в авторитетности своего высокого кресла (в Туркменистане оно не столь высокое и уважаемое, если чины в ранге министра и выше падают на колени перед президентом), и даже, дескать, он — “свой”, а может, и для острастки: смотрите, мы с обретением независимости сами с усами и знаем, как поступить. Возьмем да и предъявим судебный иск Олегу Морозу, автору нелегальной статьи “Президентское самодержавие”, напечатанной в российской “Литературной газете” (08.02.95).

Преданную президентскую рать всполошила откровенность журналиста: “Ниязов один из самых богатых людей на земле... сам заявил, что на его счету в зарубежных банках 3 млрд. долларов из туркменской казны”. Возможно, шеф дипломатического ведомства и поостерегся бы сыпать соль на президентскую рану, то есть цитировать столь ошеломляющую цифру, знай он... туркменский язык и понимай все, что говорит его хозяин в своих многочасовых речах на родном языке.

Кстати, все выступления Ниязова, публикуемые в туркменской прессе, как правило, не идентичны помещаемым в газете “Нейтральный Туркменистан”, выходящей на русском языке, — единственном в стране русскоязычном издании. В переводе они отличаются от оригинала как небо от земли, их приглаживают умные руки, приводят в божеский вид, дабы не компрометировать их автора перед всем миром.

Уже замечено, что Ниязов, часто пребывая в “кайфе”, то ли от упоения властью, то ли в

эйфории каких-то туманных, неведомых простым смертным чувств и ощущений, в своих сбивчивых, порою нелогичных суждениях, несет такое, что на память приходит английская мудрость: “Никогда не говорите дурного о себе, ваши друзья сами достаточно наговорят о вас”. Но что поделаешь, если умный от глупого отличается тем, что умный не попадает впросак, из которого глупый, не зная как выбраться, делает еще больше глупостей, наносящих вред ему же самому.

И тогда его приближенные, чтобы сохранить лицо своего чрезмерно словоохотливого босса, вынуждены вызывать огонь на себя, брать, как говорится, грех на душу, изворачиваться. Так, один из угодников, сам ведший далеко не праведную жизнь, разглагольствуя о “засилье мздоимцев, готовых за умеренные “тридцать сребреников” писать здравицы...”, валит с больной головы на здоровую. Только о ком речь? Не себя ли имел в виду “бывший московский журналист”, что ныне сам прослыл главным дифирамбистом, мастаком сочинять слащавые здравицы в честь “одного из самых богатых на земле”. Правда, не за “тридцать сребреников”, а за холуйство, умение молчать: качества, которые приносят гораздо более солидные дивиденды. Или о живущем в нем же под личиной “журналиста” или “дипкурьера”, некогда курсировавшего по маршруту Лубянка – Дели, доставляя тамошним оппозиционерам кейсы, туго набитые “зелененькими”, в придачу к инструкциям.

Если верить авторам коллективного опровержения, то их, кажется, больше всего оскорбили следующие строки: “Все президенты стран СНГ, во-первых, плохие и, во-вторых, как оказывается, вовсе даже и не президенты. А так — то ли ханы, то ли шахи”.

Что ж тут обидного, если президентом может стать каждый достойный, избранный демократическим голосованием (бывают, конечно, и исключения), а шахами становятся лишь высокородные, так сказать, по наследству. Откуда же задуло? Из того же президентского дворца, где в узком кругу один маститый прозаик и поэт, обогретый высочайшей милостью, обратился к Ниязову:

— Туркмены всегда ходили под властью падишахов, султанов. Президентская форма правления чужда азиатам. Мы жаждем Вас видеть в звании падишаха...

Президенту, втайне лелеявшему мысль объявить себя шахом, это явно льстило, и он был весь внимание, с надеждой ждал, что же скажет другой собеседник.

— Да, туркмену, если он из средневековья, ближе всего шах, падишах, — вроде согласился тот с писателем. А маститый вдруг задал Ниязову неожиданный вопрос.

— А в роду вашем были царственные предки? Скажем, хан, пусть самый захудалый?

— Ханов не было, — потупился Ниязов, как нашкодивший ученик, едва удерживаясь от искушения “отыскать” в своей генеалогии хотя бы самого завалющего хана. Да не нашелся сразу. Еще, к сожалению, коптили небо люди, знавшие его отца, хотя сам он о своих родичах дальше деда представления не имел.

— Дед мой ходил в арчинах села, имел свое крепкое хозяйство, имел баранов. В тридцать седьмом его, как бая, в Сибирь сослали.

— Бай не высокороден, им всякий может быть. Пожалуй, внука бая шахом провозглашать неэтично, что ли, — неумолимо заключил второй собеседник.

Президент, вероятно, уже видевший себя в шахской короне, был явно огорчен, и трезвого умозаключения второму не простил. Счеты с ним он сведет позже. Но слухи о том, что Ниязов вот-вот объявит себя монархом, разошлись мигом. Обильную пищу тому давали и подхалимы. В Бахардене ему через плечо повязали широкий ковровый пояс с вытканными на нем словами: “Справедливый шах”. Ниязов подарку радовался, как ребенок. Его фотографию с поясом опубликовали все газеты, показывали по телевидению.

Говорят, услужливый дурак опаснее врага. Нынешний пресс-секретарь президента Какамурат Баллыев в своих репортажах и интервью то и дело величает своего шефа “падишахом”. Его примеру, естественно, следуют все средства массовой информации страны. Во всех веляятах (областях) и некоторых этрапах (районах) возвели загородные дворцы и дачи, прозванные официально “шамульки” — “владения шаха”. С большой обслугой, земельными угодьями, крупными отарами овец и другой живностью, пригнанных из бывших колхозов и совхозов.

Читатель вправе спросить: “А как же угроза Бориса Шихмурадова судиться с “Литературной газетой”? Она, разумеется, лопнула, как мыльный пузырь, ибо то была лишь хорошая мина при плохой игре. Блефовал спикер, блефовали министры... Хорошо, если верблюд поймет, что и у него шея кривая.

Шамульк — от арабского “владение” — вид частной земельной собственности в пору

феодализма в странах Ближнего и Среднего Востока. До Октябрьской революции российский царь Николай II только в одном районе Туркменистана — Байрам-Али — владел поливными пашнями, небольшим хозяйством, которое также называлось “шамульки”. Ныне на значительной части этой территории, занятой почечным санаторием, носящем имя президента С. Ниязова, возведен также его дворец.

Гегель как-то сказал, что все великие всемирно-исторические события и личности повторяются, так сказать, дважды. Маркс уточнил, первый раз — в виде трагедии, второй раз — в виде фарса. Так интеллектуальный мир обрел еще одну крылатую фразу, а несчастный туркменский народ на собственной шкуре убедился: трагедия и фарс чаще всего смыкаются воедино и питают друг друга.

СИРОТА ИЗ КИПЧАКА

Вчерашний сирота, багдадский султан Адуд ад-Даула из династии Буидов прослыл на Востоке выдающимся правителем десятого столетия нашей эры. Пришелец, завладевший страной арабов, был выходцем с персидских гор, и на нем, человеке умном, но необычайно коварном и жестоком, лежал отпечаток его арийского происхождения: голубые глаза, рыжеватые волосы с ранней проседью. Летописцы свидетельствуют: даже завладев Ираком и Западным Ираном, приняв старинный иранский титул шахиншахов, повелевая халифами, Адуд ад-Даула жаловался на свое сиротство: “Нет отца у ребенка — проплачет день; без матери — будет плакать каждый день”. Обиды своей он никому не прощал, даже став могущественным монархом: его сиротские слезы отлились тысячам. В огне виновных сгорали и невинные...

Одним из основных качеств Буидов было умение из всего извлекать деньги и всегда быть при них. Они безнаказанно грабили своих поданных... Помешанный на кубышке, Адуд ад-Даула составил себе огромное состояние.

Не боюсь показаться банальным, но прежде чем осиротеть, надо родиться. Вот как описывает рождение будущего “сердара” — “вождя” — бывший пресс-секретарь президента Дурдымухаммет Гурбан: “Если бы туркменский народ не был бы народом, знающим истинную цену личности, ему, конечно, не удалось бы породить Героглы. Героглы был исторической необходимостью, личностью, вокруг которого должен был сплотиться народ после падения могущего сельджукского государства. Однако сколько веков миновало, но у туркмен подобного Героглы не появлялось, хотя многих и нарекали этим именем... И в конце концов, он родился! 19 февраля 1940 года! Однако в тот момент еще никто не знал, что он — будущий наш Героглы... Об этом мог знать лишь могучий создатель. Аллах послал его нам, чтобы спасти древнюю землю... Туркменский народ веками ждал прихода своего Героглы, ждал в мыслях и мечтах...” (“Туркменская Искра”, далее — “ТИ”. 19.02.93).

По странному совпадению, сиротская доля средневекового феодального монарха повторилась в судьбе маленького Сапармурата, будущего президента Туркменистана. Ребенок без матери — обездоленный, пишет о себе Ниязов. В войну, малышом, лишившись отца, испытал горечь сиротства, а в землетрясение 1948 года до дна испил горькую чашу обездоленного (“Туркмен Архивы”, далее — “ТА”, № 1-2, 1996, с.26).

Что-то трагически зловещее таилось в той страшной ночи, поглотившей мать и двух братьев, из всей семьи и близких соседей оставившей в живых его лишь одного. Выбравшись из-под обломков рухнувшего дома, он провел несколько ночей на развалинах, в полном одиночестве, напоминая собой, как подметил один писатель, совенка — хищную птицу, избирающую руины и кладбища своим постоянным обиталищем. Развалины словно не хотели его принимать.

А лъстивые перья увидели в том “знамение”. К 60-летию Ниязова бывший московский журналист, то бишь нынешний министр иностранных дел Б. Шихмурадов писал: “Само *провидение* послало нации человека, которому суждено было изменить ее исторический путь” (“НТ”. 16.02.2000).

Тот же Д. Гурбан, кстати, некогда подавший шефу идею присвоить себе титул “Туркменбаши” — “Глава туркмен”, приводил сравнение: “Как Героглы вышел из-под земли и встал во весь рост, так и ему в ту ночь удалось вырваться из плена подземелья и остаться живым.

Вот в чем сходство Героглы и Туркменбаши!”

Поистине, гримасы истории! Пройдет немного времени и Д. Гурбан, изгнанный из президентского Совета, арестованный органами КНБ Туркменистана за изобличительные выступления на туркменской радиостанции “Свобода”, пожалеет, что “верой и правдой” служил “сердару”.

Но, как говорили в древности великие ораторы, вернемся к нашим баранам.

Охотники говорят, добыча сове сама в рот идет. Кипчакский сирота в те суровые дни голода не испытывал. Со всех концов Союза в поверженный город шла щедрая, непрерывная помощь — и ее оставшимся в живых жителям все продукты раздавали бесплатно, людей кормили досыта, так что после ашхабадцы шутили: “Мы тогда жили, как при коммунизме”.

Пройдет много лет, и этот мальчик, вкусивший тогда братского хлеба-соли, став президентом страны, усомнится в бескорыстности благородного, душевного порыва людей из России и других

соседних республик. Что это — случайная оговорка? Или человеческий характер? Вероятно, каждый обо всем судит в меру своей испорченности...

Но сию “ложку дегтя” можно, пожалуй, оправдать опять-таки сиротством Сапармурата, бедой, обрушившейся на хрупкие плечи мальчишки. Но кто повинен в случившемся? Если в глазах темно, то не значит, что весь мир черный!

“Порой я очень страдаю от того, что не знал своего отца, — пишет Ниязов. — Эта ноющая, незаживающая рана в моем сердце все время кровоточит, не давая успокоиться, забыться”. Так, неприканное сиротство нанесло ему глубокую душевную травму, которая не проходит бесследно в психике ребенка. Страдания, унижения, страх — все, что испытал маленький Сапармурат, не могло не сказаться на формировании его характера. Детдом, интернат не лучшим образом повлияли на становление его личности.

Вдумчивый слушатель, пожалуй, обратил внимание на, проскальзывающую во многих его выступлениях жалобу, что его детство было дурным, проходившем в окружении невежественных, грубых людей, не понимавших нежную душу мальчика. Чтобы приладиться к ним, ему, вероятно, приходилось лицемерить, он редко бывал самим собой.

А в ашхабадской средней школе № 20 ныне открыт музей, посвященный выпускнику-отличнику — вундеркинду Ниязову. Посмотрев его экспонаты, диву даешься, словно дирекция и органы образования знали, что Сапармурат станет президентом страны, а у неискушенного посетителя невольно возникает аналогия: “Ну чем не Володя Ульянов? Чем не будущий гений?!” Один из учителей, вспоминая детские и школьные годы своего воспитанника, пишет: “Мы, учителя, боялись его (Ниязова) вопросов, не могли на них ответить, так как он много знал, много читал...”

Насколько учитель искренен, трудно сказать, но судя по сегодняшним познаниям Ниязова, особенно по его публичным выступлениям, мнение о его эрудиции складывается противоположное.

Чем старше становился Сапармурат, тем больше раздумывал о себе, о матери, об отце, близких родственниках, о людях, окружавших его. Те, кто познал горький опыт, испытал на себе, что благодетельна и поучительна только нравственная боль. Тогда человек, в природе которого уживаются порочное и доброе, испытывает раскаяние, из коего он выходит духовно совершенным, благородным. В другом случае, если жизнь человека дурна, то он не всегда может мыслить правильно, его редко мучают угрызения совести, он не способен бороться с собой, ему трудно отрешиться от пороков, лжи, фарисейства, роскоши, тщеславия, разврата...

Какие чувства вызывало у кипчакского сироты его окружение? Любовь или ненависть, горькую обиду или радость общения? Неумную злость или доброту? Дети, лишённые родительской ласки, как всегда завидуют сверстникам, живущим с отцами и матерями. Особенно обостренно это чувствуют дети с физическими или умственными недостатками. Подобная ущербность, как клеймо, остается на всю жизнь, пагубно сказывается на психике, порождает комплексы неполноценности, влияет на интеллектуальные способности человека. Обычно комплексы присущи незащищенным людям. Но со временем комплексы могут и пройти. Однако не у всех. У кого-то они приобретают другие формы, порою уродливые, личность формируется с пороками. И в том не вина их, а беда.

Полбеда, если этот индивидуум живет сам по себе, со своей семьей, которой не позавидуешь, а если он, по воле случая, возглавит коллектив или, еще опаснее, станет во главе государства? Такое обычно оборачивается трагедией для народа.

Став взрослее, Сапармурат, возможно, мучительно переживал: что произошло с отцом?.. О нем говорили всякое: то пропал без вести, то погиб в бою, то сдался в плен или будто его судили как дезертира и расстреляли...

Слухи эти, разумеется, не могли пройти в душе Сапармурата бесследно. К горечи обиды примешивалось и липкое чувство страха. К тому же мать взяла да и съехала из родного Кипчака... Что причиной тому? Слухи об отце?.. Но в селе жили многочисленные отцовские родичи. Казалось бы, она должна быть привязана к родному селу: здесь вышла замуж, здесь создала семейный очаг, здесь родила детей, отсюда проводила в армию мужа... Что может быть милее и дороже этих мест? И ее никто не попытался удержать?

У туркмен испокон веков существовал неписанный закон: человека, нарушившего нравственные устои жизни, изгоняли из села. Тяжкое наказание. Неужели мать переступила этические нормы и почувствовала, что ей не место по соседству с родичами мужа? Как могла молодая женщина с тремя, мал мала меньше, податься в незнакомый город, где ни родственников, ни знакомых?.. Может, знакомые были?

Чем больше вопросов, тем больше неясностей. Почему после той трагической ночи на помощь осиротевшему Сапармурату поспешил только Гурбангельды-ага, дед по матери? А куда подевались родичи с отцовской стороны, которые у туркмен считались и считаются ближе, нежели с материнской? Они вовсе не навещали мальчика. Значит, они таили на мать неизгладимую обиду? И в детском доме Сапармурата больше опекала материнская родня, отцовская всегда держалась отчужденно, и это вызывало у него чувство обиды, ущемленности, и, спустя долгие годы, став во главе республики, он в многолюдье попрекнет родичей отца.

“Дыня от дыни цвет набирает”, — говорят туркмены. И если, став взрослым, Ниязов не нашел у себя великодушия простить отцовским родственникам их давнюю черствость, то это, вероятно, следствие того, что его в детстве и юношестве окружали взрослые, не всегда понимавшие чувствительную душу сироты. Мы не всегда замечаем, что взрослые, помимо своей воли, сами того не подозревая, заражают детей пандемией греховности. Это метко подметил А. П. Чехов в рассказе “Житейская мелочь”.

Восьмилетний Алеша (столько же было и Сапармурату, одиноко восседавшему на руинах землетрясения) поведал сожителю своей матери о том, что он вместе с сестренкой Соней тайно видится с отцом. Мамин любовник, любопытства ради, расспросил мальчика обо всем подробно, и тот под “честное слово” доверяет тайну взрослому, который поклялся, что “ничего не скажет маме”. А он слова своего не сдержал. Тут же, как только мать вернулась домой, рассказал обо всем при потрясенном Алеше, лишь простонавшем: “Ведь вы дали честное слово!” Потом наедине с Соней под детски сокрушался, как его жестоко, подло обманули. Рассказывал с дрожью в голосе, заикаясь и плача: это он первый раз в жизни лицом к лицу так грубо столкнулся с ложью.

Врагами ребенку нередко непреднамеренно оказываются близкие, порою родители, даже родная мать. Если его в детстве часто обманывали, то и он, вырастая, старается обмануть других, ибо ложь успевает исковеркать душу ребенка до такой степени, что тот уже не может отрешиться от нее, став даже взрослым, независимо от того, какое положение он занимает в обществе.

Мальчику, а затем юноше хотелось быть лучше других, и это понималось как “быть хитрее всех”, но — не удавалось. Он завидовал всем, кто лучше одевался, питался, имел карманные деньги, кто был сильнее и ловчее, а также складнее говорил. Он, конечно, пытался им подражать, но неудачно, и это злило его неимоверно.

Судя по музейным экспонатам, Сапармурат в школе писал только отличные сочинения, задавал учителям смущавшие их умные вопросы, четко и бойко отвечал на уроках, часто выступал на школьных вечерах и различных олимпиадах. Но тогда естественен вопрос: “Почему он и по сию пору косноязычен?” Его речь невнятна и обрывиста не только по-русски, но и на родном языке. Ведь язык — орудие мысли, а от этого “продукта” мозга зависит многое. Если в нем человек испытывает дефицит, то он, скажем, перефразируя слова Л. Н. Толстого, мыслит кое-как: неточно, приблизительно, неверно.

Словом, из тяжелой безрадостной жизни один выходит простым, правдивым, добрым, чутким, другой — высокомерным, озлобленным, мстительным, нередко невежественным, снедаемым одним неизлечимым недугом — завистью ко всем и вся. Ведь зависть — корень зла, и этой отвратительнейшей черте человеческого характера, как всегда, сопутствуют ненависть, интриги, предательство, мизантропия. И горе той стране, ее подданным, если ее правитель заражен этим неизлечимым недугом. Завистник, обладающий властью, расправляется с умными, неординарно мыслящими личностями и благоволит лишь к таким, как сам — посредственностям.

“НЕ ДЕЛАЙ ТОГО, ЧТО МУЛЛА ДЕЛАЕТ”

Туркмены обычно друг друга по отчеству не величают: фамилию же принято давать по имени отца. Поэтому Сапармурат должен был носить фамилию — Атамурадов. Но он, изменив национальной традиции, почему-то избрал фамилией вторую половину имени деда по отцу — Аннанияза, отсюда — Ниязов, а отчеством взял первую часть имени отца и стал Атаевичем. И по имени его всегда называли коротко — Сапар, без второй половины — Мурат.

Говорят, хоть горшком называй, но в печку не сажай... Сапармурат, вероятно, знавший о репрессированном деде-арчине и не особенно уверенный в “пропавшем без вести” отце, надеялся, изменив фамилию, что никто, пожалуй, не докопается до его родства с “чуждыми элементами”.

Не собираюсь никого осуждать. Но не утай Ниязов правды об отце и деде, не схитри, быть может, иначе сложилась бы его жизнь. И все-таки со временем Ниязова в народе прозовут Сапар-яланчи — Сапар-враль или более поэтично Алдар-косе — Веселый обманщик, ибо фантазия у новоявленного “героя” необычно вдохновенная, как у того легендарного плута, чей образ всегда живет в туркменском народе. Но эта “слава”, как и анекдоты о нем, ждут его еще впереди.

Привычка постоянно хитрить станет с годами его второй натурой. Хитрость и ложь — родные сестры. Кто-то из великих мыслителей говорил, что хитрость — образ мыслей ограниченных людей и очень отличается от ума, на который по внешности походит.

После средней школы-интерната Сапармурат поступает на работу. Запись в трудовой книжке начинается с территориального комитета профсоюза.

Но здесь он долго не задержался, работал, видимо, лишь для того, чтобы вступить в КПСС и податься на учебу в Ленинград, тем более сиротам-детдомовцам, особенно из национальных республик, поступавшим в вуз, при приеме отдавалось предпочтение. В политехническом институте учился ни шатко, ни валко, ничем среди других особенным не выделяясь, тянул в основном на “троечки”. Зато, спустя много лет, из уст самого президента мы узнаем, будто юный Сапармурат, проводя многие часы в одной из библиотек Северной столицы, тайком обдумывал планы свержения Советской власти. При этом никогда не вдаваясь в подробности, каким образом он собирался это совершить.

Правда, это заявление не стыкуется с другим: в интервью газете “Вечерняя Москва” он пытался убедить читателей, что его с детства “увлекали идеи Компартии”, но “убедившись в неосуществимости этих идей”, он от них отрекся. Лучше поздно, чем никогда? Но это не помешало ему в бытность первым секретарем ЦК КП Туркменистана на одном из форумов в Москве обратиться к М. С. Горбачеву с просьбой отправить на “перевоспитание” либерально настроенного Б. Н. Ельцина, находившегося тогда за свои убеждения в опале. По всей вероятности, наличие в Ниязове духа коммунистических идей определялось высотой положения его в партии, о роспуске которой еще речь не шла. А когда Ельцин, одержав победу, стал президентом России, Ниязов без тени смущения, чуть ли не бил себя в грудь, пытаясь уверить туркменскую аудиторию, что он, будто, являясь единомышленником Бориса Николаевича, А. Н. Яковлева и других демократов, вел с ними заодно подрывную работу по развалу КПСС и Советского Союза. Выходит, и в состав Политбюро ЦК КПСС он вошел с тайной целью? Интересно, что испытывал Ельцин во время своего визита в Туркменистан, когда Ниязов подарил ему чистокровного туркменского скакуна? А Ниязов?.. Если бы он знал, что Ельцин так высоко взлетит!..

Вернувшись из Ленинграда с дипломом инженера-энергетика, Сапармурат стал мастером на Безмеинской ГРЭС. Здесь помнят худощавого, юркого молодого человека, в чью черную густую шевелюру уже начала закрадываться седина. Он был покладист, молчалив, услужлив, умел ладить с любым начальством. А сверстникам и коллегам постарше возрастом и должностью он запомнился своей безотказностью: “Сапарка, сбегай за пузырьком!” — командовал начальник цеха. И он, сломя голову, исполнял поручения.

Кто знал, что пройдет еще немногим более двух десятков лет, и с именем и портретом Сапарки станет выходить в Туркменистане первоклассная 45-ти градусная водка “Сердар” — “Вождь”, которую в Ашхабаде можно достать лишь переплатив или по великому благу. Это, однако, не мешает правоверному Ниязову, став президентом, совершить хадж — паломничество в святую Мекку, поклониться священному камню в Каабе, помянув Аллаха, назвать в Геокдепе соборную

мечеть своим именем и пить одноименную водку, хотя ислам запрещает мусульманину употреблять алкоголь. Видно, в угоду лицемерам родилась мораль: не делай того, что мулла делает, а поступай, как он советует.

В 70-е годы XX столетия, в пик застойных лет в единственную правящую партию в стране открылись двери коррумпированным лихоимцам, мздоимцам, карьеристам, а на высокие, даже партийные и государственные посты по протекции и кумовству выдвигались безликие, весьма посредственные личности, единственным достоинством которых была личная преданность сильным мира сего и умение молчать, закрыв глаза на все, что бы ни происходило вокруг. Эти паразитирующие типы, лишь числившиеся в партийной номенклатуре, но вольготно пользовавшиеся всеми благами системы, и подорвали партию изнутри, развалили великую державу — СССР.

Вот тогда-то руководство Безмеинской ГРЭС, которому импонировали исполнительность и безропотность Ниязова, пока еще ничем не успевшего себя проявить в качестве специалиста, с одобрения горкома и ЦК партии, избрали секретарем первичной партийной организации. Принцип подбора кадров и тогда был един — каждый руководитель подбирает работников по своему образу и подобию: чтобы не высывался, был умным, пускай, но не умнее своего шефа. Ну, а насколько был умен новоиспеченный секретарь, одному Аллаху было ведомо. Преподанный урок Ниязов настолько хорошо усвоит, что, добравшись до президентского кресла, заявит: “Умные работники мне не нужны, с ними трудно сговориться...”

Технарь из него не получился, может, партийный функционер выйдет? Он поступил в заочную Высшую партийную школу и, проучившись пять лет, стал обладателем второго диплома о высшем образовании. Есть у туркмен циничная поговорка: “Не судите обо мне, как я овец пасу, а смотрите, какую за то плату получаю”. Неважно, как Сапармурат проучился, какие знания приобрел, главное, в кармане два вузовских диплома, которые оказались кстати, когда о человеке судили не по его деловым качествам, а по анкетным данным — не судим, за границей родственников не имеет, никто репрессиям не подвергался и т.д.

И когда из Москвы в Ашхабад пришла директива рекомендовать для работы в аппарате ЦК КПСС кого-либо из руководящих партийных работников, ЦК КПТ назвало более или менее достойную кандидатуру, прошедшую многие звенья партийной и советской системы, начиная от инструктора и председателя горисполкома и кончая заведующим отделом ЦК и столичным мэром. Человека относительно молодого, энергичного, без пяти минут доктора наук, автора многих трудов. Кандидатуру его Москва отвергла без каких-либо видимых причин, в первопрестольной на примете был другой, “свой”, — первый секретарь Ашхабадского горкома партии Ниязов. А у руководства ЦК КПТ не хватило ни принципиальности, ни решительности настоять на своей рекомендации. Так Ниязов стал инструктором отдела организационно-партийной работы ЦК КПСС. Никто не сомневался, что его готовят на смену первому секретарю ЦК КП Туркменистана. Почему-то считалось, что функционер, проработавший в высшем партийном органе, непременно обретает чуть ли не талант и мудрость человека с семи пядей во лбу, и его место в республике, рано или поздно, только в кресле первого лица.

Вскоре, в 1985 году Ниязов вернулся на родину, его назначили председателем Совета Министров Туркменской ССР. С неба звезд, конечно, не хватал, но, главное, обладал редкими качествами — не высывался, проявлял исполнительность и чрезмерную уважительность, граничащую с подхалимажем по отношению к первому секретарю и всему аппарату ЦК. Зная, что на заседание Совета Министров прибывает первый секретарь ЦК, Ниязов загодя встречал его у парадного подъезда, открывал тяжелую дверцу “членовоза” и, как драгоценную, ношу принимал из его рук шляпу и торжественно шествовал следом, затаив дыхание. Без тени смущения он брал на себя несвойственные Предсовмину функции: лично следил, чтобы первому лицу в республике регулярно доставлялись домой свежие продукты, а в Москву, по разным высоким адресам, отгружались экологически чистая баранина, говядина, осетрина, икра, фрукты, овощи. Ведь в распоряжении Совмина был крупный пригородный совхоз “Карадамак”, финансируемый государством, покрывавший все его нерентабельные расходы.

Вероятно, Ниязов оправдал доверие Центра, и через каких-то девять месяцев его “избрали” первым секретарем ЦК Компартии Туркменистана. Он стал полновластным хозяином республики. Теперь руки у него были развязаны. Над ним возвышалась лишь Старая площадь, но там обретались свои люди, составившие ему протеже на столь высокую должность.

ВЗОРЫ ВОРОНА ВСЕГДА НА ИНЕРЕ

Еще с конца застойных брежневских лет первые секретари ЦК Компартии в ряде тюркско-азиатских республик превращались в полунезависимых владык. Правили они безраздельно, откупаясь от Центра данью — нефтью, газом, хлопком, шерстью, каракулем, шелком-сырцом. Каждый “первый” чувствовал себя на местах, как говорится, Богом, Царем и Героем.

Правда, обстановка в среднеазиатском регионе не всюду была однозначна. Туркменистан в силу национально-психологических особенностей его народа еще не был охвачен общим психозом национальной замкнутости, характерной для его соседей. Но Центр, узревший угрозу своему владычеству, этих различий особенно не признавал и ко всем республикам подходил с одной меркой. От андроповской жесткости на местах отделались легким испугом. Положение должна была исправить горбачевская перестройка, которая, по замыслу ее авторов, намеревалась разгромить “неотесанных фрондистов”, чувствовавших себя в своих вотчинах полновластными хозяевами, олицетворением закона и высшего суда. Началось с наступления на старые кадры, и в Среднюю Азию время от времени отправлялся партийно-государственный “десант”, состоявший из партийных функционеров, юристов, работников правоохранительных органов.

“Десантником” и проводником линии Центра возомнил себя и Ниязов. И напрасно кое-кто считает, что этапы перестройки и ветры социальных катаклизмов не коснулись ни его, ни республики. Они сказались на судьбах тысяч, и Ниязов, вставший во главе республики, умело использовал все кампании, не без подсказки свыше, в личных интересах, для устранения возможных соперников, для удовлетворения амбициозных притязаний. Выпестованный Центром, наделившим его безраздельной властью, он стал бедой для собственного народа. Но это были ещё цветочки.

На первых же республиканских пленумах ЦК Ниязов показал свой характер. Его участники убедились, новоявленный секретарь нетерпим к критике, к здравым суждениям и предложениям. На этих пленумах он шельмовал министра торговли Е. Г. Рыбалова, осудившего стиль руководства нового секретаря. Судьбу министра разделил и заведующий отделом ЦК Ю. Л. Киреев, вынужденный уйти со своего поста. “Персоной нон грата” были объявлены заместитель заведующего отделом ЦК Г. А. Туманов, секретарь Ашхабадского горкома партии Ж. К. Чарыева, отдельные отраслевые секретари ЦК, зампреды Совета Министров, министры и многие другие кадровые работники, к которым когда-то питал антипатии или имел какие-то претензии сам Ниязов, будучи первым секретарем столичного горкома КПТ.

Новая метла метет по-новому. Но вскоре, обламываясь, начинает мести по старому. Это к Ниязову не подходило: он “мел” усердно и без устали. Сказано же, если хочешь испытать человека, дай ему власть. Она безошибочно выверяет его ум, справедливость, человечность. И Ниязов, засучив рукава, разогнал большой отряд республиканских, областных, районных партийных, советских и комсомольских работников. Среди них первые и отраслевые секретари обкомов и райкомов, председатели исполкомов и их заместители, министры и председатели комитетов, руководители и ответственные работники ЦК и Совмина... Назову лишь некоторые имена, оказавшиеся не ко двору: Б. Атаев, О. Ходонаков, Р. Худайбердыев, Ч. Гедженов, Е. Т. Митрин, Б. Тагандурдыев, Ю. К. Могилевец, М. Г. Оразова, Т. Амангельдыева, Г. Б. Гельдыева, А. Чагылов и многие другие.

Это был поистине золотой фонд республики, профессионалы, интеллектуалы, организаторы производства, глубоко знавшие свое дело. Видимо, в том и была их “вина”, что Ниязов методично, по второму, а то и по третьему кругу менял руководителей областных и республиканских органов. Под его “метлу” попадали, как правило, толковые, самостоятельные мыслящие, инициативные и перспективные специалисты.

Ниязов не пощадил и хозяйственников. По так называемому хлопковому делу были арестованы тысячи хлопкоробов: руководители хозяйств, колхозные бригадиры, заведующие отделений совхозов, базами, работники хлопкоочистительных предприятий, простые колхозники, обвиненные в “хлопковых махинациях”. Лес рубят — щепки летят? Ведь люди для властолюбцев — это “щепки”, разлетающиеся в разные стороны, когда последним надо утвердиться у кормила власти. Любой ценой, даже неоправданной жестокостью, которая все явственнее проступала в действиях Ниязова. А жестокость, известно, признак слабости.

Через года два-три после массовых арестов объявляется амнистия. Что движет правителем:

милосердие, честолюбие, популизм? Что побуждало пачками арестовывать сыновей-кормильцев, отцов и матерей семейств? А ведь “добро” на массовые аресты и указы о помиловании давала одна и та же рука — Ниязова. Где здравая логика? Или у правителей она иная?

Победителю пристало быть милосердным, великодушным. Но на подобное способен человек достойный, сильный духом. У Ниязова была возможность хотя бы ненадолго завоевать себе такой авторитет, прислушайся он к рассудку, когда оказался на коне, то есть добился вожденной цели, став первым секретарем ЦК. Человечно ли было с его стороны преследовать своего “соперника”, рекомендованного еще в 1979 году в аппарат ЦК КПСС, вместо которого поехал Ниязов? Им был никто иной как Амантаган Бекджанов, защитивший к тому времени докторскую диссертацию, пользовавшийся среди интеллигенции деловым авторитетом. Вот такого-то на дух не переносил Ниязов. Уж куда только он ни переводил Бекджанова. Из столичных мэров — в систему народного образования, оттуда в профсоюзы... Всякий раз намекали, что ему места в столице нет. Найдет ли себе в провинции применение специалист с дипломом доктора наук? И третируемый А. Бекджанов, не вынеся гонений и шельмования, был вынужден уехать на периферию, где вскоре скончался от сердечного удара.

ФЛЮГЕР

Слову “флюгер” в четырехтомнике “Словаря русского языка” дается толкование: “О человеке, часто меняющем свои взгляды, убеждения”.

Говорят, когда Цицерона сенаторы уличили в двуличии, тот нашелся с ответом: “Я клялся языком, ум мой не клялся”. Право, не знаю, хватит ли у Ниязова догадливости, скорее, уверенности сослаться на свой ум, если припомнить ему все его поступки, когда он, упиваясь властью члена Политбюро ЦК КПСС и “первого” в республике, витал в небесах. Его вполне устраивало собственное положение, достигнутые им высоты, а о независимом Туркменистане, а тем более о президентском кресле, он тогда и не мечтал. Скажи ему тогда об этом, он почел бы такую мысль крамольной. Как говорят, аппетит приходит во время еды.

Ни по возвращении на родину, совпавшем с годами перестройки, ни позже Ниязов не имел собственных идей переустройства туркменского общества. Из-под его пера на эту тему ни тогда, ни сегодня не вышло ни одной работы, хотя в своих выступлениях и интервью он имеет обыкновение прихвастнуть, что много читает, пытаюсь восполнить недостаток своего образования, да и воспитания. Впрочем, учиться никогда не поздно, если чувствуешь пробел в знаниях. Даже президентам. Лишь бы впрок пошло.

Автор этих строк далек от желания покуражиться, но Ниязов в своих многочасовых выступлениях, будь то заседания Кабинета Министров, Меджлиса или Совета старейшин, непременно транслируемых по телевидению и радио, нередко, как открытие, приводит факты и события, известные семиклассникам, вызывая у слушателей невольные улыбки. Что это, неосведомленность президента? Или невежество аппарата, если речь идет о его малограмотных пресс-секретарях, которых он также часто меняет?

Правда, в последние годы изданы многотомники его докладов, речей, интервью, но это, по сути, — коллективный труд большого отряда спичрайтеров, редакторов, добросовестно поработавших над его сумбурными, косноязычными выступлениями, в которых больше позы и жестикуляций, нежели мыслей. Литературные “рабы” обычно превращают невнятность его суждений в определенную ясность, особенно при переводе на русский язык и когда, послушав бредовую речь президента на туркменском языке по телевидению, сопоставляешь ее с опубликованной, то это, как уже упоминалось, небо и земля.

На нашей памяти как в верхи, так и в низы КПСС, втерлось немало проходимцев, демагогов, для коих коммунистическая идеология, партийный билет являлись своего рода талисманом, карточкой для входа в спецраспределители. Характерным это было и для партийных кадров, влившихся особенно в застойные годы из хозяйственных структур — промышленности, строительства, транспорта, сельского хозяйства. К их числу можно отнести и Ниязова. Еще Юсуф Баласагуни говорил: “Меч создает государство и приобретает народы, правит же государством и собирает казну — ученость”. О какой “учености” Ниязова можно говорить?

Однако, несмотря на свое высокое положение, на пребывание в элитных сферах, Ниязов из-за своей ограниченности, теоретической неподготовленности, не смог усвоить, осмыслить идей демократии, которые, судя по его политике, не вошли органично в его сознание. Нет ничего удивительного в том, что он как не был истинным коммунистом, так не стал истинным демократом. Хотя он ныне и выдает себя за “отца” туркменской демократии, но это, если не самообман, то чистой воды демагогия. Это тема особого разговора, и к ней мы еще вернемся.

Не единожды меняя свою личину, Ниязов никогда не был самим собой. Это — разрушитель под маской коммуниста, затем демократа, наконец, диктатора. А пока в моем повествовании он еще не президент, и потому не только осторожен, но и труслив, оттого лоялен, даже демократичен и, выступая в Москве на Первом съезде народных депутатов СССР, цитируя В.И. Ленина, ратует за “возрождение авторитета партии”, предлагая соединить “партийную и государственную власть в руках лидера перестройки” и силой партийной власти “двигать вперед перестройку”.

Характеризуя социально-политическую обстановку в республике, он ограничился демагогическими заверениями, ибо не владел обстановкой да и не хотел затруднять себя “головоломкой”. У нас, в Туркменистане, мол, все спокойно, и мы, туркмены, в отличие от своих беспокойных соседей, хорошие, законопослушные, ибо “для нашего народа не характерно

стремление к национальной замкнутости, нет для этого исторических корней. Консолидация туркменской нации происходила после Октября, и нашему становлению помогали практически вся Россия, все народы страны, в особенности русский народ. У нас сложилось устойчивое двуязычие. Мы думаем, двуязычие для нас — самое подходящее, ведь в нашей республике проживают 12% русских, 7% узбеков, 3% казахов, от 1 до 2% армян, азербайджанцев, украинцев и других. Сегодня разделять республику, объявляя статус *какого-то* (!) (выделено мной — В.Р.) языка, считаем нецелесообразным. По этому вопросу мы советовались со своим народом”. (“Правда”, 03.06.89).

Ой ли?! Вот какие песни пел Ниязов, будучи первым секретарем республиканского ЦК. Он, как всегда, лицемерил. Прекрасно зная отношение туркменской интеллигенции к двуязычию, Ниязов лицемерил и в этом вопросе. Из донесений КГБ ему, первому лицу в республике, было известно, что 21 апреля 1988 года в столичном ресторане “Копетдаг” состоялась памятная встреча представителей туркменской интеллигенции, где впервые за годы советской власти открыто прозвучали “крамольные” слова: “независимость”, “государственный язык”, “самостоятельность”, “национальная кадровая политика”... Инициаторов этого собрания, по приказу Ниязова, не замедлил вызвать на ковер тогдашний секретарь ЦК по идеологии Худайберды Дурдыев, тоже страдающий славословием. Он часами буквально допрашивал “крамольников” — известных писателей, художников, музыкантов. Иногда сюда, будто невзначай, заглядывал сам Ниязов. Чего только не услышали они из секретарских уст, начиная от дешевых посулов, вплоть до прямых угроз, оказавшимися не пустыми.

В ответ на концепцию о двуязычии, которую высказал Ниязов с трибуны I-го съезда народных депутатов СССР, в Туркменистане в сентябре того же года было объявлено о создании общества “Агзыбирлик” (“Единство”), провозгласившее идеи демократии и гласности, взявшее на себя задачи содействовать перестройке. Наряду с признанием туркменского языка как государственного, оппозиция предлагала добиться подлинной независимости республики, неукоснительного выполнения гарантированных Конституцией прав человека, не допустить возврата общества к тоталитаризму, осмыслить историю туркменского народа, открыть ему глаза на колониалистскую политику российского царизма в Средней Азии, изобличив конъюнктурную концепцию о добровольном вхождении Туркменистана в Россию.

Подобные мысли высказывались в ту пору и на страницах республиканских газет “Совет Туркменистаны”, “Туркменская искра”, “Эдебият ве Сунгат”, “Яш коммунист”, “Комсомолец Туркменистана”, “Суббота” (последние три издания распоряжением президента впоследствии были закрыты).

Ниязов, как всегда, поддерживавший официальную линию, в требованиях оппозиции явно увидел опасность прежде всего своей личной власти и, скрепя сердце, пошел на то, что не признав “Агзыбирлик” де-юре, все же признал его де-факто, отдав оппозиционную организацию под контроль Президиума академии наук.

В ноябре 1989 года в интервью газете “Правда”, пытаясь успокоить общественное мнение, Ниязов сообщил, что проект Закона о языке вынесен на сессию Верховного Совета республики. После этого прошла еще одна сессия, но Закон так всенародно и не обсуждался. Ниязов вовсе не был приверженцем двуязычия и абсолютно не пекся о русском языке, на котором постоянно общалась почти треть населения, не говоря уж о том, что многие туркмены своим вторым родным языком считали русский. И не это его волновало. Он выжидал. Участвуя в заседаниях Политбюро ЦК КПСС, получая из Москвы директивы, он знал о настроениях, царивших в Центре, среди партийных и государственных чиновников, конечно, не одобрявших демократических выступлений на местах. И Ниязов из кожи лез вон, чтобы угодить Центру, политике его большинства, благодаря которому он в республике стоял у кормила власти.

Все же его иногда обуревали сомнения. А вдруг волна либерализации схлынет, пойдет на убыль, победят противники Горбачева, и тогда прощай секретарство, членство в Политбюро. Лучше уж переждать и держать нос по ветру: вертись, как флюгер, во все стороны. Боялся продешевить и в другом случае: а если победят демократы? Их он в душе не переносил. Консерваторы были ему ближе по духу: все привычное, проторенное, ничего нового придумывать не надо и голову всякой всячиной забивать. Будь на то его воля, он ничего менять не стал бы: чем плох этот режим, давший ему неограниченную власть. В том он убедился еще раз во время январских выборов 1990 года. На последней сессии Верховного Совета ТССР в декабре предыдущего года он откровенно признался, что для него демократия — это лишь игра, и еще не названный даже кандидатом в депутаты, заявил, что непременно будет “избран” депутатом, а затем и председателем Верховного Совета республики.

И стал. Поэтому его вполне устраивала и эта система. А дай волю демократам, расплоди другие партии, устрой говорильню, кто знает, возвысился бы на такую высоту?

Однако рассудил: овчинка выделки стоит. И он сам взвалил на себя тяжелую ношу — опеку над оппозицией. Но радел по-своему, по-ниязовски, рассудив, что быка следует бить по рогам — все тело затрепещет. Для острастки решил начать борьбу с организаторами демократического движения, чтобы остальным неповадно было.

Выступая перед учеными в конференц-зале Академии наук, Ниязов публично пригрозил поэту Ширали Нурмурадову, что упрячет его за решетку, если тот не перестанет писать острую антиниязовскую сатиру, которая на видеопленке и в магнитофонной записи разошлась по всей республике, и народ, где тайком, а то и в открытую слушал поэтические изобличения авторитарного режима, двуличной политики республиканского руководства. Удивительно, что никто из присутствующих не возвысил голос в защиту поэта, не осудил диктаторские замашки Ниязова. И молчаливое одобрение научной интеллигенции подвигло Ниязова впервые за все годы своего правления сдержать слово: в сентябре 1990 года Ш. Нурмурадова арестовали по состряпанному “уголовному” делу, осудили сроком на семь лет тюремного заключения.

Спустя полтора года поэт, к счастью, вышел на свободу — шитое белыми нитками “уголовное” дело, как и следовало ожидать, рассыпалось — но домой не вернулся. Ш. Нурмурадова, освобожденного с помощью международных правозащитных организаций, было бы уготовано на родине самое худшее, не эмигрируй он вовремя в Швецию. Вполне вероятно, что поэта здесь ожидала горестная участь загадочно погибших соратников по “Агзыбирлику”, тех, кому неприкрыто угрожали в кабинетах ЦК Компартии Туркменистана. С четвертого этажа без свидетелей выбросили талантливого писателя Акмурата Широва, резко критиковавшего политику местных властей. В тот трагический момент рядом с беспомощным человеком почему-то оказался гнусный тип, постаравшийся затянуть время с вызовом “скорой помощи”, пока жертва не издала последний вздох в страшных муках. Следом какая-то неизвестная автомашина убивает насмерть блестящего поэта Бапба Геокленова, “дерзкого вольнодумца” и “смутьяна”, посягнувшего в своих едких стихах на “авторитет” Ниязова.

ЗАПАСНЫЙ АЭРОДРОМ ПРЕЗИДЕНТА

Солнце ладонью не заслонишь. Передовые представители творческой интеллигенции, охваченные идеями перестройки, поверившие в провозглашенные лозунги о демократии, не могли смириться с тем, что руководство республики, голосуя на словах за последовательную линию демократизации общества, на самом же деле, стремясь нажать политические дивиденды, манипулировало общественным мнением. В этом отношении весьма показательным был очередной и последний, в буквальном смысле этого слова, съезд писателей Туркменистана, состоявшийся в феврале 1991 года.

Гораздо позже Ниязов в ряде своих выступлений утверждал, что с 1986 года, то есть, когда он уже больше года возглавлял республику, ее правоохранительные органы будто проводили целенаправленную политику стравливания родов и племен, чтобы тем самым защитить проживавшее в Туркменистане русскоязычное население. “Первые уличные беспорядки случились именно у нас, — говорил он на встрече с представителями творческой интеллигенции 14 февраля 1997 г., вспоминая процесс развала СССР. — Инициаторы этих бесчинств, собрав 400-500 юнцов, одели их в спортивные костюмы “Монтана” и пустили по улицам. Заставили бежать до Текинского базара и забрасывать машины камнями. В то время я был первым секретарем ЦК, дал указание никого не трогать. Эти юнцы разбрелись уже на подходе к Текинскому базару. 20 из них были задержаны, остальные разбежались. Кто же стоял за этим происшествием? Тогдашний министр внутренних дел Гринин. Он и ему подобные делали все, чтобы посеять среди туркменского народа раздор и смуту, им была выгодна дестабилизация” (“НТ”, 18.03.97).

А в другом своем выступлении перед религиозными деятелями 18 апреля 1994 г. президент уверял, что тогдашний председатель КГБ республики П.М. Архипов, рассуждая о пользе раздоров и конфликтов, будто заявил: “Это даже неплохо... Если между туркменами возникнет родоплеменной спор, до других национальностей у них руки не дойдут” (“ТИ”, 25.04.94).

Если это действительно так, то, выходит, Ниязов в обоих случаях занимал роль стороннего наблюдателя и не считал нужным поставить на место “русских провокаторов”, какими он пытался представить тогдашних руководителей силовых структур. С какой стати он тогда молчаливо согласился с их рассуждениями, а то и недозволенными действиями? Уж не на руку ли были и ему вспышки межплеменных раздоров?

Возможно, подобная “акция” исходила с подачи самого Ниязова, занимавшего тогда посты Первого секретаря ЦК и председателя Верховного Совета ТССР. Накануне писательского съезда он принимал группы литераторов, представлявших различные регионы и, заигрывая с каждой, давал одни и те же векселя, заведомо зная, что это рассорит их, внесет еще больший разлад в писательские ряды.

Если же воспроизвести правдивую картину съезда, то его покинула часть делегатов во главе с народным писателем Туркменистана Рахимом Эсеновым. Писатели Н. Ходжагельдыев, Е. Аннакурбанов, Г. Какабаев, Д. Курбанов объявили голодовку. Все эти действия писателей были вынужденными, крайними формами протеста против методов волевого нажима на деятелей литературы, административного диктата руководства республики.

Писательский форум вместо того, чтобы обсудить самые насущные экономические, литературные, политические, социальные, экологические проблемы был запрограммирован на другое: посеять раздоры между собратьями по перу и... разогнать Союз писателей.

Тон тому задал сам Ниязов, которому с самого начала предоставили слово: “На этом съезде, — безапелляционно заявил он, — меньшинство должно слушать большинство”. Подзуживаемое таким высоким опекуном **агрессивное меньшинство (?)** пошло в атаку, горя желанием поделить кресла и должности, которые посулил сам президент.

О, если бы Ниязов был творческим человеком и за свою жизнь написал хоть одну-две страницы литературного текста, — в нем наверняка подобная мысль и не зародилась бы. Ему, пожалуй, грешно не ведать о том, что Союз писателей — не партия, строго придерживающаяся буквы ее устава, где основой основ, как известно, является именно принцип большинства. Литература — дело тонкое, штучное, интимное, писатель — “индивидуалист”, “частник”, работающий уединенно, и труд его на поток “конвейера” не поставишь. “Махтумкули у нас один и Пушкин — один, — с горечью писал тогда в российскую “Литературную газету” известный туркменский писатель,

протестуя против произвола республиканских властей. — Неужели не изжиты печальные времена, когда Власть руководила Творчеством?..” (“ЛГ”, 07.08.91).

На съезде неистовствовали равноудаленные как от политики, так и от общей культуры люди, за коими возвышалась фигура самого Ниязова. Их главной задачей стало протаскивание решений, угодных президиуму. Съезд свели по сути к одной проблеме: борьбе за обладание органами печати и кому быть в руководстве Союза писателей.

Литературная газета “Эдебият ве Сунгат”, публиковавшая острые материалы, расходившиеся с официальным мнением, все меньше устраивала самого Ниязова. Ее коллектив, возглавляемый поэтом Аширкули Байриевым, добился того, что издание перестало быть органом лишь Союза писателей и Министерства культуры, а стало выражать интересы всех творческих союзов республики. На съезде, не без указки свыше, был поднят вопрос о “своевольстве” главного редактора, объявленного либерально мыслящим человеком, и это дало повод руководству ЦК освободить вскоре А. Байриева от руководства газетой.

По команде президента был снят с должности поэт Байрам Жутдиев, главный редактор журнала “Совет эдебияты”, считавшегося органом Союза писателей. “Вина” его заключалась в том, что в одном из номеров журнал опубликовал материал о преступлениях партийной номенклатуры. От преследования за критику Б. Жутдиева не спасло даже собственное членство в ЦК Компартии Туркменистана.

На следующий день было печально и смешно видеть, как милиция выдворяла из служебного кабинета Б. Жутдиева, а вставший на защиту главного редактора возмущившийся коллектив “усмирял” заместитель председателя Верховного Совета, а ныне председатель парламента Туркменистана С. Н. Мурадов.

Итоги съезда оказались плачевными. В состав правления и президиума Союза писателей были “избраны” в основном угодные властям люди, управляемые, удобные своей послушностью, безликостью, которые вскоре согласились с разгоном своей организации. Над журналистами и газетой также утвердилась монополия партийных чиновников. Скоро, очень скоро их фактическим учредителем, как и всех изданий в Туркменистане, стал сам президент. А литературный журнал “Ашхабад”, долгие годы издававшийся на русском языке, перестанет вообще существовать.

Консолидация писателей (этого-то и опасался Ниязов!), за которую ратовали организаторы съезда, происходила не на ниве творчества и таланта, а на знакомой платформе конформизма и единения ради “претворения в жизнь” спущенных сверху директив, основанных на “региональном подходе”, который не объединял, а наоборот, разъединял, разобщал литераторов, подогревая в их среде межплеменные страсти. Спустя восемь с лишним лет Ниязов, выступая перед творческими работниками, распинался в своей “любви” к писателям и утверждал, что он, якобы, на том съезде сказал: “Писатели, вы мне нужны” (“Туркменистан”, 10.07.99). Ничего подобного он тогда не заявлял, да такие слова не зафиксированы ни одной газетой. Однако это не помешало ему вскоре после такого “заявления” распустить Союз писателей и также поступить и со всеми другими творческими организациями. Зато на встрече с творческими работниками 5 марта 1999 года он разоткровенничался: “Мы правильно поступили, что распустили творческие союзы. Они — центры сплетен”. И это суждения главы государства, правящего страной на рубеже XX – XXI века!

24 мая 1990 года под давлением демократической оппозиции Ниязов в качестве председателя Верховного Совета ТССР подписывает “Закон о языке”, закрепивший за туркменским языком статус государственного языка на всей территории Туркменистана. Туркменский и русский языки были признаны языками межнационального общения. “Закон о языке” утвердил и правовую защиту русского языка, но Ниязов волевым решением, в нарушение всех норм права русскоязычного населения, ликвидировал все русские издания, за исключением президентской газеты “Нейтральный Туркменистан”, отменил телевизионные передачи на русском языке, свел до минимума трансляцию московских передач ОРТ. Не пройдет и года, Ниязов, не моргнув глазом, заслугу в объявлении государственного языка припишет только себе, будто Закон был принят по инициативе президента, благодаря его мужеству и настойчивости, наперекор Центру. Вот так-то!

В конце того же года Ниязов издал указ “О Дне памяти” погибших в исторических войнах. Отмечать его предписывалось ежегодно, 12 января, на всей территории Туркменистана, начиная с 1991 года. Это дань памяти жертвам, погибшим не только в войнах против царской России, но и против захватчиков Ирана, Хивы, Бухары.

Ниязов утверждение этой памятной даты сразу же записал в число собственных заслуг.

Хорошо бы остановиться на этом. Озабоченный увековечением своего имени, он решился на неслыханное кощунство, распорядившись, вопреки нормам общечеловеческой морали, возвести в черте крепости Геокдепе, буквально на костях многих тысяч ее защитников, соборную мечеть и назвать ее... своим именем.

Президент, вероятно, забыл о светском характере туркменского государства, означающим, что по Конституции церковь отделена от государства. Несмотря на это, он, расщедрившись, выделил на строительство мечети в Геокдепе немало средств из бюджета. “День памяти”, широко отмечаемый с неизменным участием президента в Геокдепе, где с приходом в 1880 году войск генерала Скобелева при защите крепости погибло немало туркмен, — эта дата с каждым годом вольно или невольно приобретает антирусский характер. Предают забвению то, что в боях за крепость погибли сотни русских солдат, вчерашних мирных крестьян. Умышленно или непреднамеренно средства массовой информации умалчивают о бойнях, которые устраивали в Туркменистане и другие чужеземные войска, ибо сам Ниязов строго-настрого запретил говорить или писать что-либо негативное, связанное с историей страны его “брата” Рафсанджани, бывшего президента Ирана.

Отнюдь не случайны его несколько истеричные слова, сказанные в интервью корреспонденту газеты “WE/МЫ”: “Ругайте нас, если хотите [за нарушение прав человека], но не рвите нас изнутри. Мы можем сбежать туда — за горы, — говорит он, указывая в сторону Ирана ...” (№7, апрель 1993). Это заявление воскрешается в памяти очерком Сергея Свиридова (“Президент, которому не нужны запасные аэродромы” // “Общая газета”, 17-23 февраля 2000 г.). Журналист, то ли исправляя давнюю оплошность Ниязова, готового “сбежать за горы”, то ли сам не особенно уверенный в искренности своего героя, хочет убедить читателя в обратном, то есть Ниязов, мол, и сам не собирается уходить от ответственности за судьбу народа, страны и, в отличие от других президентов, не строил так называемых “запасных” аэродромов. Непонятно, почему очеркист заговорил об ответственности и аэродромах, к которым обычно прибегают горе-правители, спасающиеся от заслуженного возмездия. А не навеяно ли это страхами и сомнениями самого президента, столь сильными, что они невольно передались и автору очерка?

Но во всяком случае, Ниязов ни при каких обстоятельствах за соседствующие с Туркменистаном горы не убежит. После ухода в отставку правительства во главе с “братом” Рафсанджани и особенно последовавших затем в июле 1999 года студенческих выступлений в этой стране, взоры туркменского “вождя” все меньше обращаются в сторону Ирана. Ведь эта страна и ее режим до недавнего устраивала его как бастион фундаментализма, а не демократии, которой он боится, как шайтан келеме. А между тем в Иране, в исламском обществе, по заявлению Чрезвычайного и Полномочного Посла Исламской Республики Иран в России Мехди Сафари, “люди пользуются свободой собраний, общественной деятельности. Свобода учиться, выбрать профессию, работать по специальности, быть социально защищенным — это приветствуется в нашем обществе”. (“ЛР”, 13.08.99). Всего этого не скажешь о современном туркменском обществе.

Возвращаясь в Геокдепе, скажу, что Ниязова абсолютно не смутили предупреждения специалистов, что территория, отведенная под строительство мечети, опасна в сейсмическом отношении. И не только. Болезненное честолюбие не удерживает президента от того, чтобы в каждый свой приезд — это в День Памяти! — не устраивать здесь, над прахом своих предков, шумные шоу — музыкальные, танцевальные, театрализованные. Такого святотатства над светлой памятью усопших простить нельзя.

ДВА АРБУЗА В ОДНОЙ РУКЕ?

В июле 1991 г. группа туркменских деятелей культуры известила Президента и первого секретаря ЦК КП Туркменистана Ниязова о зарождении в Ашхабаде инициативной группы в поддержку Движения демократических реформ (ДДР). Это был ответ на Обращение известных политических деятелей страны — “девятки”, опубликованное в “Известиях” 3 июля 1991 г. Ушла телеграмма и в адрес одного из инициаторов создания этой неформальной организации Э. А. Шеварднадзе, к тому времени подавшего заявление о выходе из КПСС. Уже оставил ряды Компартии один из видных ее теоретиков и злых гениев — А. Н. Яковлев, а еще раньше в Москве свои партийные билеты сдали Зелили и Эдуард Айтаковы, сыновья Недирбая Айтакова, первого председателя ЦИК ТССР, репрессированного в годы культа личности Сталина.

“Комсомольская правда” 3 июля 1991 г. писала, что республика объявила о суверенитете, избрала своего президента, но это пока мало что изменило в ее жизни. Даже наоборот, наблюдался некий откат к ужесточению существующих порядков. Некоторые передачи Центрального телевидения оказались под запретом, введена цензура всех СМИ. Арестован первый выпуск собственной газеты Туркменского общества охраны памятников истории и культуры, конфискован первый номер “Даянча”, журнала собственных мнений, резко критиковавший ниязовское правительство. Смещен министр внутренних дел ТССР В. Гринин, отказавшийся использовать милицию в недобрых целях. В республике разрешена деятельность лишь одной Коммунистической партии не только потому, что ее идеологию разделяла правящая верхушка республики, — главное, что у руля партии стоял сам Ниязов, по-прежнему придерживавшийся политики двоедушия и, как говорится, старавшийся на одних подметках семерым царям служить.

Одного из членов инициативной группы, инструктора ЦК КПТ А. Байриева, не без ведома Ниязова, “прорабатывали” в кабинете секретаря ЦК по идеологии С. Рахимова и без обиняков предложили подать заявление, то есть, уволиться “по собственному желанию”. Но душещипательные беседы партийных бонз не поколебали убеждений неординарно мыслящего поэта и журналиста А. Байриева.

На ковер к секретарям ЦК А. Д. Додонову и С. С. Рахимову, а затем и к члену президентского Совета М. Б. Оразову вызывали также народного писателя Туркменистана Р. М. Эсенова, ветерана войны и труда, члена инициативной группы ДДР. Верхушку ЦК больше всего тревожило: “Что станет с КПСС?” “Не положит ли Движение начало новой партии?” “Не вызов ли это Компартии и ее ЦК?” “Не уйдут ли туркменские деятели культуры в другую партию?” и т.п.

Руководящих деятелей не беспокоил завтрашний день партии, советского государства, нет, они были обеспокоены личным будущим, удержатся ли на своих высоких постах? Члены инициативной группы тщетно пытались объяснить, что ДДР — это движение внутри самой КПСС, среди наиболее здоровой, разумной ее части, призывающей парламентским путем решить задачи перестройки. Программа “Движения” не была идеальной, Америк она не открывала, способствуя, к сожалению, развалу СССР.

Туркменская инициативная группа искренне намеревалась вовлечь в сферу действия трезво мыслящих людей, проводить работу по выявлению, воспитанию потенциальных лидеров, в которых наблюдался дефицит повсюду. Имелись в виду молодые, способные талантливые люди, которые больше всего страшили Ниязова.

Такие благие намерения у верхушки ЦК вызывали подозрения. Видно, всяк обо всем судит в меру своей испорченности. Эти беседы напоминали разговор глухих. Партийные бонзы, усматривая в действиях инициативной группы покушение на свой престиж, попытку подрыва власти, и слышать не хотели о существовании “какой-то второй силы”, будто претендующей на право существования наряду с Компартией.

Секретарь ЦК С. Рахимов, подобно дотошной стенографистке, скрупулезно записывал в блокнот ответы А. Байриева, Р. Эсенова и других, повторяя, что это интересует Ниязова, который, дескать, обеспокоен тем, что видные деятели творческой интеллигенции почему-то хотят встать под знамена “предателей Яковлева, Шеварднадзе, Вольского...”

Нетрудно догадаться, почему Ниязова волновали подобные вопросы. Тогда он, все еще находившийся под властью Москвы, лез из кожи вон, пытаясь составить о республике

приукрашенное представление как о некоем феномене, где “все хорошо, прекрасная маркиза!” (надо же было замазать глаза Центру!), где президент, упорно навязывающий народу суверенитет одного человека — свой собственный — встретил в штывы деятельность неформалов: “Агзыбирлика” и Демократической партии, которые объявили о своем рождении, но официального признания не получили. Ниязов не замедлил наложить на их деятельность табу.

Дело тут не в национальных особенностях нашего народа, который, как пытается объяснить Ниязов, будто не приемлет демократию. Собака тут зарыта в том, что президент и его окружение подвержены многим болезням консерваторов и властолюбцев: субъективизму, консерватизму, отсутствию политической культуры, даже элементарной грамотности. И они, ловко пользуясь простодушием народа, отличающегося цельностью характера, неиспорченностью нравов, обманывали его, манипулируя общественным мнением, укрепляли свою власть. Уже тогда Ниязов цинично заявлял, что нет необходимости политизировать наше население, дескать, от того лишь один вред, ибо наш народ не созрел для демократических преобразований, а поэтому будто нет условий для многопартийности. Туркменам, продолжал унижать свой народ президент, кроме покоя, зеленого чая и пшеничных лепешек ничего не надо. Вот так-то! И не такое еще будут сносить туркмены от своего “лидера”.

А что народ?! Безмолвствовал...

В одну из поездок в Туркменистан довелось услышать анекдот, скорее, похожий на быль. Точнее, верно подметивший психологию нынешних туркмен.

...Власти издали фирман, лишаящий жителей электрического света. Никого это не возмутило. Затем последовало объявление: отключаем газ! Люди снесли и этот произвол, приспособившись готовить еду на костре, на угольях. Потом наверху решили: туркмены обойдутся без воды и хлеба. Зажирели! И тут никто возразить не посмел. Зато юродствующие старцы, живущие на президентских подачках, ханжесковали: “Судьба”! Чему быть, тому не миновать. На роду видать такое написано”.

И вдруг глашатаи возвестили: “Всем на площадь! Будем вешать!”

Проходит день-другой, на месте казни ни души. Одни палачи собрались. Что-то на бессловесных туркмен с овечьим нравом не похоже. К властям от имени обреченных прибежал заполошенный аксакал и, униженно оправдываясь за бестолковость своих смиренных земляков, говорит: “К повешению все как один готовы. Только не знаем, как лучше придти на казнь, со своими веревками или президент приготовил нам бесплатные?”

Вот так анекдот! Рожденный в народе, он саркастически высмеивает ниязовское благодеяние с “бесплатным” саваном на каждого усопшего мусульманина, светом, газом, водой, солью (о том подробно — ниже), а также осуждает угодливость, покорность туркмен, которые, получив удар по одной щеке, безропотно подставляют для пощечины другую.

Эту рабскую черту моих земляков метко подметил зарубежный журналист Питер Хлебников, который, не скрывая своего восхищения ловкостью туркменского президента, пишет: “Ниязов обладает такой властью, о которой Борис Ельцин может только мечтать. В прошлом [1992] году одним росчерком пера ликвидировал около 7 тысяч мест депутатов парламента и местных Советов”. Журналист, подчеркивая откровенный цинизм президента, разогнавшего народных избранников, приводит президентские слова: “Никто этого даже не заметил”, — бахвалился Ниязов (“WE/МЫ”), апрель 1993, № 7).

Как не вспомнить слова Александра Зиновьева: “Народ, который позволяет такое глумление над собой, не заслуживает ни сочувствия, ни уважения. Он заслуживает только презрения”. (“Народная правда”, февраль 1992 г.). Нельзя, конечно, целиком винить весь народ. Невольно думаешь, чего стоила вся республиканская партийная организация, так называемый один из славных отрядов КПСС, чего стоили уроки о партийной демократии, принципиальности, о скромности, о критике и самокритике, если Ниязов, воцарившись удельным ханом, мог безнаказанно преследовать любого, кто осмелится пойти ему наперекор.

Так случилось с писателем и журналистом Р. Эсеновым, выступившим в московской газете “Гласность” (9 мая 1991 г.) со статьей “О чем скрипит президентская арба”, а также с не менее острой корреспонденцией “В нужное” русло” (01.08.91), где в той же газете он осудил республиканские власти, пытавшиеся административными методами оградить “свой народ” от внешнего влияния, а также подверг справедливой критике криводушие самого Ниязова, пытавшегося “удержать в одной руке два арбуза”.

Автор этих и других материалов, опубликованных на страницах союзной прессы, призывал

республиканское руководство отдавать приоритет лишь уму, рассудку, объективности, честности и таланту. Как и следовало ожидать, писатель был подвергнут остракизму, на него, по команде сверху, науськали республиканскую печать и даже вовлекли в эту нечестную игру тогдашнего корреспондента “Сельской жизни” Г. Я. Колодина, обогретого впоследствии высочайшим вниманием (услуга за услугу!): Ниязов назначил его пресс-секретарем посольства Туркменистана в РФ, выделил квартиру в Москве. Р. Эсену, по команде сверху обвиненному во всех смертных грехах, даже возвели в криминал то, что он некогда работал собственным корреспондентом “Правды”, а весной 1991 года по приглашению религиозной организации “Рабита Ислам” совершил хадж в Мекку. Шельмовали его на страницах республиканской печати как могли, а писатель между тем был лишен возможности ответить на клевету: средства массовой информации Туркменистана его ответы не публиковали — таково было указание свыше. Словом, игра шла в одни ворота. Р. Эсенова не жалуют и поныне — его имя тоже занесено в пресловутый “черный список”. А его уже набранный в типографии исторический роман о Байрам-хане, о приближающемся 500-летнем юбилее которого Ниязов не устает говорить, был рассыпан, несмотря на то, что издательство “Туркменистан”, прорецензировав его еще в 1990 году, заключило с писателем договор и не расторгло его и по сей день.

Кстати, роман-трилогия Р. Эсенова, которому автор посвятил более четверти века, обсуждался на расширенном заседании Совета туркменской литературы Международного сообщества писательских союзов, где московские литераторы дали высокую оценку художественным достоинствам произведения и рекомендовали присвоить автору звание лауреата литературной премии имени Физули. О присуждении этой почетной международной премии Сергей Михалков, Расул Гамзатов, Тимур Пулатов, Лазарь Карелин поставили в известность Ниязова и просили его способствовать изданию в Туркменистане романа на туркменском и английском языках. Однако Ниязов, которому письмо из Москвы было отправлено в октябре 1998 года, так и не удосужился ответить этим всемирно известным писателям.

Экскурс из дня вчерашнего в день сегодняшней, часто совершаемый мною, не случаен, ибо действующий в них главный “герой” один и тот же, и живет он как бы в двух ипостасях. Эти временные измерения неразрывны и дают право автору этих строк перекидывать мостик из вчера в сегодня и обратно.

Не могу не вернуться к статье Р. Эсенова “О чем скрипит президентская арба”, где писатель еще девять лет назад усмотрел в поведении и действиях Ниязова лицемерие, двоедушие, попытку удержать в одной руке два арбуза, чувствуя себя больше автократом, “нежели партийным лидером, на глазах отмежевываясь от среды, взрастившей его и доверившей ему высшие партийные и государственные посты”. Еще в мае 1990 г. XXIV съезд Компартии Туркменистана, принявший резолюцию о целесообразности установления поста Президента Туркменской ССР, решил рекомендовать на эту должность Ниязова. Таким образом, высокой президентской властью его облекла сама Компартия!

КОГДА ХРОМОЙ КОЗЕЛ ОКАЗЫВАЕТСЯ ВПЕРЕДИ

Государственная авантюра 19 августа 1991 года произвела в стране впечатление разорвавшейся бомбы. Лишь в Туркменистане, как сообщала “Комсомольская правда” от 22 августа того же года, переворот в Москве и “похищение” президента Горбачева не заметили. В размеренной жизни республики, по крайней мере, внешне ничто не изменилось.

В тот день туркменское телевидение вообще не вышло в эфир, местное радио без изменения транслировало свои программы, составленные еще полмесяца тому назад. На улицах, в общественных местах, в очередях абсолютно никаких обсуждений происшедшего не наблюдалось.

До поздней ночи редакции республиканских газет прождали обещанного заявления Президента. Но не таков Ниязов, чтобы лезть на рожон, он в добрые-то времена не высывался: как бы чего не вышло.

Спустя десять дней, когда судьба путчистов определилась: одни оказались за решеткой, другие покончили жизнь самоубийством — и Ниязову теперь уже ничто не угрожало, он на встрече с общественностью республики сказал, что Г. Янаев позвонил ему в первой половине дня 19 августа, пытаясь “вести Президента ТССР в заблуждение и скрыть свои подлинные намерения”, но “ему (Г. Янаеву – Р. В.) было твердо сказано о том, что республика следует курсом суверенитета и сворачивать с него не намерена”. (“ТИ”, 29.08.99). А еще через неделю Ниязов с высокой трибуны Верховного Совета СССР в Москве заявил: “Руководство Туркменистана с первого дня, с 19 августа, с первых часов не восприняло хунту. Всем исполнительным органам было дано указание не выполнять распоряжений и постановлений чрезвычайного комитета” (“Известия”, 05.09.91; “ТИ”, 05.09.91).

Так ли это? В названный день, как свидетельствовала та же “Комсомольская правда”, до поздней ночи редакции СМИ прождали обещанного заявления Президента Ниязова. Но не дождались. Туркменское руководство, видно, придерживалось древней восточной мудрости: “Спокойно сиди — и мимо пронесут труп твоего врага”.

На следующий день все республиканские газеты, как на русском, так и на туркменском языках опубликовали “Обращение ГКЧП к советскому народу” от 18 августа, Указ Вице-президента СССР, Заявление Советского руководства: Постановление № 1, Постановление № 2 ГКЧП.

Ниязов, видимо, счел, что документы ГКЧП заменят обещанное им заявление.

В тот же день, то есть 20 августа, как сообщала газета “Московские новости”, когда ее корреспондент обратился за интервью к заместителю председателя Верховного Совета Туркменской ССР В. Г. Отчерцову и пресс-секретарю президента, они отказались с ним говорить, ссылаясь на постановление ГКЧП, что газета не входит в перечень разрешенных путчистами изданий. Разумеется, такой ответ последовал с ведома самого Ниязова. Что же тогда стоит его заявление: “Руководство Туркменистана с первого дня... с первых часов не восприняло хунту”?

Судя по поведению Ниязова и реакции послушных ему СМИ, события, происшедшие в Москве, вызвали у него удовлетворение, ибо путчисты первых лиц республик оставляли на своих прежних местах, лишь ужесточая режим, укрепляя командно-административную систему. Повторюсь, кому-кому, но Ниязову было безразлично, какой режим воцарится в стране, лишь бы ему самому остаться у кормила власти.

Та же картина и 21 августа. Президент Ниязов словно в рот воды набрал. “Указаний не выполнять распоряжений и постановлений чрезвычайного комитета”, как он пытался заверить задним числом, от него не последовало. Напротив, в тот день все республиканские газеты напечатали “Заявление ГКЧП”. Этот документ незамедлительно был также передан по местному радио и телевидению. Материалы путчистов аккуратно и массово тиражировались в десятках областных, районных и городских газетах — на туркменском, русском, узбекском, казахском и корейском языках.

Кстати, в тот день газеты “Туркменская Искра” и “Московские новости” публикуют из Кишинева сообщение, выражающее неприятие молдаванами августовского путча. Здесь прошел митинг под лозунгами: “Долой путчистов”, “Фашизм не пройдет”. Его участники также потребовали от парламента Молдовы срочно принять Декларацию о независимости.

Президент Кыргызстана А. Акаев из всех руководителей среднеазиатских республик оказался

единственным, кто во время выступления гэкачепистов однозначно и, главное, своевременно подтвердил свою приверженность и уважение к принципам, изложенным в конституциях и законах Союза ССР и республики Кыргызстан. 20 августа лидер киргизского народа по республиканскому телевидению заявил: “Как глава государства я сделаю все, чтобы защитить государственный суверенитет республики и обеспечить законность и общественный порядок”. (“Московские новости”, 21.08.91).

22 августа партийные издания “Совет Туркменистаны” и “Туркменская Искра” сообщили о встрече Ниязова с рабочими хлопчато-бумажного комбината им. Ф. Э. Дзержинского. И здесь он не высказал четко и определенно своего отношения к путчистам, ограничиваясь лишь ссылкой на то, что в тот день республиканские газеты напечатали Указ президента “считать недействительными указы, постановления и решения ГКЧП на территории ТССР”. Газеты не утруждали себя вопросом, почему президента, чей дед некогда был репрессирован Советами, вдруг повело в такие смутные дни на предприятие, носящее имя “чекиста номер один”, одного из столпов Советской власти. Они также умолчали еще о не менее примечательном факте, как Ниязов у бюста “железного Феликса” склонил свою непокрытую седую голову. В искренность его жеста поверить трудно, но, возможно, он по привычке позировал на всякий случай, надеясь, что этот миг когда-либо зачтется. Уж не сожалел ли он о своем Указе, отменяющем все документы ГКЧП? Однако это не помешало вскоре предать забвению имя Дзержинского, а его памятник выбросить на свалку.

Наступает 23 августа, но и тогда ни один из республиканских официозов никак не выразил своего отношения к происшедшим событиям, лишь перепечатывались союзные материалы.

24 августа республиканские СМИ по-прежнему помалкивали — никаких комментариев, никаких редакционных статей по поводу случившегося — лишь сообщения об отъезде Ниязова в Москву для встречи с Горбачевым и руководителями девяти республик, участвующих в подписании Союзного договора.

Спустя семь дней после августовского события Президент Ниязов, сообщает “Известия” (27.08.91), заявил, что его дальнейшее пребывание в нынешнем составе Политбюро ЦК КПСС невозможно.

Ниязов, уверенный, что теперь к прошлому возврата нет, пошел дальше. По его злой воле в Туркменистане произошла подмена понятий: демократией здесь стали называть антисоветизм. Показной, демонстративный, воинствующий антисоветизм, под которым однозначно подразумевается антирусизм. Как у старшего, так и у последующих поколений туркмен, понятия “Советский Союз”, “советский” ассоциируются с Россией, русским народом и даже славную победу в Великой Отечественной войне, которую ковали все народы СССР, подавляющее большинство туркмен, особенно ветераны войны и труда, связывают, прежде всего, с беспримерным подвигом русского человека, вынесшего на своих плечах основную тяжесть лихолетия.

Ниязов, прекрасно зная об этом, с какой-то бравадой, даже с садистской изощренностью, почти в каждом своем выступлении выливает ушат грязи на все “советское”, а значит на русское, российское. Этот пример незамедлительно подхватывают СМИ, отравляя ядом русофобии подрастающее поколение. Неслучайно на бытовой почве в адрес русскоязычного населения стали слышны угрозы: “Убирайтесь в свою Россию!”, “Подождите, мы еще с вами поквитаемся!”.

Если Ельцин на рубеже 80-90-х годов, сместив Горбачева и разрушив старую систему, совершил, скажем, демократическую революцию, то что же содеял Ниязов, робко отсиживавшийся на последних рядах Кремлевского Дворца съездов, не смея ни вздохнуть, ни выдохнуть, панически избегая встреч с журналистами, страшась, что вдруг дадут слово, спросят его мнение о происходящих событиях? В те бурные дни он, как и все депутаты от Туркменской ССР, вел себя тише воды, ниже травы. Стараясь упредить чье-либо своеволие, Ниязов садился в зале впереди своих земляков-депутатов, чтобы они, глядя за движением президентской руки, голосовали лишь по его молчаливому примеру. Избегая накладки, Ниязов перед началом каждого заседания Верховного Совета СССР предусмотрительно наставлял своих: “Делай, как я! И никакой самостоятельности!”.

Не в этом ли трусливом, лицемерном поведении Ниязова и его “шестерок” придворные подпевалы узрели “революционеров”? А о самом “лидере” они и поныне гнусавят, как о мужественном “вожде” и вдохновителе “махмал” — “бархатной” или “геок” — “зеленой” революции, но, не сумев дать “явлениям” теоретического обоснования, ибо предложенное было не что иное, как беззастенчивый плагиат, быстро смолкли. Даже житель самого глухого селения в Каракумах знает, что “бархатная революция” была свершена в одной из европейских стран, а автор “зеленой

революции” — известный арабский лидер Муамар Кадафи, чью “Зеленую книгу” Ниязов-коммунист высмеял на встрече с журналистами в 1990 году, но уже в декабре 1991 года Ниязов-антикоммунист при встрече с делегацией Ливийской Джамахирии этой книгой вздохнул восторгался.

А между тем никто из доморощенных горе-теоретиков до сего времени не может объяснить, в какое государство трансформировался Туркменистан: феодальное, монархическое, капиталистическое? Лишь сам Ниязов частенько мусолит тему о каком-то “своем”, “особом пути” Туркменистана.

Ясно одно: гром, прогремевший над Россией, отозвался и в Центральной Азии. И Ниязов, захваченный этими событиями, не был свободен в своем выборе курса, ибо пришел к власти не сам по себе, не по своей воле, ибо на то у него отсутствовал приписываемый ему ныне талант и даже гений лидера, организатора. Сей “гений” всплыл, благодаря стечению обстоятельств, на мутной волне истории.

Абсурд? Но факт. Впрочем, ни самому Ниязову, ни его подпевалам не стоит обольщаться своей “гениальностью” и “талантом”: без доброй воли России независимость не смогли бы обрести ни государства СНГ, ни страны Балтии. Это тоже факт.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Говорят, султан Адуд ад-Даулу, чьи покоренные земли простирались от берегов Каспия вплоть до Кармана и Омана, первый в истории ислама ставший носить титул шахиншаха, всех подозревал в заговорах и кознях, во всех видел врагов. Поэтому окружил он свой дворец высокими стенами, выставив охрану из трех тысяч воинов, а с наступлением темноты там, где останавливался на ночлег монарх, жителям запрещалось выходить из своих домов. Он настолько развил систему шпионажа, что всякое слово, оброненное в Египте, достигало его ушей — и люди остерегались даже своих жен и рабов.

Любил шахиншах строгую дисциплину во всем. Но это не мешало ему быть мстительным, алчным, завистливым. Ему удалось создать в городе, до той поры жестоко терзаемом разбойниками, такой порядок и безопасность, что он мог среди ночи отправить через весь Багдад раба, который нес в руках серебряное блюдо, полное золотых монет, и никто не отважился задержать его.

“ВОР В ЗАКОНЕ”

У молодого врача буквально из под-носа угнали новенькие “Жигули”, но хозяин оставался по-олимпийски спокоен: тесть работал в верхах, а теща в системе прокуратуры — они-то отыщут “тачку” дорогого зятя, купленную тем более не на его деньги. На ноги были поставлены работники милиции и ГАИ, даже из КГБ кое-кто подключился. Вскоре самонадеянный потерпевший получил записку. “Подъезжай с четырьмя кусками, — писал аноним, — к анаусским барханам. Вернем тебе “Жигуленка” в порядке. Только не вздумай за собой ментов тащить — прогоришь”.

Молодой врач с четырьмя тысячами рублей на машине тестя устремился к месту назначенного свидания, зная, что за ним поодаль следует десяток омоновцев, надеясь схватить вымогателя.

Издали в долине увидел знакомую машину. Они! Не успел подъехать — раздался треск, словно кто-то выстрелил из ракетницы, и “Жигули” в мгновение ока вспыхнули пламенем. Откуда-то выскочили омоновцы, они прочесали местность, но кроме траков вездехода на барханах и сгоревших дотла останков украденной машины ничего не обнаружили. Похитители словно в песке растворились.

В тот же день врачу кто-то позвонил. “Ты, че, козел, за собой хвост приволок?! — сказал незнакомый голос. — Вот и поплатился. Машину, небось, богатый тесть купил, а они с женой взяточники известные”.

Вскоре пропала “Волга” у видного милицейского чина. Он об этом, как рассказывают, никому заявлять не стал, а направил свои стопы к Аймурату Нуриеву, прослывшему в преступном мире “вором в законе”. Через неделю у дома владельца кто-то оставил похищенный автомобиль, который обошелся хозяину еще в две тысячи рублей, но зато его вернули целым и невредимым.

Дико? Но факт. А что еще ожидать от “дикого капитализма”? Или феодализма? Пора “великих реформ” — всегда пора великого воровства, пронизывающего все ветви власти. Но о том подробно — в следующих главах.

Когда следом в Ашхабаде ограбили ювелирный магазин, — а подобного, как говорят, не случалось за все годы Советской власти, — сыщики снова вышли на Аймурата. Его авторитет был настолько велик, что залетные “медвежатники”, вскрывшие громоздкие сейфы магазина, послушались “пахана”, вернули все золото и другие драгоценности до последнего колечка.

Многие пострадавшие шли за помощью к Аймурату. Он возвращал угнанные автомашины, украденные драгоценности и вещи, ограждал от рекэтиров. И, конечно, отнюдь не бескорыстно. Безвозмездно Аймурат и пальцем бы не шевельнул. Что, и воровской мир подвластен законам рынка? Такой “вор в законе” вполне устраивал правоохранительные органы: его “помощь” заметно сказывалась на снижении динамики роста преступности, чего неукоснительно требовали (любой ценой!) как при Советах, так и в постсоветское время.

Словом, с чем не могли совладать силовые структуры со своим мощнейшим аппаратом, полицией, сыщиками, негласной агентурой и войсками, с тем справлялся Аймурат Нуриев с двумя-тремя помощниками. Не скажу, что это нормальное явление и следует поощрять институт “воров в

законе”, но так было, и от его услуг, мне думается, не отказывались и силовые структуры. Абсурдно, но факт.

Услышанное о деяниях воровского авторитета повергло Ниязова в уныние. Может, его возмутила вызывающая наглость вора? Отнюдь. Он-то считал себя полновластным хозяином Туркменистана, на деле же под самым носом верховодит какой-то Аймурат, и вожжи в руках от воровского мира держит он, а не президент, которому такая неограниченная власть и во сне не снилась.

Поинтересовался, сколько же лет наглецу? Узнав, что тому еще далеко даже до сорока, еще больше вознегодовал. А вдруг он на президентское кресло позарится? Сапармурат слышал, что в иных странах бывшие воры и разбойники правителями становились. Просто людям порой все одно, кто над ними будет главенствовать: они грубой силе подвластны. Уж он-то это знает. У вшивых интеллигентов, домогавшихся власти, на ее захват сил не хватило. А как рвались! И академики, и писатели, и партократы, и чиновники. Дай только волю на выборах да позволь партии создать, глядишь, какой-нибудь неумытый гарамаяк — простолюдин презренный — в президенты проскочит. А не удастся, тоже хлопот не оберешься, воду замутит, людей взбудоражит. Ох, как это опасно!

Свежо на памяти, кажется, в году восемьдесят девятом, как в Небитдаге и в Ашхабаде, на майские праздники, а затем в День победы молодежь вышла на улицы и стала крушить будки и киоски, перевернула несколько автомобилей, кричала какие-то лозунги. Его тогда чуть кондрашка нехватила. Ночами не спал, снотворное принимал, чуть не оглох от таблеток. Его мучило: “Что скрывается за этими непонятными выступлениями: политика или уголовщина? Кто стоит за бузотерами? Что, если бросить против них силы? Но за это ответить придется. Хорошо бы акции этих башибузуков в свою пользу обратить. Но кто они?”

У партийных работников, у вездесущих чекистов на то ответа не нашлось. И тогда, говорят, не без подсказки Ниязова, чекисты побежали за советом к Аймурату с просьбой внести ясность. И он внес, чтоб на душе у первого секретаря ЦК стало спокойнее. Это унижение последний запомнил крепко и носил камень за пазухой до тех пор, пока не стал президентом. Но простить того Аймурату не смог. Выходит, он, Ниязов, некогда обратившись к вору, возвысил, укрепил его авторитет? Неужто этот проходимец и сейчас, когда Ниязов стал президентом, считает себя умнее? Так, не иначе. Что возомнил о себе, гарамаяк проклятый!

Вскоре Аймурата Нурыева с двумя дружками арестовали, а судилище им устроили в здании КНБ, по соседству с внутренней тюрьмой, где они содержались. Заседание суда было закрытым, в полном смысле этого слова. Родственников туда, разумеется, не допустили. Обвиняемых скрывали не только от глаз судей, государственного обвинителя, защиты и даже охраны: железную клетку, где их содержали, занавесили каким-то плотным полотном, и диалог между судом и содержащимися под стражей шел словно в непроглядно темной комнате, где никто не видел друг друга и каждого приходилось узнавать по голосу, когда тот отвечал на заданные вопросы.

Есть все основания сомневаться: кто может гарантировать, что за завесой находились Аймурат и его подручные? А если там были подставные лица? Пародия, а не суд! Комедийность судилища обретала и трагичность: заплечных дел мастера побоялись показать заключенных с изуродованными, опухшими от побоев лицами. Их зверски истязали, стремясь выбить признание в каком-то “убийстве”, будто совершенном по команде Аймурата. Его-то и важно было разговорить, ибо высочайшее внимание, торопившее с расстрелом, заиклилось именно на нем. Однако, Аймурата, по его собственному признанию, можно было обвинить в каких угодно смертных грехах, но только не в убийстве.

Иной морали придерживались “судьи”, для коих не существовали ни правосудие, ни Конституция. И поступали они изощреннее злодеев, еще больше обнаживших антигуманную суть ниязовской системы. Во время суда, видимо, от переживаний скоростно скончалась мать Аймурата Нурыева. Сын обратился к министру с просьбой проститься с родным человеком, но ему отказали: не дай Бог, прознает о том президент, да и лицо Аймурата было обезображено побоями. Разрешить тому отдать свой последний сыновний долг, значит, изблечить систему в бесчеловечности, в издевательствах и пытках.

Земля слухом наполнилась. Национальное телевидение положило конец всяким разговорам, показав на голубом экране двор КНБ и три распростершихся на земле мужских трупов. Качество изображения было неважное, видно, съемки проводили не профессионалы, а сами заплечных дел мастера, у коих опыта больше в другом. Чтобы у зрителя не оставалось сомнений, комментатор

объявил имена расстрелянных по решению Верховного суда и среди них фамилию Аймурата.

Подобные акты в Туркменистане свершаются с ведома самого президента. По телевидению трупы показаны по его личному указанию, для острастки, пусть знают: в Туркменистане порядок — господствует закон. Так кто же теперь в стране “вор в законе”?

Порочное чувство это — зависть. Она категорична, не различает ни правых, ни виновных, и чтобы опорочить или обелить человека, ей не требуется доказательств. А зависть и ревность — близнецы, в них корень зла, этой отвратительнейшей черты человеческого характера, которым обычно сопутствуют ненависть и предательство.

И горе той стране, ее подданным, если ее правители заражены этим пороком. Такие правители, как говорил еще Юсуф Баласагуни, могут привести страну в беспорядок.

КТО САМЫЙ УМНЫЙ?

Хотя я хорошо знаю своего героя, рассказывать о нем весьма сложно. Он настолько непостоянен, порочен, что здравому рассудку представить это трудно. Могут возразить: “Неужто в человеке нет ни капли положительного, чтобы невозможно было сказать о нем что-то доброе?” Представьте себе — нет. Бывают же исключения. И этого положительного, как ни пытался, не отыскал. Подобное явление подметил древний философ-моралист, утверждавший, что все говорят про глупца и хвастуна, что глуп и хвастлив, но никто не говорит ему этого, и он умирает, не ведая о себе того, что знают все.

Заезжие журналисты, поддаваясь безмерному хвастовству избранного ими героя или очарованные его гостеприимством, а может соблазненные еще чем-либо, публикуют затем в своих изданиях хвалебные очерки, статьи, интервью, не имеющие ничего общего с этим конкретным человеком и истиной. И невольно поражаешься: как сильна еще власть политиканствующего властителя с туго набитыми карманами.

Уже замечено, стоит какой-либо зарубежной газете или в передачах туркменской службы радио “Азатлык” — “Свобода” покритиковать уродство правящей системы, антигуманную политику Ниязова, привести вопиющие факты нарушения прав человека, как в защиту диктатора со страниц московской “Независимой газеты” неизменно встает один из “рыцарей” пера. Не открыто, а с закрытым “забралом”, под псевдонимами. С чего бы им скрывать свои имена, будь их “подзащитный” честен, умен и уважаем в своем народе? Оставим это на их совести.

С объявлением независимости и с введением Ниязова в должность президента в Туркменистан зачастили иностранные корреспонденты. И если в одних новорожденных государствах разгорались междоусобные войны и конфликты, то Туркменистан со своими Каракумами, верблюдами, “небесными” скакунами представал перед любителями экзотики чуть ли не райским краем, где воцарились тишь да гладь.

Охами и вздохами запомнилась большая статья, опубликованная в “Правде” (20.02.93). Корреспондентов буквально поразила дешевизна на Текинском базаре: чебурек — 5 рублей штука! “Да таких цен уже не сыщешь в рублевом пространстве СНГ!” — изумлялись авторы. Действительно, было чему удивляться: потребительская корзина была настолько дешева, что вполне устраивала непритязательных ашхабадцев: хлеб — 4 рубля, мука — 10, сливочное масло — 150, мясо — 120.

Цены на продовольствие в значительной мере субсидировались, и они были ниже московских примерно на 700%. Дотации из бюджета, разумеется, держали цены на одном уровне. А что такое бюджет, как не общенародный кошелек, пополняемый из кармана налогоплательщика и за счет других сборов, взимаемых с населения? Но массовому потребителю это неизвестно, и он, веря широким популистским жестам президента Ниязова, надеялся, что завтра цены не повысятся.

Восхищенные журналисты приводили весьма убедительные цифры: в 1992 году средняя зарплата составила свыше 7 тысяч рублей, доходы населения за год выросли в 7 раз. Тут же комментарий: “Эти деньги намного весомее, нежели десятки тысяч “деревянных” в иной республике”. И далее продолжали, что минимальный размер оплаты труда — 3200 рублей, такова же пенсия.

Ну, а о том, что Ниязов пошел на беспрецедентный в мировой практике шаг, теперь уже знает весь белый свет: отменил плату за газ, электроэнергию, воду и соль, провозгласил программу “Десять лет благополучия”, посулил дать народу демократию, свободу, а также жизнь в богатстве и достатке, что “на весь мир будет греметь слава о туркменах, которые будут ходить с гордо поднятой головой”. Ниязов не уставал повторять: через 5-10 лет каждая семья обзаведется собственным домом, легковой автомашиной, а поскольку более 70% жителей Туркменистана проживают в сельской местности — коровой с телятком. А в интервью “Независимой газете” Ниязов заявил, что превратит Туркменистан во “второй Кувейт”, подкрепляя это обещанием, что к середине 1993 года введет национальную валюту с твердым курсом — два маната будут равны одному американскому доллару. Заверял, что доходы, получаемые от торговли с зарубежными странами, настолько велики, что он сможет увеличить зарплату пока в три раза. Она будет настолько высокой, распинался президент, что “50-60% заработанных денег будет уходить на питание и другие нужды, оставшуюся же часть можно будет откладывать” (“ТИ”, 22.05.93).

Самой же ближайшей задачей Ниязова стала идея построить за 10 млрд. долларов США

газопровод через Иран, Турцию и дальше — в Западную Европу. Маршрут прокладки другой “голубой нити” через Афганистан, Пакистан — на Китай и Японию. Насколько реальны эти грандиозные планы? Не прожектёрство ли? Видимо, в то время у Ниязова, весьма смутно представлявшего величественность намечаемого, но не задумывавшегося всерьёз над его осуществлением, были все основания верить в достижимость своего выбора. Не случайно западные дипломаты иронизировали, что у Ниязова есть ясный план того, куда он ведёт страну, но у него “весьма приблизительное представление о том, как работает рыночная экономика” (“We” (Мы), № 7, апрель 1993). Убийственные слова! Это прозрачный намек на дилетантизм президента. С таким “знанием” экономики можно завести страну куда угодно.

И завел. Своей нефтегазовой, я бы сказал, маниловской, концепцией, хвастливыми, оторванными от жизненных реалий заявлениями глава туркменского правительства взбудоражил весь мир, особенно конкурентов, обрел новых противников в лице соседей и особенно негативно настроил против себя Россию, лишившись ее благосклонности. Вместе с тем, на не ахти умные посулы Ниязова в Туркменистан коршунами слетелись различного рода авантюристы и проходимцы, надеясь отхватить от туркменского “пирога” кусок пожирнее и поувесистее. Иным — удалось, но это тема особого разговора.

Известно, что Россия всегда платила Туркменистану 80 американских долларов за тысячу кубометров газа. Ныне же российский “Газпром” не желает покупать туркменский газ и за 28 долларов. Таков был его настрой вплоть до начала 2000 года. Впрочем, если Туркменистан и продавал бы России газ, то от этого, как говорится, пользы как от козла молока, ибо прибыль от газа идет в карман Ниязову и его шабашникам, как метко подметил председатель “Газпрома” Р. И. Вяхирев (“За СССР”, №7 (44), 1998).

Так, Туркменистан, мягко говоря, из-за непродуманных и невзвешенных действий своего “лидера”, лишился газового рынка, на котором еще недавно имел свои позиции, поставляя Европе через российскую трубу 11,5 млрд. кубометров газа. Замораживание партнерства с Россией по продаже в третьи страны туркменского газа не пошло на пользу, прежде всего, Ашхабаду и, конечно, Москве. Туркменистан потерял самый весомый источник пополнения бюджета, — писала “Независимая газета” в своем номере от 23 июля 1998 г., — и РАО “Газпром” лишился 500 миллионов долларов транзитных денег. Для России такая потеря, как слону дробинка, а для Туркменистана же подобный ущерб, на мой взгляд, ощутимый. Тем более, Украина, подписывая с Туркменистаном “газовые” документы, заведомо знает, что за газ платить не сможет. Ашхабад, качая Киеву топливо, вместо денег получает лишь одни пустые заверения рассчитаться, и, наконец, перекрывает кран. Власти Украины не брезгают ничем и даже шантажируют президента США в вопросе контроля над ядерным вооружением, вынуждая таким образом Б. Клинтона к давлению на Ниязова. И туркменский газ вновь начинает поступать на Украину бесплатно (“ЛГ”, 15.02.95).

Туркменистан ныне — единственный поставщик газа для Украины, — писал еженедельник “Совершенно секретно” (№ 4, 1999 с.11). Традиционно сложившийся объем поставок составлял около 20 млрд. кубометров газа в год. В 1996 году и в следующие несколько лет Россия в лице международной корпорации “Итера” закупала газ по цене 57 долларов за тысячу кубометров. Совсем недавно, продолжает газета, подписан новый договор о поставках туркменского газа на Украину и расчетах за него товарами народного потребления.

Свежо предание, да верится с трудом: вряд ли Украина сможет рассчитаться с Туркменией. К примеру, велики топливные долги Украины перед Россией. Но в “самостийной” многие сходятся на том, что негласная позиция ее такова: все равно ничего отдавать не будем. Украинцы говорят, дайте нам горюче-смазочные материалы сейчас, а осенью мы вам за это поставим... продовольствие. Правда, как констатирует газета “Известия” от 17.07.1999 года, Украина больше обещала, чем реально поставляла. Та же картина и с другими проблемами.

Неужто туркменским правителям невдомек, что если украинцы водят за нос россиян, то что им стоит “навешать на уши лапшу диким туркменам”?

Словом, нефтегазовые амбиции президента не привели к добру. Не случайно, как отмечает зарубежная печать, в тот самый период прекращения “газового партнерства” в регионе резко усилилось влияние США. Однако Ниязов, продолжая хвастаться, приводя доводы, в которых у него нет никакой заслуги: “Сейчас мы единственная бывшая республика Советского Союза, не имеющая внешней задолженности, — говорил он. — Мы экспортируем товаров на 8,5 миллиардов долларов, а импортируем на 6 миллиардов. Нам ни у кого ничего не приходится просить”.

К началу независимости по добыче природного газа Туркменистан занимал четвертое место в мире, производя до 85 миллиардов кубометров “голубого топлива”, 5,5 миллионов тонн нефти и газового конденсата, более 10 миллиардов киловатт-часов электроэнергии, почти 1,5 миллиона тонн хлопка-сырца, 400 тысяч тонн серы, лакицу, шерсть, шелк, каракуль, вина, ковры... Экономика страны располагала довольно развитым механизированным сельским хозяйством, химической, нефтеперерабатывающей, машиностроительной, текстильной и другими отраслями легкой промышленности. В советское время был сооружен Каракумский канал — чудо гидротехнической мысли протяженностью свыше 1100 километров, оросивший безводную пустыню. Имея за собой республику с таким внушительным экономическим потенциалом, можно было посулить и золотые горы. Не только посулить, но и сдержать свое слово.

Экономические и социальные успехи Туркменистана были столь убедительны, что президент Турции Тургут Озал, посетивший нашу страну в 1992 году и побывавший на предприятиях, в колхозах и совхозах, по достоинству оценил форму ведения хозяйства в последних и отметил их экономичность и рентабельность. Это разумно продуманная система, говорил турецкий гость, и если подобные хозяйства дают столько хлопка-сырца и другой продукции, то их целесообразно сохранить. Слова Тургута Озала подтверждает и сам Ниязов: “Дорогой брат, — сказал высокий гость из Турции, — переход к рыночной экономике отнюдь не требует ликвидации коллективных хозяйств. Решая этот вопрос, действуйте очень обдуманно”. И, продолжает Ниязов далее, “сегодня туркменские дайхане живут в лучших условиях, чем их турецкие коллеги”. Тогда — да, только не сейчас: ныне туркменский дайханин живет ниже черты бедности, и зарубежным гостям Ниязов теперь не решается демонстрировать “успехи” обнищавших дайханских хозяйств.

Турецкий государственный деятель и политик, весьма далекий от симпатий к социализму, к его системе, искренне советовал Ниязову не торопиться с ликвидацией коллективных хозяйств, а возможно, и сохранить их, пока не будут найдены более совершенные формы организации производства. Но Ниязов не прислушался к мудрому совету: “Сами с усами!” Совхозы и колхозы были разогнаны, а основную часть их имущества — технику, транспорт и скот — разбазарили. Ныне сельское хозяйство не производит и половины того, что оно давало до “реформ”. У дайхан, вчерашних колхозников, нет никакого стимула производить такую ценнейшую культуру как хлопок, всегда приносившую в дом селянина достаток и благополучие. Один из руководителей Тедженского хлопкоочистительного завода с горечью рассказывал, что только в одном 1997 году государство одному Тедженскому району не выплатило за сданный хлопок 23 миллиарда манатов. Такой же грабег среди белого дня повторился и в 1998 году. Хлопок у арендаторов приняли, а вместо денег выдали расписки. Министерству сельского хозяйства, говорят, из бюджета деньги за хлопок были выделены, но они неведомо куда исчезли. Дайхане открыто заявляют: “Кто же бесплатно будет работать? Мы теперь к хлопковому полю не подойдем!”

На глазах захирело и общественное животноводство. От четырех с лишним миллионов лишь мелкого рогатого скота, в основном овец, в дайханском объединении, пришедшем на смену вчерашним колхозам и совхозам, не осталось и десятой доли поголовья.

Президент Ниязов самонадеянно повел губительный для страны экономический курс. Громогласно возвещая о “феномене туркменского опыта”, нынешнее руководство Туркменистана вроде бы сохранило советскую хозяйственную систему, не реформируя ее, но и не поддерживая. Взамен ничего рационального не предлагая, и главное, не финансируя. В результате экономика, все хозяйственные структуры страны пришли в упадок.

Замерла жизнь на многих заводах и фабриках. Работа кипит лишь на предприятиях текстильной промышленности, спешно построенных совместно с турецкими фирмами, но их продукцию туркменский потребитель не видит — она отправляется за рубеж. Лучше получать за нее доллары, нежели “деревянные” манаты. Туркменистан постепенно превращается в сырьевую базу Запада.

Давно ли радители народного достояния негодовали: “Россия выжимает из Туркменистана все соки! Мы — сырьевой придаток России!” Дескать, хлопковое волокно отправляют в Иваново и Реутово, мы не видим конечного продукта. А сейчас видим?! Впрочем, при СССР Россия “выжимала” из Туркмении гораздо меньше, чем ныне хищнически совершают это многие зарубежные фирмы и компании, буквально наводнившие туркменскую землю.

Когда это было видано, чтобы в мирное время простаивали заводы и фабрики? Ныне промышленные предприятия Туркменистана не производят и трети ранее выпускаемой продукции, а

то и вовсе замерли, порождая армию безработных. Позорное зрелище: в одном из микрорайонов Ашхабада появился многолюдный рынок, прозванный Гул базар — Базар рабов, куда со всех концов республики стекается безработный люд. Здесь “новые туркмены” в любое время суток, буквально за гроши нанимают дешевую рабочую силу.

Аксакалы, вспоминая своих отцов и дедов, рассказывают: “В XIX веке, когда на нашу землю пришли русские, то они первым делом покончили с работоторговлей, разогнали базары, торгующие живым товаром. Теперь же, когда они, русские, ушли из Туркменистана вместе с Советами, это стыдобе — купля-продажа людей вновь вернулась в наш край...”

Наличие безработицы в стране официальные органы от общественного мнения пытаются скрыть, как утаивают все происходящие негативные явления. Полиции приказано разгонять Базар рабов, однако уровень безработицы растет из года в год, а государство не пытается решить проблему.

Экономическая, вернее, антиэкономическая политика такова, что в добывающую промышленность и сельское хозяйство средства не вкладываются, ибо в бюджете Туркменистана, по признанию одного из высоких руководителей, образовалась “огромная дыра”. Производство углеводородного сырья резко снизилось. По сравнению с 1991 годом добыча газа, нефти, производство хлопка составляют едва лишь около трети. И все валютные поступления от их экспорта, а также от продажи многих других даров туркменской земли, оседают за рубежами страны, на личных счетах Ниязова, его ближайших родственников и других высших государственных чинов, занятых экспортными операциями.

Таким образом, как свидетельствует бывший министр иностранных дел Туркменистана Абды Кулиев, политика нынешнего руководства была направлена на разрушение существовавшей хозяйственной системы, исключавшей путаницу государственного кармана с собственным; все делалось для того, чтобы экономика, подчиняясь воле одного человека, вела отсчет прибыли от экспорта сырья не в казну, а на личный счет самого президента. Потому он для отмывания украденных денег организовал сеть посреднических коммерческих компаний, в частности, украинскую “Республику”, оффшорную “Омранию” на Кипре, “Туркменросгаз”, филиалы “Итеры” и др.

Это не единственный источник президентского дохода. Со времени объявления независимости тайна о бюджете находится за семью печатями. И отнюдь не случайно. Никто, кроме президента и его самого ближайшего окружения, состоящего из считанных лиц, не ведает о расходах и доходах государства.

Арифметика весьма простая: тут не надобны познания в рыночной экономике, которых у Ниязова, как известно, кот наплакал, но зато алчности хоть отбавляй, и он поднаторел на том, как ловчее и потуже кошину набить. Если на общественные нужды расходы убывают, то это приносит солидный куш распределителю бюджета, коим является не государство, а президент. Видимо, поэтому он с начала 2000 года отменил уроки физкультуры и уроки рисования во всех школах страны. Теперь эти часы ребята проводят за чтением “Клятвы” на верность Президенту Ниязову.

Куда же деваются “зелененькие” от продажи газа, нефти, хлопка и другого сырья, а также готовой продукции, особенно товаров текстильной промышленности? Ответ на сей вопрос дает сам Ниязов: он держит их “для надежной сохранности” на своем личном счету в зарубежных банках. 9 октября 1994 г. президент Ниязов издал указ о том, что золотовалютным резервом Туркменистана являются только те наличности, которые на то время хранятся в Центральном банке Туркменистана. Это означает, что Ниязов походя прикарманил три миллиарда долларов США, большая часть которых депонирована в Дойче Банке (“За СССР”, №16(53), 1998 г.).

Говорят, шила в мешке не утаишь, где-нибудь да вылезет. Есть основания полагать, что на личном счету Ниязова гораздо более значительная сумма. Он сам проговорился об этом в ноябре 1996 г., выступая перед творческой интеллигенцией, когда заявил, что в течение двух-трех месяцев мог бы сделать 5-6 тысяч человек миллионерами, раздав им в частную собственность нефтегазовую отрасль, но делать, мол, этого не хочет, чтобы не обидеть народ, ибо нефть и газ являются... собственностью всего народа.

Говорят, что в одну реку нельзя войти дважды, но Ниязов из этой “реки” и не выбирается. Она, омывая все части его тела: шею с массивной золотой цепью, руки, охваченные золотыми браслетами, пальцы, унизанные дорогими многокаратными сапфирами, обрамленными крупными бриллиантами, перстнями, — намыла дворцы из мрамора и стекла во всех пяти областях Туркменистана, с многочисленными отарами, недвижимостью в Турции, Бельгии, Аргентине,

Израиле. Это помимо его шикарных личных резиденций и дач, построенных в самых живописных местах под Ашхабадом, у подножий Копетдага, в курортном Байрам-Али, на берегу Каспия... Ведь он обещал соотечественникам, что они будут жить как кувейтцы и, как видите, Ниязов свое слово “сдержал”: начал с себя и давно живет как шейх Кувейта.

А как же народ? Его он пока “кормит” пустыми обещаниями, пытается убаюкать сказками, легендами, с которыми знаком каждый нормальный ребенок, выросший в семье, а президент ими зачитывается только сейчас.

ИЗ ПУСТЫХ СЛОВ НЕ СВАРИШЬ ПЛОВ

Шесть с лишним лет назад Ниязов в интервью с весьма претенциозным заголовком “Время покажет, кто прав” заявил: “Я уверен, через два-три года мы снимем проблему обеспечения населения продуктами сельского хозяйства... Я уверен, сегодняшняя программа “Десять лет благополучия” даст положительные результаты. Туркменистан будет вторым Кувейтом на берегах Каспия...” (“ТИ”, 18.03.93).

Как и следовало ожидать, эта нереальная программа лопнула; видя, что с “благополучием” хватило лишку, программу переиграли на “10 лет стабильности”. Но и “стабильность” оказалась неустойчивой, ибо о ней только говорили, не подкрепляя конкретными делами, а ситуация в стране между тем складывалась неблагоприятная: появились очереди за хлебом, не стало хватать продуктов первой необходимости, круто взвинтились цены...

Что же случилось? Пока работала дореформенная экономика и Туркменистан, подбирая “крохи”, оставшиеся от общесоюзного пирога, находился в рублевой зоне, благоприятствовавшей покупательной способности граждан и державшей цены на сносном уровне, в стране не испытывали острой нужды ни в продуктах питания, ни в других товарах первой необходимости. Стабильны были цены и на базарах, которыми Ниязов похвалялся перед заезжими гостями. Но стоило порушить существовавшую систему, не предложив вместо нее ничего, кроме пустых обещаний, как с прилавков, прежде всего, исчез хлеб, за ним выстроились длинные очереди. Без хлеба оказались и дайхане. В Ашхабад, как некогда в Москву за колбасой, со всех концов республики за буханкой хлеба — в одни руки больше не давали — потянулись женщины, дети, старики. Без колбасы еще куда ни шло, а без хлеба туркмен не обойдется и дня.

Всю вину за создавшееся положение Ниязов возложил на неплатежеспособных партнеров из стран СНГ и, взывая к “твердости и благородству” туркменского народа, не впервой “с достоинством переживавшего невзгоды”, заверил, что в ближайшее время обстановка со снабжением населения товарами наладится, пустующие полки магазинов пополнятся, уровень жизни людей повысится, а курс маната укрепится.

Так президент единственный раз набрался мужества публично признаться, что в хозяйстве республики дела обстоят не благополучно: от той идиллии, нарисованной корреспондентами “Правды”, не осталось и следа. И все же Ниязов остается верным себе. Вскоре московский еженедельник “Аргументы и факты”, правда, с оговорками опубликовал данные о зарплате в Туркменистане: минимальная — 50, средняя — 100 долларов! Ба, да это, если не опечатка, то целое богатство! Редакция, вероятно, сомневаясь в приведенных цифрах, предупреждает, что они “могут кого-то удивить и шокировать, однако, они получены из официальных источников: посольств и статистических органов”. Ну что ж, сомнения “АиФа” в правдивости представленных сведений не беспочвенны.

После выхода Туркменистана из рублевой зоны цена на хлеб с четырех рублей подскочила более чем на одну тысячу рублей, мука также фантастически подорожала, килограмм мяса стоит восемнадцать тысяч, масло сливочное — тридцать одну тысячу манатов. Максимальный размер пенсии — 100 тысяч, столько же получали ветераны труда, за плечами которых полувековой трудовой стаж; ветеранам войны был установлен “потолок” — 120-130 тысяч манатов, это по курсу “черного” рынка, не более 7-10 долларов. Такую пенсию ветераны получали вплоть до 2000 года.

Если до “реформы” инвалид войны на сто двадцать рублей своей пенсии мог купить около семидесяти килограммов первосортной баранины, то теперь его пенсии хватает лишь на семь килограммов мяса.

Помню встречу с одной знакомой женщиной-туркменкой, приехавшей в Москву по несчастному случаю. “О возвращении домой в Ашхабад думаю с содроганием, — с тревогой говорила она. — Скажите, есть ли надежда, что будем жить лучше? Ведь прошло пять с лишним из обещанных десяти лет так называемого благополучия. А духовно мы вовсе обнищали. И никакого просвета!”

С августа 1998 г. минимальная зарплата установлена близко к средней, то есть 200 тысяч манатов, что составляет немногим более 14 долларов. Так что цифры 50 и 100 долларов из “АиФ” — это из области легенды, богатого воображения государственных чиновников, навеянных фантазией самого президента. 100 долларов — это полтора с лишним миллиона манатов! Такую зарплату не

получают даже министры и председатели комитетов. Официально, конечно. Хотя Ниязов не единожды откровенничал, что его визири, то бишь министры и другие члены правительства, живут не по средствам. Откуда они их берут? Даже Аллах не ведает, но зато об их источниках дохода, вероятно, хорошо знает сам президент.

А с обещанным твердым курсом маната получился конфуз. Ныне на “черном” рынке 15-16 тысяч манатов равны одному доллару. Ни в одной зарубежной стране манат не входит в число конвертируемых валют. Даже несмотря на то, что на ассигнациях изображен “божественный” лик самого Ниязова, а в банках Германии, как он не единожды проговаривался, держит значительную часть валютных доходов Туркменистана, чтобы обеспечить золотым запасом высокий курс маната (“ЛГ”, 28.07.93).

Туркменский президент, осведомленный о крахе экономики страны, чтобы усыпить народ и ввести в заблуждение общественное мнение относительно истинного положения дел, с калейдоскопической скоростью меняет “программы”. То десятилетка, то трехлетка, то “1000 дней”. Дни-то мелькают, а в экономике вместо подъема все заметнее спад, “программы” уходят в небытие, оставляя после себя лишь пустой звук.

Несмотря на тревожную ситуацию с экономикой, рост армии безработных, дороговизну, резкое снижение жизненного уровня народа, Ниязов не ослабляет пресс давления на оппозицию, в частности, на зародившееся народное движение “Агзыбирлик” — “Единство”, собравшее вокруг себя инакомыслящую интеллигенцию и сочувствующих его идеям людей. Не ограничиваясь слежкой за “возмутителями спокойствия”, вызовом их в прокуратуру, в МВД, КНБ, запретом на свободу слова, арестом в Ашхабаде тиража независимого частного журнала “Даянч”, выходявшего в Москве, президент еще 26 мая 1992 года на встрече с личным составом Комитета национальной безопасности республики призвал “задействовать весь имеющийся у них арсенал технических средств для борьбы с теми, кто пытается дестабилизировать обстановку”. Он сформулировал эту задачу, как главную для всех служб Комитета безопасности, включая и внешнюю разведку, поскольку разведслужба за рубежом якобы утратила свою актуальность. (“Московские новости”, № 27, 5 июля 1992 г.).

Борьба с оппозиционно настроенными людьми в Туркменистане всегда на первом плане. Вот примеры в работе правоохранительных органов в этом направлении. Был взят под стражу сопредседатель “Агзыбирлика” Нурберды Нурмамедов, не допустили для встречи с представителями международной правозащитной организации СБСЕ представителей оппозиции, журналиста Ю. Хыдыра, увезли для профилактической беседы в райотдел милиции редактора оппозиционного журнала “Даянч” Мурада Саламатова, который после этого отошел от оппозиционной деятельности, бесследно исчезла журналистка Наталья Соснина, резко критиковавшая политику руководства Туркменистана. (“Известия”, 23.04.93, “Правда”, 02.02.94). А президент обещает “не воздвигать стену”, а “выстроить мосты”, “постепенно открыть дороги различным партиям” (“ТИ”, 16.12.92).

С той поры миновало восемь с лишним лет, но, как говорится, воз и ныне там. В стране “открыта дорога” лишь одной Демократической партии Туркменистана (ДПТ), бессрочным председателем которой является сам Ниязов.

Однако президент продолжает прожектерствовать, объявив о создании еще одной, новой 10-летней программы, включающей в себя пятилетку “полного продовольственного обеспечения”. “Реализация новой Программы, — вновь обещает Ниязов, — должна обеспечить к 2005 году среднегодовой доход на душу населения в 10-15 тысяч долларов США... XXI век станет “золотым веком” для туркмен”.

Это было в начале 1999 года, а в августе того же года обнародована новая президентская программа с еще более звучным названием “Стратегия социально-экономических преобразований в Туркменистане на период до 2010 года. Основные направления”. С теми же нереальными задачами: “К 2005 году производство основных продовольственных продуктов на душу населения обеспечит уровень рациональных норм потребления, а покупательская способность к концу периода, то есть к 2010 году, а не к 2005 году, как говорилось в предыдущей Программе, составит на душу населения 14,8 тысячи долларов США” (“НТ”, 03.08.99).

Если верить словам Ниязова, то в Туркменистане уже сейчас среднегодовой доход на душу населения превышает 2 тысячи долларов. Только не уточняется, на какую часть населения, скорее всего на “новых туркмен”, у которых хватило средств отгрохать в предгорьях Копетдага и в различных частях Ашхабада дворцы и дачи. По всей вероятности, названная президентом цифра из того же мифа, предложенного “АиФу” официальными органами Туркменистана. Во всяком случае,

как ни прискорбно признаться, в стране мало кто верит заверениям президента. Ведь из пустых слов не сварить плов.

“МЫ ПОЙДЕМ СВОИМ ПУТЕМ”

В августе 1993 года, в интервью американской газете “Лос-Анджелес Таймс” и Бельгийскому телевидению Ниязов заявил: “Мы пойдем своим путем”. Эти слова он повторил и чуть позже в сентябре того же года на встрече со студенческой молодежью Туркменистана. “Сегодня, — сказал президент, — заново открываем для себя свою собственную страницу, свою собственную историю”.

Насколько они искренни, эти слова, насколько велико стремление претворить их в жизнь? В жизни нередки случаи, когда между словом и делом пролегает “дистанция огромного размера”. А не верить Ниязову оснований у туркмен больше, чем достаточно.

“Свой путь” — это чаще всего демагогия, это уловка, отвлекающая народ от реальных трудностей, проблем, ибо Туркменистан ни одного дня не развивался по последовательной реальной программе, у страны нет грамотной экономической программы, составленной с учетом реалий жизни. Туркменский “лидер”, стремясь поскорее укрепить независимость Ашхабада от Москвы, возлагал особую надежду на поддержку братьев-турок и ближайших соседей — иранцев.

Вначале Туркменистан, выбрав чуждую турецкую, с оглядкой на иранскую, модель общественного развития, попытался их скопировать и тем загнал себя в угол. Правда, Ниязову импонировала турецкая система с мобильной армией, крупным полицейским аппаратом и другими органами подавления. Но бывшего первого секретаря ЦК КПТ не устраивала и “чрезмерная” светскость Турции, и ориентир на американский образ жизни, в частности, эмансипация женщин. “Хватит, — заявил он, — этой свободы мы насмотрелись у России, покусившейся на наши национальные обычаи — калым, яшмак — платок молчания”.

Туркменский президент, однако, отдаст больше предпочтений иранской модели: там сильно влияние религии, суровее порядки, исходящие из канонов ислама, но зато, по его мнению, они стоят на страже государства. Симпатии Ниязова к Ирану особенно ярко проявлялись, когда президентом соседней страны был Рафсанджани. Но смена правительства в Иране вызвала заметный холод в отношениях двух стран. Тем более в СМИ промелькнуло сообщение о том, что одна из европейских стран, кажется, Бельгия подала в суд на бывшего президента Рафсанджани, обвинив его в вопиющих нарушениях прав человека. Вот только теперь неизвестно, как поведет себя его “брат” Ниязов, некогда чутко внимавший советам и пожеланиям своего иранского коллеги и наставника. Будет ли он по-прежнему носиться с мыслью сбежать за горы, то есть в Иран, как он однажды заявил корреспонденту “WE/МЫ”.

Министр иностранных дел Туркменистана Борис Шихмурадов, не владеющий туркменским языком, почему-то берет на себя смелость утверждать, будто туркмены предрасположены к Ирану. Видимо, он, зная о симпатиях Ниязова к модели соседней страны и ее бывшему лидеру, угодливо подыгрывает своему хозяину.

Впрочем, если смотреть на Иран глазами кипчакского сироты, то не так уж он и плох. Сосед как сосед, самый ближний, под боком, не так далек, как Турция. Ниязову больше всего нравится отношение иранского государства к женщине — чадра, затворничество, многоженство, ранние браки. Может быть, поэтому туркменский президент издал указ, разрешающий браки в 16 лет, а калым — выкуп за невесту и “кайтарму” — возвращение молодой женщины в родительский дом, пока не будет уплачен весь калым? Ныне на это невероятное бедствие, позорный пережиток патриархальщины, с одобрения президента, смотрят сквозь пальцы и даже поощряют, считая это “национальным обычаем”.

Президент Ниязов предпочитает не говорить конкретно о реформах, либерализации, переустройстве Туркменистана. Его речи изобилуют прописными истинами, банальными историями с экскурсом в седую старину, но чаще всего он только прикрывается демагогическими фразами о “чуде возрождения”, о “туркменской модели”, о “самобытности и верности национального пути”, которые ему видятся в “огромных энергетических запасах”, в “гигантском экономическом потенциале”, заложенном в стране.

А сами туркмены ни на йоту не верят президенту Ниязову, ибо знают, что хваленый “свой путь” в действительности — это мир, созданный большой фантазией, где смещены нравственные ценности и где ложь выдают за правду, предательство за верность, вероломство за достоинство, бесчестье за порядочность, и всем людям цена одина: и тому, кто усердно носил воду — источник

жизни, и тому, кто лишь кувшины бил.

ПУТЕМ ОБМАНА И ЛЖИ

(Откровения старого чиновника Халила-ага Аннаева)

Я почти всю жизнь отдал системе Центрального статистического управления (ЦСУ), теперь его называют Туркменстатпрогноз, откуда и ушел на пенсию. Но связей с родным коллективом не порываю, помогаю, особенно молодежи, среди которой немало близких мне людей. Они-то и делятся своими впечатлениями, а я им передаю свой опыт, вспоминаю прошлое.

Немало я проработал под началом Аки-ага Сафармамедова, человека принципиального, честного, по-разумному дотошного, долгие годы руководившего республиканским ЦСУ. На правах министра он входил в состав правительства Туркменской ССР, чем очень гордился, но депутатом Верховного Совета его упорно не избирали, что очень огорчало старика.

В советское время было заведено, что быть кандидатом в депутаты рекомендовало бюро ЦК КПТ, а уж после этого он начинал избирательную кампанию. Мы, работники аппарата ЦСУ, любившие доброго Аки-ага, знали, почему нашего шефа не прочтат в Верховный Совет. Тогдашнее руководство, в частности, первый секретарь ЦК, не жаловало Сафармамедова за то, что он не мог закрыть глаза на то, как отдельные секретари райкомов партии принуждали руководителей райстатотделов завышать урожайность, центнеры, проценты заготовленного хлопка или другого сельхозсырья. Аки-ага, нещадно борясь с приписками, пресекал нарушения, делал их достоянием гласности, но отдельные руководители республики называли его за глаза “плохим туркменом”, “фальшивым патриотом”, нередко обходили заслуженными премиями, наградами, хотя боевыми орденами и медалями была увешана вся грудь, не рекомендовали кандидатом в депутаты, но изгнать с работы не решались. Так и проработал он честно и добросовестно, пока не ушел на пенсию.

С объявлением независимости в Туркменстатпрогнозе сменилось немало руководителей. Одним из них был экономист Байрам Оразов, работник, на мой взгляд, серьезный, инициативный, вдумчивый.

Если предыдущий председатель, проработав, точнее, просидев в руководящем кресле несколько лет, так и не понял сути нашей профессии и, вероятно, смутно представлял куда попал, то новый руководитель быстро освоил ранее неизвестное ему дело. Это были полярно разные люди; если первый отличался неким равнодушием к делу, хотя и писал стихи, то второй выделялся остротой ума, добросовестностью, чем сразу завоевал деловой авторитет в коллективе. Нас же, старых работников, заинтриговала необычная биография нового шефа. Мы случайно узнали, что он сын “раскулаченных” родителей, высланных из Туркменистана в годы коллективизации, познавший на себе унижительное клеймо “врага народа”. Видно, истосковавшись по родной земле, он и работал во благо ее, самозабвенно, не за страх, а за совесть.

Под началом Б. Оразова мы трудились всем коллективом по четко отлаженной системе, памятуя ленинский завет: “Социализм — это учет”. Мне по душе такая система, исключая обман, приписки, освобождающая человека от насилия над собой, необходимости кривить душой, поступаться совестью. Проще говоря, пиши, как есть, не прибавляй и не убавляй. Это и есть настоящий учет!

Пока еще ежеквартально, каждые полгода и каждый год все местные газеты публиковали сообщения статистиков об экономических показателях народного хозяйства. Все было по-честному: цифры объективно отражали истинную социально-экономическую картину всей республики.

Затем началась свистопляска. Наши сообщения печатать перестали. Почему? Они воссоздавали правду о положении на местах: кризис в сельском хозяйстве пагубно сказывался и на промышленности, в городах и в крупных райцентрах останавливались или не работали на полную мощность промышленные предприятия. Такой вывод можно было сделать из наших сухих цифр.

Нас стали теребить свыше, мол, работаете по старинке, “как при социализме”. Наши отчеты возвращали, а в Кабинет министров шли начисто переписанные сведения, где от наших цифр, выкладок оставались рожки да ножки. А правительственные чиновники, готовя справки для высокого начальства, еще больше приукрашивали обстановку, заботясь лишь о том, как бы не прогневить президента или не испортить ему настроение. Дело дошло до того, что нам из Кабинета министров бесцеремонно указали: “Приводите только выгодные сравнения, к примеру, с предыдущим годом, и то, если там цифры ниже сегодняшних. Не сопоставляйте нынешние показатели с показателями

дореформенными. Они невыгодны и не будут ласкать глаз Самого... Манипулируйте!”

На возражения, что вводить руководство в заблуждение аморально, нас обрывали: “Он Сам этого хочет, — высокий чиновник тыкал пальцем в небо. — А то, что в стране происходит, Он знает не хуже вас. Информаторов у него хватает. И Сам, перевоплощаясь в старца, хождения в народ совершает...”

Экономика страны, между тем, трещала по всем швам. С мест приходили официальные информации одна тревожнее другой, свидетельствующие об остановившихся предприятиях, о массовой безработице, о катастрофически снизившейся покупательной способности населения, об отсутствии прежней градации цен на товары для детей и взрослых, о прекращении государством дотирования на одежду и обувь для самых маленьких граждан.

Статистические данные, по сути, выводили на чистую воду тех, по чьей вине в Туркменистане процветала коррупция, несправедливо распределялись национальные богатства, происходила поляризация общества на классы — богатых и бедных. Богатеями стали тузы из верхних эшелонов власти, всякого рода управляющие и завы, ловко воспользовавшиеся необычностью ситуации, простодушием нашего народа и, главным образом, бесконтрольностью и попустительством со стороны власть предержащих. Иными рыночный лозунг: “Обогащайтесь!” был понят превратно, для пользы собственного кармана. “Новые туркмены” обогатились отнюдь не путем создания материальных ценностей, организации производства, а большей частью взяточничеством, спекуляцией, мошенничеством, облакаемым благовидными формулировками “посредничеством”. Они богатели, бесцеремонно запуская руку в карман государства, общества, хищнически эксплуатируя природные богатства страны. И пример тому подавали те, кто стоял у кормила власти.

Невероятно тяжелое положение сложилось в социальной сфере. Увеличилась детская смертность, наблюдаются вспышки инфекционных заболеваний. Эти цифры стали теперь секретными, доступными узкому кругу руководителей. Туркменская семья всегда отличалась многодетностью, чем мы всегда гордились. В СССР Туркменистан нередкие годы занимал первое место по деторождаемости. Ныне же ситуация опасна тем, что обречет наш народ на вымирание и через десяток-другой лет некому будет сеять хлеб, растить хлопок, добывать нефть, поредеют ряды национальной армии и полицейских отрядов.

Все эти надвигающиеся беды связаны и с мизерным содержанием, выдаваемым государством за многодетность, с выплатой на новорожденных смехотворно низких пособий.

Закрылись многие детские комбинаты, детские кухни и консультации. В селах, где особенно высока детская смертность, замерло строительство детских садов и ясель, не хватает педиатров, а между тем из года в год сокращается прием в медицинский институт. Также резко сократился — в десять раз — прием студентов и во многие другие вузы страны. А это означает политику свертывания образования народа.

К сожалению, на глазах умирает система бесплатного образования, медицинского обслуживания, отдыха трудящихся. Баснословны цены на путевки в санатории и дома отдыха, на медицинские препараты, лекарства, что не позволяет значительной части населения приобретать их, лечиться. Пустуют, особенно в зимнее время, такие известные санатории, как “Байрам-Али”, “Арчман”, “Моллакара”.

Весьма безрадостные цифры и неутешительные факты ложились на стол президенту и вызывали у него раздражение, сказывавшееся потом на нервах и здоровье руководителя Туркменстатпрогноза. А тот ходил сам не свой. Правда, Оразов пытался как-то перестроиться, шел на компромисс, но у него это плохо получалось: человек не мог идти против своей совести.

Когда земля жестка, говорят в народе, бык винит быка. Однако в чем вина Оразова, если Ниязов никудышный хозяин и страну собственными руками развалил? Развалил прежде всего бездеятельностью, верхоглядством.

Однако Оразову все же пришлось уйти. Может, с его уходом дела в стране пошли в гору? Показатели стали выше, экономика окрепла? Куда там!..

Ради справедливости скажу, что в последнее время заметен рост легкой промышленности, в строй введены текстильные предприятия, увеличился выпуск трикотажных изделий. На совесть постарались наши “братья”-турки.

Много разнообразного трикотажа выделяется в Геокдепе, на родине нашего президента, который позаботился о своих земляках, заняв значительную часть населения на предприятиях текстильной промышленности. Текстильщики по праву гордятся своей продукцией, исполненной на

уровне мировых стандартов. Однако ни в самом Геокдепе, ни в Ашхабаде или в других местах республики вы ни на одном жителе или в торговой сети не увидите одежды из местного трикотажа. Причина одна: вся продукция отправляется за рубеж, ибо к ней не подступишься, цены — космические. Все делается с кондачка, то есть, забывая законы о ценах. Помнят лишь о выгоде, не задумываясь о материальных возможностях вконец обнищавшего народа... Лишь бы нажать различного рода “посредникам”, “шабашникам” и другим любителям легкой наживы. Чего же тогда стоят президентские призывы покончить с безнравственностью, воровством?.. Или Ниязову не хочется обижать своих земляков, близких, успевших набить кошелек? Не секрет, что навар с трикотажа попадает во многие толстые карманы близкого президентского окружения. Да и за границу утекает немало наших денег... И здесь в проигрыше и обманутыми оказываются простые люди.

Всякий раз, слушая набившую оскомину “новость о беспрецедентном”, я почему-то вспоминаю притчу об одном падишахском стражнике, сотворившем в жизни одно-единственное добро, но целую вечность попрекавшего тем человека, вынужденно воспользовавшегося его услугой.

На пышном тое — свадьбе принца — один бедняк соблазнился куском телятины, который он попытался вынести из дворца под халатом. Но бдительный страж задержал “вора”. Условия же тоя были таковы: пей-ешь до отвала, но боже упаси унести с собой хоть крошку хлеба. Пойманному на месте отрубали кисть.

Бездетный бедный дайханин в жизни не брал чужого. Дома его ждала тяжело больная жена. Он и позарился на вареное мясо, чтобы накормить голодную супругу. Стражник сжалился над беднягой и отпустил его с миром.

И всякий раз стражник при встрече с дайханином, будь наедине или в многолюдье, говорил: “Помнишь, я тебя тогда, несчастного, пожалел?.. Иначе ходить тебе без одной руки!.. То-то!” Укоры, вольные или невольные, продолжались долго, год, пять, десять лет. Стражник давно уже не служил в падишахской охране, но по-прежнему напоминал о своей милости бедняку. А тому настолько опостытели попреки, что он однажды схватил топор и, отрубив себе кисть одной руки, бросил ее перед бывшим “благодетелем”.

Так и с “беспрецедентной историей”, о которой президент Ниязов говорит почти в каждом своем выступлении, в интервью, на лекциях перед молодежью, на встрече с зарубежными деятелями, в поездках за границей... Словом к месту и не к месту, как тот падишахский стражник.

Об этом денно и ночью вещают радио и телевидение, беспрестанно пишут газеты и журналы, фактом умиляются зарубежные, российские в особенности, журналисты, политологи. Мне непонятен этот восторг — по поводу и без повода. История эта уже в зубах навязла.

Что же на самом деле! Позволительно спросить: что, Ниязов так щедр и “бесплатно” раздаривает собственное, нажитое своим горбом добро? Сказано же — газ природный! Так к чему это поросыачье визжанье?! Повторюсь: не добр тот, кто дарит чужое.

Президент при встречах с аксакалами без усталости повторяет: мы живем хорошо, у нас высокий жизненный уровень, слава Аллаху, без драки и войны, но будем жить еще лучше... Уж народ-то сам знает, как он живет. Еще в 1993 году Ниязов обещал через три-четыре года, то есть после осуществления пресловутой программы “Зерно”, когда, мол, наши хлеборобы обеспечат страну собственной пшеницей, предоставит населению бесплатный хлеб. Прошло уже шесть с лишним лет — восьмисотграммовую буханку хлеба народ по-прежнему покупает за тысячу манатов.

Я не ратую за бесплатный хлеб, и не нужно нам ничего бесплатного, дармового, ибо это — сплошной обман. Посудите сами. “Бесплатной” электроэнергией каждый житель вправе пользоваться не более 35-ти киловатт-часов, нагорело больше — плати. В условиях жаркого климата, когда день и ночь, с весны до поздней осени работают кондиционеры, круглый год не выключаются холодильники, электроэнергия расходуется изрядно и платишь за нее столько, что жалкие президентские киловатты кажутся каплей в море.

Экономисты подсчитали, будто все виды бесплатного водо- и энергоснабжения дают прибавку в бюджет каждой семье около 100-120 тысяч манатов ежемесячно, что составляет не более 8-9 долларов. В одном из своих выступлений Ниязов проговорился (кстати, он, как мне кажется, часто говорит то, о чем следовало бы молчать, и это порой ставит его в крайне щепетильное положение), что дотируемую сумму за все виды “бесплатных” услуг правительство возлагает на сферу производства, на конкретные предприятия, а те, в свою очередь, возмещают расходы, удорожая выпускаемую продукцию (затраты на эту продукцию, одним словом, компенсируются из

кармана... потребителя, то есть за счет налогоплательщиков.) Вот вам и “бесплатно”!

Придворные борзописцы К. Баллыев и А. Нургельдыев, посвятившие президенту роман-эссе, утверждают, что их шеф всегда верил в истину: страна, политика которой замешена на лжи, далеко не уйдет (подразумевался СССР). Если верить биографам президента, то еще его дед, опасаясь будто, что внук вырастет большим лжецом, наставлял: “Никогда не лги, даже если придется умирать, — не лги!” (“НТ”, 07.06.99).

Далеко ли уйдет Туркменистан, если его глава политику страны возводит на фундаменте лжи и обмана? Каким вырастут будущие поколения, если их сызмальства воспитывают в атмосфере плутовства и лицедейства?

КТО ЖЕ КРУТИТ ХВОСТОМ?

Одно время умолкший небезызвестный Дурдымухаммед Курбанов вдруг снова заговорил... Что это за фигура? Стоит ли она нашего внимания?

В первые годы перестройки — это диссидентствующий писатель, критиковавший политику туркменского руководства, выступавший на страницах союзной печати. Преследуемый местными властями, он обивал пороги экс-министра СССР Э. Шеварднадзе, ища у того защиты. Но когда Ниязов, утверждаясь во власти, поманил Курбанова пряником, он безропотно согласился на пост секретаря пресс-службы президента, став особой, приближенной к телу. Человека этого не на шутку побаивались министры и даже всесильный шеф службы безопасности. И не случайно.

Президент по складу своего характера благоволил к наушникам, особенно, к нашептывающим то, что ему хочется услышать. А на первых порах он, казалось, даже верил своему новому писарю. Особенно после того, как тот “окрестил” своего шефа именным титулом “Туркменбаши” — “Глава всех туркмен”. Курбанову, действительно, принадлежала эта идея, и он очень гордился ею, охотно рассказывая “по секрету” многим. Подобное поведение похоже на него: Дурдымухаммед, по утверждению многих его коллег-писателей, зазнайка, пустомеля, с буйной фантазией, к тому же карьерист.

Слышал я и недоуменные разговоры: “Как президент мог приблизить к себе такого человека?”. Однако президент в Курбанове видел лишь проходную фигуру — пешку, коей он ни в коем случае не позволит пройти в ферзи.

И вот Курбанов из-за своего вздорного характера не выдержал даже минимального испытательного срока, отпущенного ему президентом. Незадачливый пресс-секретарь нажил уйму врагов, постаравшихся донести его пересуды до всеслышащих ушей хозяина, который, разгневавшись, выставил балаболку из президентского дворца.

Мавр сделал свое дело...

Экс-секретарь, казалось, замолк. Через некоторое время его голос раздался в эфире из Праги, по туркменской радиостанции “Свобода”, где он выступил с серией разоблачительных очерков о своем бывшем шефе. Ведь ему, были ведомы многие тайны президента и его окружения.

Не берусь судить, что в его эмоциональных рассказах истинно и что литературный вымысел, но художественной правде в обрисовке образа Ниязова, к его чести, он как литератор не изменил. Выступление Курбанова произвело впечатление разорвавшейся бомбы — туркменские слушатели восхищались мужеством и благородством писателя. В городах и селах, по вечерам, в течение нескольких недель тысячи и тысячи радиослушателей, которым приелась преснятина местных СМИ, настраивала свои транзисторы на волну радио “Свобода”, слушая изобличения публициста.

По возвращению из Праги Курбанова арестовали, и он несколько недель просидел во внутренней тюрьме КНБ. Теперь он, выступая по туркменскому телевидению и радио, а также на страницах официальных газет, говорил иное, выпрашивая у президента прощение, дескать, оговорил его понапрасну против своей воли, шайтан попутал. И тем “шайтаном” оказался Зерип Назаров, руководитель туркменской радиослужбы “Свобода”, на чьи уговоры он будто поддался. Походя охаял тех, кто оказал ему гостеприимство в Праге, куда приехал по своей доброй воле. Несмотря на то, что он облил грязью своих коллег, предоставивших ему трибуну для выступления, те не встали в позу, с пониманием отнеслись к необычному поведению Курбанова, догадываясь, что теперь говорил он с чужих слов, под давлением злой силы.

После освобождения из-под ареста, Курбанов в кругу близких, родственников рассказывал, как его истязали в тюрьме, принуждая опровергнуть все то, что сказал в Праге. И перед телевизионной камерой он выступал не на телестудии, а из здания КНБ, не по своему, а написанному сотрудником спецслужбы тексту. А при случайных встречах с бывшими друзьями, коллегами он сиротливо пожимал плечами: не обессудьте, мол, говорил из-под палки. Насколько правдивы его слова? Но те, кто близко знаком с Курбановым, не осуждают бедолагу, зная, как жесток и безжалостен прессинг силовых структур Ниязова.

Честные люди стали, пожалуй, забывать о несуразном поведении Курбанова. Да и сам он, угодивший в “черный список”, составленный на творческих работников, коим в туркменских изданиях публиковаться запрещено, молчал, не подавая о себе никаких признаков творческой деятельности.

И вот в конце лета 1999 г. Курбанов снова обрел дар речи, вероятно, не без вмешательства извне. В статье с весьма красноречивым заголовком “Пусть будет вечен наш великий сердар!”, опубликованной в “Нейтральном Туркменистане” 23 августа того же года, после слащавой прелюдии вроде того, что “Туркменбаши — единственный посланный Богом на туркменскую землю человек” или “Он близок к Богу больше, чем мы можем себе представить”, Курбанов предлагает внести поправку в 55 статью Конституции Туркменистана, записав: “Любой гражданин вправе быть Президентом на неопределенный срок, если он будет избран всенародно”. Словом, автор статьи ратовал за то, чтобы Ниязов оставался на посту президента пожизненно, считая это “важным шагом, сделанным в рамках демократического права”. А заключительный аккорд статьи еще приторнее: автор вносит предложение переименовать город Небитдаг в Сердарабат, в честь президента Ниязова.

Читатель вправе спросить: причем тут персона бесхребетного Курбанова? Что стоит за словами человека, у коего семь пятниц на неделе? Президент, видимо, испытывая ностальгические чувства, вспомнил о “мавре”: как никак тот приходится ему “крестным отцом”, усмотревшим в избранном “крестнике” “современную модель, образец туркменской демократии”. Говорят же, скажи мне, кто твои друзья и я скажу, кто ты. Ниязов, явно не лишенный сентиментальности, решил еще раз поманить пряником Курбанова? Ведь с легкой руки последнего прижился громкий и лестный титул “Туркменбаши”, глядишь, сошедшие с его уст слова “пожизненный президент” тоже вдруг обретут материальную силу.

26 июня 1992 года памятная для Ниязова дата: в тот день он был введен в президентскую должность. На другой день свыше двух десятков членов Кабинета министров, депутатов, высших государственных чиновников пришли к нему, чтобы поздравить с избранием.

Переполненный счастьем новоиспеченный президент заявил:

— Понравится вам или нет, но живым я этот пост не оставлю, — сказал Ниязов сияя и погладил подлокотники кресла, обитого золоченой парчой. — Не для того я шел к нему всю жизнь.

Министры покорно опустили головы, не поймешь рады или огорчены. Скорее всего, они согласны с ним: Ниязов этого и ожидал, ибо хорошо знал своих послушных подчиненных, связанных с ним одной веревочкой.

Но идиллию нарушил один голос. Он принадлежал народному депутату, профессору Пиримкули Тангрыкулиеву, всегда норовившему сказать слово поперек.

— А как же быть с Конституцией? — в голосе профессора Ниязову послышались ироничные нотки. — Там срок определен — пять лет. Демократично ли это, Сапар Атаевич?..

Ниязов зло сверкнул глазами: как он ненавидел этого выскочку! Его голос, манеру речи, походку... Он как зубная боль: недаром в республике стоматологическую службу возглавляет.

— Ты, Пиримкули, вечно споришь. Если я сказал, значит так и будет! — президент с силой стукнул кулаком по столу, так что задрезжала крышка чайника, стоявшего перед ним.

В кабинете воцарилась тишина. Министры вобрали головы в плечи, не зная, куда себя деть.

— Вы едва стали президентом, а уже делаете такие заявления, — Тангрыкулиев заметил пугливо осуждающие взгляды министров, которые потихоньку отходили от него, образовав вокруг профессора, пустоту. — По крайней мере, это нескромно с вашей стороны. Что тогда стоят ваши рассуждения о демократии, о свободном обществе?

Президент, выходя из себя, с шумом поднялся с места и показал всем на дверь. Министров словно ветром сдуло.

— А ты, Пиримкули, останься! — Ниязов по обыкновению со всеми, независимо от возраста, обращается на “ты”.

Оставшись лицом к лицу, президент просил Тангрыкулиева “не разлагать министров, депутатов неповиновением”, воздерживаться от необычных вопросов, дескать, лучше промолчать, не высказываться на людях, ибо это “подрывает авторитет власти”. Ниязова всегда раздражало независимое поведение профессора, его неординарный образ мыслей, принципиальность, смелость и многие другие качества, за которые его земляки глубоко уважали, избрали народным депутатом. И он знал, что президент с какой-то озлобленностью, нездоровой завистью относится к личностям с самостоятельным суждением, считая, что ум человека определяется его креслом и на собственное мнение обладает правом лишь тот, чье служебное положение выше.

Тангрыкулиеву эта мораль была чужда — и фальши он не терпел, как не переносил показухи, лицемерия, особенно, если это затрагивало интересы государства, общества. Он нередко выступал на заседаниях Меджлиса (парламента), вносил деловые предложения, давал отпор демагогии, лжи и, вероятно, потому прослыл “возмутителем спокойствия”.

История с избранием Ниязова в президенты имела свое комедийное продолжение. За несколько дней до принесения президентом клятвы депутаты — журналист Сейитнияз Атаев и академик Агаджан Бабаев, — поехали куда-то, не то к чабанам, не то в какое-то селение и привезли оттуда не первой свежести туркменский халат, мохнатый барашковый тельпек, папаху, и чокаи, обувь из верблюжьей сыромятины, и посоветовали президенту в таком одеянии дать клятву.

— Что за фарс? — удивлялся Тангрыкулиев. — Президента задумали разыграть? — И он рассоветовал Ниязову участвовать в подобной комедии.

— Зачем вам средневековый маскарад? — говорил профессор. — Это же анахронизм! Представьте себе Ельцина или Кравчука в древнем славянском одеянии... Наши предки жили в иных условиях, вели иной образ жизни, не дошли образом мыслей, культурой до современной одежды и потому довольствовались тельпеком и чокаями из сыромятины. Будь у них наши костюмы, куртки, они с удовольствием носили бы их. Мы же цивилизованные люди! Зачем в данном случае оглядываться на минувшие века?..

Президент вроде согласился с доводами Тангрыкулиева. Когда же настала минута принесения клятвы, Ниязов, как в клоунаде, возник перед собравшимися в мохнатой папахе и яркокрасном халате, походя на классического басмача из фильма “Белое солнце пустыни”, только без винтовки и камчи.

Как тут не вспомнить “философский” вопрос: “Собака крутит хвостом или хвост крутит собакой?” Ниязов и на этот раз оказался во власти собственного тщеславия, он сказал одно, а поступил наоборот, и как всегда, неумно. Всяк сходит с ума по своему.

Тангрыкулиев не сдержался и бросил через весь зал реплику:

— Теперь вам осталось взять в руку чабанскую палку и пасти нас, как баранов!

Сказано дерзко, но верно. Зал безмолвствовал. Иначе и быть не могло, ибо депутаты, почти без исключения, подбирались самим Ниязовым. А разнаряженному президенту затейники маскарада нашептывали: “Да не слушайте вы этого смутьяна! Он привык воду мутить!”

Президент лишь довольно улыбался: он любил старину и ему были по душе подобные “чествования”. Но дерзкую выходку профессору он не простил. Придет время, и президент напомнит ему о том.

“ДЕМОКРАТИЯ” ПО-ТУРКМЕНСКИ

История с легкокрылым Курбановым и два последних эпизода, приведенных мною в предыдущей главе, наглядно подтверждают: атрибутика власти больше всего заботит Ниязова, которому хочется считать ее демократической лишь потому, что во главе ее стоит он. Демократичность любой системы, прежде всего, определяет Конституция, если власть и общество следуют ее духу и букве. В данном случае провозглашенная в Туркменистане Конституция является предметом гордости и восхищения официальных кругов и, в первую очередь, конечно, самого Ниязова. Противоположного мнения о ней придерживается инакомыслящая часть общества, считающая, что она отстывает от международно признанных демократических норм и положений.

Насколько же демократична Конституция Туркменистана?

Ее в республике прозвали ниязовской. У многих вызывает недоумение, что в Основном законе не предусмотрено создание Конституционного суда, призванного установить контроль за соблюдением должностными лицами, в том числе Президентом, конституционных и других законов государства. Ведь такие суды существуют во многих, считающих себя демократическими, государствах мира.

Мало кому ведомо, что накануне принятия Основного закона, Конституционная комиссия сочла нужным изъять из проекта свыше 25 положений и статей, показавшихся ей слишком демократическими. Разумеется, это было сделано не без ведома главного “демократа” Ниязова. Так вместе с водой выплеснули и ребенка. Среди них оказалась глава о Конституционном суде, а также статья о неподцензурности средств массовой информации.

“Документ века” был составлен с иезуитской изощренностью, которая в свое время была подмечена туркменским ученым Шохратом Кадыровым (“Московские новости”, № 27,05.07.92), подвергшим его основательной критике. За это Кадыров преследовался туркменскими властями и был вынужден эмигрировать в дальнее зарубежье.

По мнению автора, в Конституции обойдены многие демократические принципы, а целый ряд статей ее отсылает к текущему законодательству. В разделах Основного закона, возвещающих об основных правах, свободах и обязанностях человека и гражданина, почти каждая третья статья дает право властям на их различное толкование, точнее, на беззаконие, бюрократический произвол.

Наглядный пример беззакония — история с Бегмамедом Гельдымамедовым, уже избравшимся народным депутатом в 1992 году. На очередных выборах жители крупного поселка Джебел снова выдвинули его кандидатуру. Но не тут-то было. Вмешались органы внутренних дел, национальной безопасности, вплоть до хякима веляята. Руководители предприятий и организаций шли на подлог и шантаж, а также вызывали работающих граждан, уговаривали или угрожали, чтобы они отказались от кандидатуры Б. Гельдымамедова. Однако, несмотря ни на что, Гельдымамедов все же получил удостоверение кандидата в депутаты, решение о его регистрации было напечатано в веляятской (областной) газете.

Тогда в “бой” вступила “тяжелая артиллерия”: в деятельность окружной избирательной комиссии вмешался хяким веляята Р. Пуханов, разумеется, не без указания из Ашхабада, и решение о регистрации кандидатуры Б. Гельдымамедова было аннулировано. Под благовидным предлогом его также освободили от руководства автотранспортной конторой г. Небитдага. Причина? Б. Гельдымамедов — неудобный человек: будучи народным депутатом, он не раз критиковал незаконные действия президента и руководства веляята.

Почти подобная история приключилась и в 1999 году, на очередных выборах, когда Гельдымамедов вновь попытался выставить свою кандидатуру в народные депутаты. Органы местной власти, прибегнув к помощи силовых структур, накопивших опыт в подобных антидемократических действиях, снова помешали ему осуществить свои гражданские права.

Или другой пример. Конституцией гарантируется свобода собраний, митингов, демонстраций, но тут же оговаривается: “в порядке, установленном законодательством”.

По той же Конституции президент — глава Кабинета министров, им же формируемого. Президент также издает указы, имеющие силу закона. Он назначает и лишает полномочий судей всех степеней, включая и верховных, а также генерального прокурора. Он же имеет право распустить парламент в случае, если тот выражает недоверие Кабинету министров президента.

Народные депутаты без ведома избирателей могут быть лишены своих полномочий парламентом. Парламент, в свою очередь, не является единственной высшей законодательной инстанцией, и среди аналогичных (президента, Народного совета — Халк маслахаты) не играет главенствующей роли.

С принятием Конституции в парламенте было 175 депутатов. Конституционная Комиссия предлагала создать двухпалатный парламент, но Ниязов не согласился на это. Наученный горьким опытом, когда прежний полнокровный парламент попытался воспрепятствовать назначению рекомендуемых президентом министров, отдельных руководителей, он на сей раз, используя свою власть, создал послушный его воле карманный парламент, состоящий из 50 депутатов. Этот так называемый парламент входит в Халк маслахаты — высший представительный орган народной власти, представляющий собой аморфную структуру, вобравшую в себя верхушку такой же карманной Демократической партии, формируемый президентом Кабинет министров, назначаемые президентом верховные судьи, генеральный прокурор, правительственные чиновники, руководители республиканских ведомств, совет старейшин и т.д.

Эксперты отмечают, что в странах с президентской формой правления, органов аналогичных Халк маслахаты нет. Особенность этого института в том, что не реже одного раза в год собираются подконтрольные президенту представители всех эшелонов власти, чтобы принять важнейшие решения. Подобный институт существовал и до сих пор существует в арабских монархических государствах (Иордания, Бахрейн, Кувейт).

Для диктатора существующая расплывчатая структура весьма удобна. Халк маслахаты — это послушное орудие в руках правителя, ширма для беззакония, подменившая, по сути, парламент, барьер на пути создания в стране демократических институтов, это — прямой путь к авторитаризму, диктатуре.

Картину конституционного перехода Ниязова к авторитарному правлению дополняет присвоенный себе титул “Туркменбаши” (его следовало бы писать Туркмен “баши”), а также посты председателя Совета старейшин республики, президента гуманитарной Ассоциации туркмен мира, председателя созданной на базе Компартии Демократической партии Туркменистана.

В республике одна зарегистрированная партия — Демократическая, члены которой заявили, что смогут “отражать и защищать интересы всех трудящихся”, хотя с первых дней своего рождения она получила в народе название “карманной партии президента”.

Много разговоров было вокруг создания так называемой Крестьянской партии справедливости, организацию которой президент доверил академику Реджепу Байрамову. Эта “партия”, готовая верноподданнически сотрудничать и служить председателю “демократов”, президенту Ниязову, возникла лишь на бумаге и приказала долго жить. Она с первого же дня была обречена на угасание. К этому приложил руку и сам президент, который не мог перенести, чтобы рядом с его собственной партией существовала какая-то другая партия. Такова судьба всякой “партии”, если она возникает, как карманная, в угоду одному человеку и его камарильи.

Тем не менее, в Конституции немало изъянов, позволяющих различное их толкование. В статье 101 говорится, что судьи независимы, подчиняются только закону и руководствуются внутренним убеждением. Вмешательство в деятельность судей с чьей бы то ни было стороны недопустимо. А между тем судебная власть в полной зависимости от президента, который назначает судей всех судов сроком на пять лет. Кто же вправе их освобождать? В статье 102 дается туманный ответ: “Порядок назначения и освобождения судей определяется законом”. А далее следует разъяснение, вступающее в противоречие со всей статьей: “До истечения установленного срока судья без его согласия может быть освобожден от должности только по приговору суда и по основаниям, указанным в законе”.

На практике президент этого не придерживается: своим указом он освобождает и назначает судей всех рангов, начиная от этрапских (районных) и кончая Верховным. Закон же, как видите, противоречив и двойственен.

Почему бы всех судей не сделать выборными и подчинить одному Закону? Возможно, мои суждения наивны: тогда судьи окажутся вне сферы влияния президента, который этого не перенесет. Бытует мнение, что с ним предварительно согласуются приговоры, сроки заключения арестованных граждан, на коих пал высочайший гнев или недовольство. Ниязов, как некогда один из французских монархов, провозгласивший “Государство — это я!”, считает, что, если он объявил себя “Главой всех туркмен”, значит и государство, туркменское, независимое, нейтральное, будто созданное “благодаря

его гению, бесстрашию и мужеству”, это и есть он — Туркмен “баши”.

В статье 55 Основного закона записано: “Президентом может быть гражданин Туркменистана из числа туркмен...” Почему только из туркмен? Не ущемляет ли это национальное достоинство граждан не туркменской национальности, проживающих в республике, не зачисляет ли их в разряд второстепенных? А как тогда относиться к утверждению правительственного официоза: “Отныне ... туркмены, русские, армяне — все вместе составляют единый туркменский народ”?.. (“НТ”, 23.08.99). Или это только слова?

Национальная обособленность, не исключено, будет способствовать порождению у некоторой части туркменского населения нездоровых чувств высокомерия, национальной кичливости, что отрицательно скажется на консолидации нашего многонационального общества, на воспитании подрастающего поколения. Это дискриминационное положение находится в противоречии со статьей 17, провозглашающей равенство прав и свобод всех граждан, независимо от национальности, языка, происхождения, политических и религиозных убеждений и т.д. Оно идет вразрез также со статьей 30, где гражданам Туркменистана предоставляется право избирать и быть избранным во все органы власти. И должность Президента согласно статье 56 относится к числу выборных.

Явное пренебрежение к нормам другого языка и к лицам, не владеющим туркменским языком, усматривается в тексте Конституции, переведенном на русский язык. Если авторы сочли нужным дать объяснения таким словам, как меджлис — парламент, арчины — мэры, то непонятно, что означают, к примеру, “халк векиллери”, “веляят хякими”, “этрап”.

Статья 15 возвещает: столицей Туркменистана является шахер Ашгабат. Тем, кто не владеет туркменским языком, приходится лишь догадываться, что “шахер” — “город”, а написание “Ашхабада” опять таки подчинено нормам туркменского языка. Может быть тогда и слова “Конституция — Основной закон” не стоило переводить на русский и писать “Конституция — Эсасы канун”?

Так в республике были сделаны первые шаги к “демократии по-туркменски”.

На самом деле политика туркменских властей, к примеру, по вопросу о парламентских выборах и необходимости политического плюрализма, широковещательно объявляемая внутри страны, разительно отличается от заявлений, рассчитанных на внешнюю аудиторию, а также от конкретных практических шагов. По указанию президента в апреле 1998 г. очередные выборы в “халк векиллери” — “народные избранники” были проведены на альтернативной основе. В округах были зарегистрированы по два кандидата. Однако, когда в четырех округах, расположенных в Джебеле, Гасан-Кули, Кизыл-Атреке и в Байрам-Али, избиратели, независимо от властей, пытались выдвинуть своих кандидатов, они не были зарегистрированы под различными предложениями.

В апреле 1998 г. Ниязов, находясь в США с официальным визитом, заверил американских руководителей, что выборы в 1999 году в меджлис и президентские выборы в 2002 году будут “свободными и честными” (“Независимая газета”. “Содружество”). А какими они были “честными и свободными”, это видно из приведенного выше примера с Б. Гельдымамедовым. Но подобное нарушение прав гражданина становится, к сожалению, нормой. Туркменское руководство не предпринимает каких-либо серьезных шагов по демократизации существующей политической системы, а, наоборот, ужесточает ее. О том говорит и вопиющий факт попрания демократии по отношению к управляющему тедженским “Дайханбанком” Какабаю Нуннаеву.

Молодой финансист, профессионал, положительно характеризующийся на работе, приняв за чистую монету президентские лозунги об альтернативных выборах в меджлис, собрался выставить свою кандидатуру и заявил об этом своему непосредственному руководству и окружной избирательной комиссии. Святая наивность! “Самовольство” претендента не прошло мимо внимания Ниязова, лично контролировавшего ход избирательной кампании. Откуда такой сыскался? Ниязов выразил неудовольствие действиями “высочки”. Этого было достаточно, чтобы руководитель республиканского банка предложил К. Нуннаеву подать заявление об увольнении с занимаемой должности “по собственному желанию”.

Вот так слова президента, как всегда, расходятся с делами, и обещания остаются только обещаниями. Кстати, уже замечено, что Ниязов по возвращении с Запада после очередного визита с восхищением говорит о тамошней демократии, о многопартийности и тут же обещает демократизировать в Туркменистане существующую систему, разрешить деятельность различных партий, общественных организаций. Стоит ему съездить в арабские страны с монархической системой правления или в Китай, он рассказывает обратное, ратуя за ужесточение существующих

порядков.

Это он еще раз подтвердил в своем выступлении от 27 сентября 1999 года на встрече в национальном институте истории, заявив, что туркменский народ еще не созрел и будет готов для восприятия демократических начинаний эдак лет через десять-одиннадцать.

И вместе с тем Ниязов беспрестанно твердит, что в Туркменистане правят Конституция и демократические законы. Но истинное положение в стране опровергают президентские заявления. Набор цветистых фраз о демократии, нередко сочиненных спичрайтерами, говорит лишь об их декларативности и о самовлюбленности того, кто их произносит. Одно время президент нередко призывал туркмен не забывать о том, “что на плечах каждого уселась птица счастья”, “сегодня мир узнал туркмен по проводимой нами политике”, “проявление разума — это от демократии”. Или: “Моя демократия — это когда дети пробуждаются утром рано здоровыми и идут в сады и школы, когда родители, поженив своих детей, отпускают их в самостоятельную жизнь” (“ТИ”, 16.12.92).

Красивые слова! Что за ними кроется? Как они соотносятся с делами?

Молодежь и помимо воли родителей женится и уходит в самостоятельную жизнь. Тем более, туркменский президент милостиво разрешил браки в 16 лет. Насколько это разумно — жизнь покажет.

Дети как пробуждались по утрам, так и будут пробуждаться и в грядущих веках и тысячелетиях. Но будут ли они ходить в школы и детские сады, если их строительство замерло с объявлением независимости?

Не это волнует президента: слабая власть всегда боялась демократии. Так и Ниязов в порыве, скажем, откровенности заявляет, что демократия ведет к массовым беспорядкам, этническим войнам, которые могут, мол, воспламениться от свободы, предоставленной народу. Дай только народу волю, чего делать нельзя, рассуждает глава Демократической партии Туркменистана, и он выйдет из повиновения и возьмет штурмом то или иное служебное помещение. И тут же, будто опомнившись, делает разворот на 180 градусов в своих разглагольствованиях: туркменам демократия не в новость, она у них в кров, и они еще в средневековье познали ее уроки. “Демократия, говорит он, — наследие, оставшееся нам от наших прадедов”, а Туркменистан является “родиной демократии” (“ТИ”, 22.06.93).

Под средневековой демократией Ниязов подразумевает “демократию” выбора родового хана, сердара — вождя, когда узкий круг родоначальников и священнослужителей за спинами “гарамаяков” — черни и простолюдинов, сажал на белую кошму отличившегося своей твердой рукой родовитого воина и, трижды вознеся его над головой, провозглашали своим сердаром, ханом.

Новоявленный туркменский “теоретик”, осуждая демократию и правопорядок на Западе, лишь декларативно возвещает о “туркменской модели демократии”, забывая, что демократия — это общечеловеческое достояние, планетарная ценность. Не отрицая национальных особенностей каждого народа, нельзя, однако, наделять каждый народ своей “моделью” национальной демократии. В мире насчитывается свыше 2000 национальностей и народностей, не говоря уж о крупных племенных объединениях, и если придерживаться “теории” туркменского “баши”, то и демократий должно быть столько же. Не слишком ли много? Тогда, как бы продолжая абсурдную мысль новоявленного “сердара”, в Туркменистане имеют право на существование “северная”, “южная”, “восточная” и другие региональные демократии.

ВОСТОЧНАЯ ДЕСПОТИЯ

Все умные, талантливые люди оригинальны по-своему, а все диктаторы, как правило, очень схожи друг с другом. Годы правления Ниязова показали, что для достижения своей цели он не останавливался ни перед чем, и его нравственные ценности менялись в зависимости от собственных интересов. Он не стремится создать какую-либо логически выстроенную систему, непонятно, чему он отдает предпочтение: капитализму, социализму?..

Свою тактику, вероятно, он строит на двух “принципах”. Главное, никому не доверять, кроме себя и опираться на близкое окружение, состоящее из своих соплеменников, но опираться до определенной поры, время от времени передвигая их с места на место, как пешек в шахматной игре. Второй “принцип” — никого не жалеть, решительно избавляться от всех потенциальных соперников, для достижения своих целей не брезговать ничем. Цель оправдывает средства — метод не новый, но проверенный; устранять инакомыслящих, даже мало-мальски несогласных, в первую очередь, из числа своих приближенных.

Еще в XIV веке инквизиция относилась инакомыслящих к уголовникам. Ниязову всюду мерещатся заговоры, крамола, сплетни, будто людям, особенно интеллигенции, нечего делать и заняты они лишь тем, что перемывают ему косточки. Поэтому он не терпит митингующих, всякого рода собрания, диспуты, застолья, даже свадьбы и другие семейные торжества. Он готов запретить и поминки, собирающие много народу, но для этого придется наложить запрет умирать людям. Дошло дело то того, что лояльного к нему ректора сельскохозяйственного института, профессора Б. Балакаева, принявшего приглашение на семейное застолье профессора П. Тангрыкулиева по случаю его 60-летия и произнесшего там тост, президент снял с должности. А вместо него ректором и проректором назначил людей, давно перешагнувших пенсионный возраст и не имеющих опыта работы в высшем учебном заведении.

Ниязов на том не остановился, освободил от занимаемой должности и ректора медицинского института, профессора А. Аннаева. “Почему ты не избавился от этого кляузника, — упрекнул он Аннаева, имея в виду заведующего кафедрой института, профессора Тангрыкулиева, — его давно пора изгнать из института...” Пострадал и заместитель главного редактора газеты “Нейтральный Туркменистан” Б. Халлыев лишь за то, что в президентской газете была опубликована статья, посвященная юбилару. Журналисту пришлось распрощаться со своим постом.

Подавляя всякое инакомыслие, Ниязов ликвидировал творческие союзы писателей, журналистов, архитекторов, кинематографистов, композиторов, отдав предпочтение лишь живописцам-портретистам и скульптурам, создающим его портреты, статуи, бюсты. Президент даже похвалился: “Мы поступили мудро, отказавшись от творческих союзов и, прежде всего, от союза писателей”. Их ликвидация не случайна. Служи они “вождю” верой и правдой, возможно, он их и сохранил бы.

Заместитель председателя Кабинета министров, он же министр культуры О. Айдогдыев, возникнув на пороге кабинета председателя Союза кинематографистов Х. Нарлиева, с ходу бросил:

— Сдай ключи от сейфа! Союз закрыт! Ты свободен!

— Союз — общественная организация, — возразил Х. Нарлиев. — А моя должность выборная. Надо собрать членов Союза, спросить...

— Какие тут сборы, выборы?! Президент дал команду!..

Кинематографисты с горечью признаются: “Создал бы Нарлиев фильм о сердаре, и Союз был бы цел и председательство свое сохранил бы...” В том есть весомая доля правды.

В одном из своих выступлений президент обрушился на главного редактора газеты “Туркмен Сеси” Аннаберды Агабаева, обвинив его в лени, бездеятельности, в пристрастии к спиртному. Тот воспринял критику и, не мешкая, написал несколько хвалебных статей в адрес Ниязова, и тот оставил его в покое. Агабаеву это послужило уроком, и теперь он не дожидается высочайшего напоминания — дифирамбы прозой и в стихах на туркменском и русском языках выходят из под его пера регулярно.

Аналогична история и с Нурмурадом Атаевым, хякимом Каахка, чей этрап не выполнял планы, проваливал государственные задания. Президент намеревался освободить руководителя от занимаемой должности. Но тот приятно удивил и обрадовал главу государства, написав о нем... роман.

Земля слухом полнится: в писательских кругах настоящим автором произведения называют имя другого, профессионального писателя, ныне, с обретением независимости страны, бедствующего и за определенную мзду создавшего роман о “сердаре”. Но дело не в этом, главное, что президент теперь сменил гнев на милость и оставил за “писателем” — хякимом должность и больше не позовет его имя в докладах и на различных собраниях. А что изменилось в хозяйствах этрапа? Ровным счетом ничего. Если не стало хуже. Но это никого не волнует: важно, что президент доволен.

Закрытию Союза кинематографистов предшествовала целая “разрушительная” баталия, связанная с домом народного артиста республики, режиссера Х. Нарлиева и его супруги М. Аймедовой, народной артистки СССР. Ниязов, по чьей воле был снесен коммунальный дом супругов, ибо он не вписывался в архитектурный ансамбль с новым золоткупольным президентским дворцом, лично разрешил им построиться неподалеку. Когда новый дом, построенный на собственные средства артистов, был почти готов, поступил приказ: снести, постройка мешает президентской автотрассе.

Супруги, опять-таки с высочайшего позволения, взялись за сооружение другого дома в поселке Ванновском. Но судьба этого дома пока неопределенна. Говорят, он оказался на пути к загородной вилле президента.

Если представить себя на месте супругов, то для них, пожалуй, вся эта кошмарная история отнюдь не сон, а дурная явь, трагикомедия, поставленная по сценарию самого президента, о чем проговорился, по обыкновению, он сам: “Все, кто учился в Москве, Ленинграде, — он имел, прежде всего, в виду супругов, — и получившие там русское воспитание, подвержены гнили. У них одна демократия на уме. А она нам не нужна...”

Себя Ниязов, тоже закончившего вуз в Ленинграде, работавшего в Москве, считает, конечно, исключением.

Теряюсь в догадках, когда пытаюсь объяснить иные действия президента. Неужто власть может так опьянить нормального человека? О чем, вернее, чем думал “баши”, когда закрывал целый ряд техникумов, училищ, научно-исследовательских институтов и научно-производственных объединений и, наконец, саму Академию наук, создав вместо нее другую академию — Полицейскую? Или взял за правило через каждые два-три года, а то и чаще, смещать министров, председателей комитетов, руководителей ведомств, особенно силовых структур, послов, а хякимов веляатов, городов и этрапов. Судей и прокуроров всех звеньев также меняет, как перчатки.

Здравого рассудка кажется лишены его так называемые нововведения: вчерашних чекистов или высоких правительственных чиновников, не стоявших ни одного часа в армейском строю, назначает министром обороны или начальником генерального штаба, а боевых генералов, за спинами которых Академия генерального штаба и война в Афганистане, отправляет послом, на худой конец, военкомом. Долгие годы в качестве министра торговли президент держал своего соплеменника Х. А. Агаханова, которого не случайно народ прозвал Халназар-баем, но когда о нем все настойчивее пошли нелестные слухи, то его спешно отправили за границу послом, назначив на “доходное место” родного племянника бывшего министра.

Замечено, что Ниязов наиболее перспективных работников, в коих ему стоит заподозрить конкурентов, соперников, старается под всяческими предлогами, вплоть до компрометации и шантажа, устранить с политической арены, а иных, тоже способных, но осуждающих его диктаторскую политику, норовит упрятать за решетку. Своим жертвам окружение Ниязова выискивает и предъявляет уголовное преступление, конечно, надуманное, дабы иметь основание фарисействовать, будто в Туркменистане нет политических заключенных. А бороться с “уголовниками”, мол, внутреннее дело каждого государства.

Показательна история с кандидатом экономических наук Байрамнуром Союновым, с которым у президента были давние счеты. Союнов — интеллигент, способный организатор, инициативен, и Ниязов пытался его приручить, ибо знал, что тот по образованию и профессионализму стоял на голову выше своих коллег. Союнов — потомственный интеллигент, в годы, когда Ниязов занимал в республике высшие посты, работал секретарем горкома, заведующим отделом ЦК, его знали как перспективного работника, журналиста и политолога. Уже тогда в партийном аппарате иные консервативные чиновники за глаза называли его “диссидентом”, “либералом”, но расправиться с ним не решались: сказывались веяния демократизации.

Занимая пост руководителя ведущего отдела ЦК КПТ, он без оглядки шел наперекор консервативному секретариату во главе с Ниязовым, противившемуся всяким новшествами. Союнов

выступал за демократизацию партийного строительства, общественной жизни, печати, ратовал за многопартийную систему, за признание туркменского языка государственным.

Первый секретарь ЦК Ниязов, все еще находившийся в плену рутинных указаний и инструкций Старой площади, такую дерзость Союнову не простил и в 1990 году “диссидента”, в наказание, во вновь избранный состав ЦК Компартии Туркменистана не рекомендовал. Не высывайся! Однако Союнова, чей авторитет был велик, вопреки воле высокого начальства, на альтернативной основе все же избрали народным депутатом. Ниязов, ставший к тому времени председателем Верховного Совета республики, подобного оборота в судьбе Союнова не ожидал, и, верный своей политике кнута и пряника, рекомендовал визави заведующим отделом Верховного Совета, а затем и министром. Ниязов изменил бы себе, забудь о самостоятельности Союнова: он ждал своего часа, который, по его расчетам, пока еще не пробил. Возможно, где-то в душе надеялся, что Союнов оценит “добро”, станет сговорчивее, покладистее, но тот и не думал под кого-либо подлаживаться.

Вскоре с избранием президента освободилось кресло председателя Верховного Совета республики. Ниязов, разумеется, намеревался посадить туда послушного его воле человека. Пока всеми республиками верховодила Москва, страна, охваченная эйфорией перестройки, жила идеями демократии, робкими нововведениями. На освободившийся пост председателя Верховного Совета депутаты единодушно рекомендовали кандидатуру Б. Союнова. Но не тут-то было. Предложение народных избранников вызвало у Ниязова отрицательную реакцию: “Он не нужен мне. Не хочу иметь дело с воспитанником Москвы, учившемся там демократии. На посту председателя я хочу видеть такого безотказного во всем человека, как Мурадов”.

К открытому выпадку президента Союнов внешне отнесся спокойно: “Пусть мою судьбу решают сами депутаты”. Этого заявления было достаточно, чтобы Ниязов прибег к лисьим уверткам: “Союнов отказывается от предложенного ему поста”, — обрадовано возвестил он и, воспользовавшись положением председательствующего, стал выкручивать депутатам руки, и они потрафили красноречивому президенту и впрямь проголосовав за Сахата Непесовича Мурадова, человека равнодушного и возраста пенсионного.

Теперь Ниязова ничто не сдерживало. Он уже старался не походить на прежнего закомплексованного деятеля республиканского масштаба, боявшегося сказать на заседании Политбюро лишнее слово, вздрагивавшего при каждом звонке правительственного “ВЧ”, связывавшего с Москвой; он уже оставил ряды КПСС, а Компартию республики, как уже говорилось, реформировал в карманную Демпартию, поставив во главе ее себя. Благо, Москва в свою очередь отмахнулась от своего “подбрюшья”: глотайте, мол, суверенитета столько, сколько сможете. Расстрел Российского парламента, беспредел в России, подзуживания новоявленных так называемых друзей и братьев развязывали руки Ниязову, уже почувствовавшего силу и сладость власти, но еще не осознававшего ее губительность.

Президенту все же не давал покоя авторитет Союнова, которого, освободив вскоре от поста министра, перевели председателем комитета, затем понизили до руководителя третьеразрядной ведомственной выставки. Здесь к Байрамнуру применили испытанный метод провокации: по наущению силовых структур Союнову преподнесли “взятку” в меченых двухстах американских долларах, арестовали “на месте преступления” и осудили на двенадцать лет лишения свободы. Через год-другой, видимо, чувствуя, что “дело” Союнова шито белыми нитками, его по амнистии освободили, но цели своей Ниязов достиг: соперник скомпрометирован, теперь он будет тише воды и ниже травы и с такой биографией претендовать на власть не посмеет.

Туркменский президент на редкость “жалостлив”. Особенно к тем, кого считает потенциальным конкурентом или возмутителем спокойствия. Его “сердоболие” проявляется следующим образом. Сначала он применяет к ним методы воспитания: травит их со страниц республиканской печати, с экранов телевизора. Целая свора научных сотрудников, переворачивая горы архивных материалов, выискивает о них компрометирующие свидетельства. Затем жертву на чем-то провоцируют, арестовывают, осуждают, широко возвещая о том в СМИ, и вся эта вакханалия сопровождается гонениями и преследованиями близких, родственников осужденного; через год-другой президент, проинформированный силовыми министрами, что тюрьмы, лагеря переполнены и не на что кормить заключенных, уже давно перешедших на содержание родственников, вынужденно объявляет амнистию, помилование. Несмотря на плохую игру, делается это с красивой миной на лице: всемилошнейший вынужденный жест выдается за “гуманизм” “сердобольного” вождя. Ну как тут не умилиться?!

Довольны обе стороны: узники получают свободу, а их “благодетель”, потирая руки,

чувствует себя именинником. Ему кажется, что своим благодеянием он предстает перед народом добрым, милосердным. Хотя он и очень заблуждается, но убогаторен уже потому, что обезопасил себя от соперников, которым с запятнанной репутацией дорога во властные структуры заказана.

Президент давно замыслил “нейтрализовать” заведующего кафедрой мединститута, профессора Пиримкули Тангрыкулиева, отличавшегося редкой непокорностью и во многом не разделявшего методы правления Ниязова, часто критиковавшего его с высоких трибун парламента и Халк маслахаты. Тангрыкулиев, пользующийся в народе заслуженным авторитетом, уже однажды, наперекор “сердару”, был избран депутатом на альтернативных выборах. На очередных выборах 1999 года в межлис он собирался выставить свою кандидатуру, предпринял шаги для создания альтернативной партии и, зная, что его инициатива будет встречена в штыки, обратился за помощью к местному представителю ОБСЕ, в американское посольство.

Туркменские ретрограды подобного перенести не могли. Ниязов отдал команду арестовать непокорного профессора, дабы другим неповадно было. Летом 1999 года Тангрыкулиева взяли под стражу в одном из кафе Ашхабада. Не помогло даже присутствие при этом одного из секретарей американского посольства, с которым профессор сидел за чашкой кофе.

А дальше все по сценарию “баши”: в газете “Нейтральный Туркменистан” и в других президентских изданиях появились статьи авторов, заученно призывающих “применить закон” к “нечистоплотному коллеге”. За законом дело, конечно, не встало: на божий свет вытащили пожелтевшие архивные справки, даже газетные вырезки из “Правды” десяти-пятнадцатилетней давности, где П. Тангрыкулиев критиковал руководство ЦК КП Туркменистана.

Бывший секретарь ЦК КП Туркменистана М. Моллаева, ныне возглавляющая Главное архивное управление Туркменистана, мобилизовав на это аппарат архивных работников, проявила заметное рвение в поисках “компрометирующих” П. Тангрыкулиева архивных материалов. Ему, имевшему свою фармацевтическую фирму, возвели в криминал конвертацию крупной суммы манатов, обычно совершаемую с позволения президента, обвинили во всех смертных грехах многолетней давности и, как следовало ожидать, приговорили к восьми годам лишения свободы, конфисковав имущество, лишив всех наград и почетных званий и даже ученой степени доктора наук.

Кто знает, сколько пройдет времени, и Ниязов соблаговолит досрочно объявить амнистию или помилование. Да, это возможно, если “виновные” униженно попросят “великого сердара” смилостивиться. Как это случилось с Айли Мередовым, бывшим руководителем системы образования Балканского веляята, приговоренного к пяти годам лишения свободы. Он вдоволь нахлебался тюремной баланды, пока попал под амнистию: такова была воля высочайшего, снизошедшего до “раскаявшегося смутьяна”.

Предыстория расправы над А. Мередовым началась с того, что тот не согласился с президентом, приехавшим в Небитдаг с твердым намерением освободить от занимаемой должности хякима веляята. Выступая на совещании, Мередов, выражая пожелание большинства руководителей веляята, привел убедительные доводы о нецелесообразности смены хякима, но президент, не привыкший считаться с чужим мнением, узрел в том “бунт”, покушение на свою власть. И разгневанный “вождь” в назидание непокорным снимал с постов всех — малых и больших — руководителей, не согласившихся с его действиями и осудивших самодурство деспота.

И тогда Мередов, не смирившийся с произволом, написал жалобу в ООН, изобличая президента как диктатора, грубо попирающего права человека, преследующего всякое инакомыслие. О письме стало известно Ниязову, а дальше все разворачивалось по обычному сценарию, приведшему А. Мередова в тюрьму, где ничего не стоило сломать его волю и принудить к “покаянию”.

Так уж заведено в “королевстве датском”, что всякого, кто хоть мало-мальски перечит воле “баши”, ожидают унижительнейшие испытания: одного шантажируют или, провоцируя, берут на испуг, другого без видимой причины увольняют с работы, третьего арестовывают... Для садистов все средства хороши. С теми, кто во власти Ниязова, можно расправиться под любым предлогом, ибо в его руках, кроме СМИ, огромный репрессивный аппарат, способный против всякого добыть любые “обвинения”.

В президентском арсенале немало и других способов усмирить и приручить “заблудших”. Показательна трагикомичная история, приключившаяся с доктором наук, профессором Дурдымухаммедом Нуралиевым, любившим в хмельном застолье шуточно копировать президента, сравнивая его внешний портрет и привычки с повадками фюрера Адольфа Гитлера.

Чем чаще сей ученый прикладывался к бутылке, тем злее шаржировал “вождя”. Горькие усмешки вызвала аналогия лозунга: “Халк (народ), Ватан (родина), Туркмен “баши” с гитлеровским: “Один народ, один рейх, один фюрер”. О пьяных кривляньях дошло до высочайшего слуха. И чтобы их пресечь, профессора спровоцировали на его слабости — “взятке” стоимостью в один ящик водки, преподнесенный его аспирантом в качестве подарка, обернувшегося для злосчастного любителя алкоголя “уголовным делом”.

Д. Нуралиева осудили на пять лет, но спустя немногим более полугода, разумеется, после “покаянных” писем в адрес президента, профессора освободили и даже восстановили на прежней должности. И отнюдь не случайно...

В этой печальной истории все, как в классической мелодраме: несправедливость, жестокость, слезы, милосердие, раскаяние и “счастливый” конец, которым довольны обе стороны. И. Д. Нуралиев, освободившись из-под стражи, благодарный высокому благодетелю, пишет о нем серию медоточивых статей и очерков, и польщенный президент, счастливый, что его “уроки” пошли впрок, награждает законопослушного профессора крупной денежной премией — в три тысячи долларов США.

Финал у трагикомедии — “счастливая” развязка. Но торжествуют не справедливость, честность, порядочность, а ханжество, лицемерие и предательство.

Мой ашхабадский приятель, медик по образованию, исследователь в области физики психических процессов, долго служивший в правоохранительных органах, занимавшийся проблемами борьбы с наркоманией и диагностикой аномальных состояний человека, сокрушался, что поведение Ниязова располагает к невеселым размышлениям.

— Его частые, почти ежедневные выступления по телевидению, — говорил он, — по которому передаются не только его многочасовые речи, но и весь ход заседания Кабинета министров, президентского Совета, прием иностранных делегаций, посещения, поездки по велаятам, этрапам, хозяйствам, где он, как правило, извергает из себя длинные монологи, дают мне, как специалисту, основание полагать, что президент часто бывает явно не в себе. Не могу категорично утверждать, что у него наркотическая, алкогольная, лекарственная или токсическая интоксикация. Чтобы не ошибиться, я должен осмотреть, побеседовать, некоторое время понаблюдать. Но убежден в одном: Ниязов, судя по его выступлениям, поведению, часто пребывает в аномальном психофизиологическом состоянии, которое зачастую вызывается приемом, употреблением соответствующих веществ на фоне общей физической усталости. Он явно перерабатывает, устает. К тому же у него большое сердце, которое не терпит всякого рода злоупотреблений.

Видно, поэтому больному президентскому воображению и чудится, что его соратники питают стремление к своему “куску пирога”, которые, получив допуск к определенной доле, могут потянуться и ко всему “пирогу”, то есть к президентскому креслу. Такие подозрения у него в свое время пали сначала на министра иностранных дел Абды Кулиева, а затем и на заместителя председателя Кабинета министров Назара Союнова, которые были вынуждены эмигрировать за границу. Из-за преследования властей Туркменистан также покинули писатели Худайберды Халпыев, Евшан Аннакурбанов, народный депутат Халмурат Союнов, бывший заместитель министра сельского хозяйства Сапармурат Ыклымов, которого в июле 1996 года ниязовские власти арестовали в Стамбуле по обвинению в хищении полутора миллионов долларов, но через полгода из-под стражи освободили в связи с недоказанностью его вины.

Спасаясь от неудовлетворенной мести президента, республику покинул один из братьев Ыклымовых — Ораз, бывший сотрудник спецслужб. Ни он, ни Сапармурат, рискуя быть арестованным, не смогли приехать в Ашхабад на похороны еще нестарого отца, скоропостижно скончавшегося от сердечного приступа. Недавно Ниязов, чтобы свести счеты с Ыклымовыми, приказал арестовать Паррахата, самого младшего брата в семье, поставив условие: тот будет сидеть в тюрьме до тех пор, пока непокорный Сапармурат, скрывающийся за рубежом, сам не сдастся туркменским властям. Уж тут-то “баши” сдержит свое слово и безвинному Паррахату “преступление” припишут. Туркменская Фемида в этом накопила богатейший опыт.

Вся беда не только в аморальности этого человека, но и в пассивном отношении к правящему режиму простых людей, которые, осуждая действия и моральные принципы “сердара”, активных мер против него пока не предпринимают. Но и сам “лидер”, вероятно, не обольщается своей популярностью в широких слоях населения. Кризис в сельском хозяйстве и промышленности не позволяет властям применить экономические меры влияния, хотя и активно предпринимаются шаги популистского свойства, и поэтому режим видит выход из тупика, делая ставку лишь на репрессивные методы — запугивание

электората. Создав мощные силовые структуры, президент широко прибегает к репрессиям, пытаясь подавить у населения недовольство, прежде всего, преследованием всех инакомыслящих, придав их действиям и выступлениям характер не политического, а уголовного преступления. А закоренелым преступникам, коррупционерам, открыто грабящим страну и ее народ, — раздолье полное.

А между тем он без умолку уверяет в своей любви к народу, к его истории и традициям, рассуждает о гордости и чести туркмен, пытается из всех сил предстать перед людьми гуманистом, миротворцем, “отцом нации”, пекущимся о будущем Туркменистана, фактически, ни в грош не ставя ни достоинство человека, ни его жизнь.

Ниязов часто пытается выдать себя за идейного борца, человека, увлеченного исторической наукой; однако у него нет никаких идей, никакой он не историк и не теоретик, хотя его облачали не в одну мантию доктора или академика, вручили с десятка полтора всяких лауреатских дипломов, знаков. Туркмены говорят: без учения стал муллой, без клеветания — вороной. В сентябре 1999 года Всемирная академия медицины наградила Ниязова Золотой звездой имени Альберта Швейцера “За выдающиеся заслуги в развитии гуманистических принципов в международных отношениях и деятельность во имя всеобщего блага людей” и одновременно присвоила титул Почетного члена Академии и звание Почетного профессора философии.

По иронии судьбы все это получил человек, предложивший отменить в медицине латынь и впредь рецепты и медицинские термины писать только по-туркменски; это он сократил свыше 9 тысяч врачей, среди коих немало опытных специалистов — доцентов, профессоров, он закрыл в республике Институт философии, оставив без работы многих ученых философов, докторов, кандидатов наук, ликвидировал темы научных исследований по истории философской мысли в Туркменистане, а в медицинском институте запретил преподавание курса философии. Это не считая того, что он приказал резко сократить количество лекционных часов по философии, читаемых в вузах страны.

Словом, президент поступил, как в той известной китайской притче, когда самодур-правитель поубивал всех мудрецов, чтобы не стало в стране дураков. Поистине, неисповедимы пути Господни!

Прибавили ли ума Ниязову ученые регалии и блеск золотых медалей? Отнюдь. С ними или без них, не обладает он ни красноречием Цицерона, ни мудростью аль Фараби, ни искусством врачевания Ибн Сины.

“ТУРКМЕНСКАЯ МОДЕЛЬ” В ДЕЙСТВИИ

Туркменистан, пожалуй, самая закрытая из стран СНГ. Хотя железные дороги связывают его со всеми республиками бывшего Советского Союза, почтово-пассажирское сообщение с ними прервано с объявлением независимости. С каждым годом сокращается сеть авиалиний, связывающих республику с соседями, а с июня 1999 года введен визовый въезд в страну.

Здесь нет открыто действующих правозащитных и оппозиционных групп, независимых изданий, международное телевизионное вещание разрешено лишь одной московской программе ОРТ и то во время, ограниченное с 18 до 23 часов. При этом телевидение нередко подвергается строгой цензуре: “нежелательные” передачи заменяются рекламой или музыкальными клипами. СМИ запрещено печатание программ спутникового телевидения. Программа туркменского телевидения, почти прекратившего русские передачи, еженедельно публикуется в единственной газете, выходящей на русском языке, но... по-туркменски.

Правда, в вечерние часы на Туркменистан вещает одна из программ турецкого телевидения, но и она регламентирована несколькими часами, однако ее передачи, в отличие от московских, цензуре не подвергаются.

Во взаимоотношениях со СМИ Турции есть прогресс. В Ашхабаде выходит турецкая газета “Заман”, в городах и селах Туркменистана широко распространяются календари, буклеты, журналы, книги, брошюры, пропагандирующие “модель туркменского общества” и турецкий образ жизни.

В июле 1999 г. Центрально-азиатское бюро Турецкой телерадиокомпании (ТРТ), располагающее семью вещательными каналами, получило в Ашхабаде официальную аккредитацию, а ее представителю господину Мехмет Али Озполату президент Туркменистана лично вручил медаль “За любовь к Отечеству”. Но зато аккредитации лишены корреспонденты московской телекомпании ОРТ, российских газет “Известия”, “Правда”, “Комсомольская правда”.

В СМИ объективная информация о ситуации в Туркменистане появляется очень редко, если что-то и печатается, то весьма однобоко. Местные журналисты почти не имеют доступа к таким средствам коммуникации, как факс или электронная почта, а за передачу за рубеж объективной информации негативного характера туркменские граждане рискуют угодить за решетку. Показателен случай с писателем и журналистом Евшаном Аннакурбановым, который, имея на квартире компьютер и факс, передавал туркменской радиослужбе “Азатлык”, а также в Москву материалы правозащитного характера, за что был арестован органами КНБ, подвергался побоям и издевательствам. Постоянно преследуемый туркменскими властями, он, как уже говорилось, был вынужден эмигрировать за границу.

На моей памяти давний рассказ народного писателя Туркменистана Рахима Эсенова, некогда восторгалшегося Ниязовым, который даже будучи первым секретарем ЦК Компартии Туркменистана, осуждал доноительство, провокации, и другие недозволенные методы, покушавшиеся на честь и достоинство человека. Кажется в начале 90-х годов XX столетия, перед очередным съездом писателей Туркменистана, призванном решить организационные вопросы, когда речь зашла о будущем председателе правления Союза, Рахим Эсенов предложил кандидатуру Аннагулы Нурмамедова, молодого, энергичного, подающего надежды писателя. Услышав его имя, Ниязов категорически возразил, дескать, какой он “писатель, он — осведомитель КГБ!”

Эсенов, чувствуя неловкость положения, ибо при разговоре присутствовало еще несколько человек, пытался сгладить услышанное, несколько обеляя своего коллегу, мол, возможно, первого секретаря ЦК неправильно проинформировали, ввели в заблуждение или умышленно оговорили, оклеветали честного человека.

— Ничего подобного, — уверенно заявил Сапар Атаевич, — это информация из первых рук, самого председателя КГБ генерала Петра Михайловича Архипова. Нурмамедов Аннагулы, еще в бытность студентом журфака Ленинградского университета, был завербован в осведомители и уже тогда “стучал” на своих товарищей, среди которых было немало из Туркменистана. Нельзя такого низкого, подлого человека ставить руководителем писательской организации, — решительно заключил Ниязов.

Однако стоило Ниязову стать президентом, как он изменил свое отношение к таким, как Нурмамедов, вероятно, узрев в них опору своей власти. Или, сей, с позволения сказать, писатель

оказал “баши” неоценимые услуги, что тот на все сто восемьдесят градусов изменил свое отношение к тем, кем до недавнего времени брезговал? А возможно, что Ниязов и здесь был неискренен и, как всегда, вел двойную игру?

А. Нурмамедов в накладе не остался. Из президентских рук на него щедро посыпались звания, награды, его даже назначили советником посольства в Турции, по сути, вторым человеком после Чрезвычайного и полномочного посла, который, говорят, наслышанный о своем заместителе, немало его опасается. Посла понять можно: иметь под боком такого работника равносильно тому, что носить за пазухой гремучую змею. Тем более за рубежом.

К сожалению, наушничество, доносительство, ныне поощряемые самим Ниязовым, — не последняя спица в государственной колеснице, несущей Туркменистан к пропасти. Чуждые человеческой морали проявления души соответствуют туркменской “модели”, их пробуждает и на них широко опирается политическая система, проводящая антинародную политику, отражающую интересы узкого круга лиц во главе с президентом. После распада СССР туркменские власти, и ранее не отличавшиеся особым демократизмом, создали в стране беспрецедентную обстановку страха, гонения и преследования здоровых сил общества.

Стоило директору Института философии, доктору наук Н. Байрамсахатову осудить диктаторские замашки президента, взявшего на себя роль гонителя науки, как ученого не замедлили вызвать на очную ставку с доносчиком. Постыдную роль в том сыграл заместитель председателя Кабинета министров О. Айдогдыев, устроивший ученому унижительный разнос. Вскоре Институт философии было решено расформировать, а директора из науки выгнать, хотя ему до пенсии оставалось немногим более полугода. Н. Байрамсахатов не вынес подобного измывательства и скоропостижно скончался от сердечного удара.

В республике нашумело “уголовное дело” подполковника милиции, начальника штаба милицейского училища К. Аймамедова и И. Губаева, арестованных за “крамольные” разговоры о президенте. На досуге, в сауне они в присутствии третьего лица Байрама Дурдыева, бывшего работника правоохранительных органов, поделились наболевшим, говорили о нищенском существовании народа, особенно на селе, об анекдотичном поведении президента, чей выборный срок уже вышел и, дескать, пора выбирать нового. Весь этот разговор третий участник тайком записал на пленку и отнес в КНБ.

К. Аймамедова и И. Губаева суд приговорил к различным срокам лишения свободы. А брат и две сестры К. Аймамедова, работавшие в правоохранительных органах, были уволены или понижены в должностях.

Президент, опасаясь возможного заговора против его персоны, готов на любые незаконные действия против инакомыслящих. Не прочь он и спровоцировать различного рода антиправительственные акции, чтобы развязать руки карательным органам и обезглавить разворачивающееся оппозиционное движение. Не случайно лидер Всетуркменской оппозиции, экс-министр Абды Кулиев, которому было предложено возглавить демонстрацию “12 июля”, отказался, подозревая в том происки спецслужб. Не исключено, что органам сыска, проведавшим о готовящемся массовом выступлении ашхабадцев, удалось внедрить в среду организаторов демонстрации своих осведомителей. Как объяснить, что Абдурахман Нурлыев на машине Ч. Гурова, по поручению Г. Аннаниязова вместе с Амандурдыевым, ездил в Теджан, Бабадайхан, Бахарден, в поселок Яшлык и в другие места, призывая людей участвовать в выступлении 12 июля, но на суде над демонстрантами сей “организатор” держал речь в качестве... главного свидетеля обвинения. Разве не вызывает удивления, что А. Нурлыева не привлекли к уголовной ответственности, хотя он активно участвовал в подготовке и проведении демонстрации, где шел в ее первых рядах, выкрикивая антиправительственные лозунги. В приговоре Верховного суда от 14 января 1996 года упомянуты многие имена, причастные к организации и проведению демонстрации, но их не только не осудили, но даже не привлекли к суду. (Подробнее о событиях “12 июля” будет сказано ниже.)

Много “темных пятен” и в истории, связанной с Абды Кулиевым, Мурадом Эсеновым и Халмурадом Союновым, которым пытались инкриминировать организацию покушения на президента... Некий Юсуп Кулиев каким-то образом добывает план системы организации охраны президента и пересылает его письмом М. Эсенову, находящемуся в Москве. А тут, будто того и ждали, на Эсенова нападают неизвестные и “компрометирующие материалы” оказываются в контрразведке КНБ Туркменистана. Вон как лихо работают бывшие чекисты!

Белыми нитками шита провокация с “побегом” Мухаметкули Аймурадова в компании с

двумя наркоторговцами, сидевшими с ним в одной камере СИЗО КНБ. Даже самый наивный простак не поверит тому, что из внутренней тюрьмы могут убежать заключенные, если перед ними не открыты многочисленные двери и стальные засовы.

Президент, чтобы прослыть либералом, эдаким показным жестом наложил мораторий на смертную казнь. Но избранные им жертвы, в которых он единожды заподозрил смертных врагов, из цепких лап своих живыми не выпускает. Так произошло с Ч. Гуровым: специальные костоломы забили его до смерти, а Хошали Гараева и Мухаметкули Аймурадова осудили на длительные сроки заключения по обвинению в “подготовке теракта против высших должностных лиц Туркменистана”.

Вот что об этом написал московский еженедельник “Экспресс-хроника” в своем номере от 20 сентября 1999 года:

“В Красноводской тюрьме 9 сентября при невыясненных обстоятельствах погиб 37-летний политзаключенный Хошали Гараев. По официальной версии после драки в тюремной камере его перевели в “одиночку”, где он повесился. Однако представители туркменской оппозиции и международных правозащитных организаций не исключают, что Гараева задушили в камере сотрудники тюрьмы по приказу из Ашхабада. Родственники погибшего заявляют, что в письме, полученном за несколько дней до смерти, Гараев оптимистично уверял родных, что в 2000 году вернется. Родственникам отказали в выдаче свидетельства о смерти, не разрешили осмотреть тело и произвести вскрытие.

Х. Гараева (гражданина России) и М. Аймурадова (гражданина Туркменистана, проживавшего в Москве) задержали в Ташкенте 28 октября 1994 года. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Туркменистана, признав Гараева и Аймурадова виновными в соучастии в подготовке теракта против высших должностных лиц Туркменистана и антигосударственной деятельности, приговорила первого к 12, второго — к 15 годам лишения свободы в колонии строгого режима. (В 1998 году сроки Гараева и Аймурадова увеличились до 18 лет: их обвинили в попытке побега. Избежать смертного приговора политзаключенным удалось тогда благодаря вмешательству международных организаций).

Инкриминируемые Гараеву и Аймурадову действия совершились по месту постоянного проживания — в России, поэтому расследование относилось исключительно к юрисдикции российских властей. Более того, расследовав весной 1994 года обвинение в вымогательстве, якобы совершенное в Москве российскими гражданами Гараевым и Кулиевым, правоохранительные органы России не нашли состава преступления.

“Дело Гараева и Аймурадова” сразу привлекло внимание широкой общественности, поскольку было первым масштабным политически мотивированным уголовным делом, сфабрикованным Комитетом национальной безопасности после обретения Туркменистаном независимости. В качестве возможных соучастников Гараева и Аймурадова в “Деле № 628” с первых дней фигурировали известные деятели туркменской оппозиции, проживавшие как в Туркмении, так и за рубежом. Кроме того, власти впервые обвинили оппозицию в попытке вооруженного захвата власти.

По мнению правозащитников, трагическую роль в судьбе Гараева сыграло то, что посольство России в Туркменистане в прошлом году фактически отказалось от его защиты, неожиданно заявив о “недопустимости вмешательства” в уголовное судопроизводство другой страны.

Не эту ли изуверскую “модель туркменского общества” президент пытается выдать за “демократическую”, демагогически призывая “не только изучать, но и пропагандировать в мире”, чтобы “глубже понять ее “принципы””. И здесь Ниязов верен себе: призывает возносить то, чего нет, выдавать черное за белое, то есть ложь — за правду, мизантропию — за гуманизм. В устах “баши” слова лишь сотрясают воздух, отравляя его миазмами фарисейства и безнравственности.

МАШИНА УСТРАШЕНИЯ

...В жаркий летний день тюремная машина держала путь из Чарджоу в Керки. Она развозила арестованных по этрапским судам, расположенным в Амударьинской долине. В невыносимо душной камере “черного ворона”, вмещающей не более десяти-двенадцати человек, тюремщики умудрились набить двадцать восемь заключенных.

Дорога дальняя — почти двести километров. В уютном оазисе Бегмурада-косе утомившийся конвой сделал привал, чтобы передохнуть, закутить... Отдых, сдобренный бутылкой-другой водки, видимо, затянулся. А узники, задыхаясь в закупоренной машине, стали стучать, требуя воды и поскорее отправляться дальше в путь.

Стража, возмущенная “наглостью” заключенных, в наказание закрыла единственное зарешеченное оконце камеры, куда и без того скупно поступал воздух. И когда автомобиль наконец добрался до пункта остановки, то из него вытащили восемь бездыханных тел, а оставшихся в живых, едва отходили. Среди погибших оказался и безвинный подросток, задержанный по ошибке.

Это трагическое происшествие постарались скрыть, замолчать. Никто из виновных в смерти людей никакой ответственности не понес. Наоборот, после этого случая министра внутренних дел Курбанмухамеда Касымова выдвинули министром обороны Туркменистана. Ныне он занимает пост министра юстиции. Видимо, учли его богатый опыт в нарушении законов.

Подтверждением тому — 12 июля 1995 года. Эта кровавая дата вошла в историю страны как одна из самых мрачных ее страниц, написанных безжалостной рукой диктатора.

В тот день сотни и сотни молодых людей, старых и малых, вышли на улицы Ашхабада. Потянулся народ и из окрестных сел и близлежащих к городу поселков. Празднично одетые, они шли к центру столицы, к правительственной трибуне, находившейся по соседству с американским посольством, чтобы спросить президента, почему власти ущемляют граждан в правах, предоставленных им Конституцией. Шагавшие в колоннах демонстранты, писатели и журналисты, шли с самыми мирными намерениями, сказать во всеуслышание: при новом режиме стало гораздо хуже, народ недоволен политикой правительства, а это ослабляет независимое туркменское государство. Этими факторами определялось отношение народа к властям и в частности тех, кто искренне надеялся, что их выслушают и поймут.

Как говорится, до Бога высоко, до царя далеко. Президент не пожелал слушать демонстрантов, этих смутьянов и бунтовщиков, бросил против них силы ОМОНа, внутренних войск, одетых в штатское сотрудников МВД, КНБ. Одних силой, других обманом завлекали в подвалы карательных органов, где их нещадно избивали и пытали. Десятки юношей были зверски искалечены, а остальных оштрафовали, уволили с работы, осудили на долгие сроки. У “сердара” нет своей Сибири, иначе бы многим не миновать каторги. Но арестованным и без того создали условия похуже каторжных.

В январе 1996 года Верховный суд вынес приговор 25-ти активным участникам и организаторам демонстрации “12 июля”. Г. Аннаниязов, признанный лидер и организатор демонстрации, был приговорен к 15-ти годам, Ч. Гуров — к 10-ти годам лишения свободы.

Не помиловали, конечно, и остальных.

Президент настаивал применить ко многим высшую меру наказания, но среди работников карательных органов, вероятно, нашлась трезвая голова, осмелившаяся возразить Ниязову, что за политическое “преступление” не казнят и, если даже переквалифицировать статьи и расстрелять “преступников”, то как расценит сей акт мировая общественность, тем более президент собирался с визитом в США и мечтал быть принятым Биллом Клинтонем.

И Ниязов, как ни удивительно, отступил, возможно, его успокоили тем, что с его “врагами” можно расправиться и без суда, и без лишнего шума, не привлекая внимания международных правозащитных организаций и зарубежных СМИ, которые и без того много писали о грубейших фактах нарушений прав человека в Туркменистане.

Большинство участников “12 июля” перевели в тюрьму города Туркменбаши (бывший Красноводск), отличавшуюся более суровыми условиями, нежели ашхабадский СИЗО, чтобы медленно, но верно всех известить. Не мытьем, так катаньем. Главное — подальше смутьянов от родного дома, от туркменской столицы, где немало иностранных посольств, международных

организаций.

Оппозиционно настроенный работник правоохранительных органов Туркменистана в один из своих приездов в Москву рассказывал своим друзьям, что в красноводскую тюрьму регулярно командированы сотрудники ОМОНа, которые жестоко и методично избивают Г. Аннаниязова, Ч. Гурова, Х. Амандурдыева, К. Назарова...

Ч. Гурову при очередной экзекуции выбили глаза. Тюремная охрана в зимнее время специально поливала в камерах полы, Х. Амандурдыева не кормили в течение 15 суток, давая ему лишь воду и сигареты.

Разумеется, подобные бесчеловечные условия резко ухудшили здоровье заключенных. Особенно вызвало тревогу состояние Г. Аннаниязова, которого врачи рекомендовали перевести в тюремную больницу города Мары. Когда министру внутренних дел Касымову представили врачебное заключение на перевод, то главный костолом республики отказал подписать документы: “Вы что, с ума сошли?! — взъярился он на подчиненных. — Если в стране произойдет переворот, Аннаниязов сядет на мое место и всех нас расстреляет...”

Значит, есть за что? Знает кошка, чье мясо съела!

В январе 1998 года родственникам стало известно о гибели в тюрьме Ч. Гурова: сотрудники, то бишь экзекуторы МВД, забили его до смерти, но тело не выдавали до тех пор, пока не заплатили тюремной охране 300 американских долларов.

Факт зверского убийства политического заключенного вызвал за рубежом новую волну протестов. А в Туркменистане — молчок, люди словно языки проглотили. Молчит и интеллигенция, будто в рот воды набрала... “А небом избранный певец молчит, потупив очи долу”.

Молчат все, хотя и знают о драконовских порядках, царящих в туркменских тюрьмах и других местах лишения свободы. Летом, когда термометр показывает выше сорока градусов по Цельсию, в душных, битком набитых людьми камерах СИЗО, им, в буквальном смысле этого слова, приходится покупать у стражников... воздух. Лишь получив воздаяние, мздоимцы-изуверы позволяют проверить камеру, открыть окна. Эти садисты готовы содрать с живого и мертвого кожу, могут за плату пронести в камеру деньги, водку и даже наркотики.

На тюремной кормежке долго не проживешь, ноги быстро протянешь. И передачами с “воли” не напасешься: за каждое разрешение установлена такса — 150 тысяч манатов. Да и с самой передачи тюремщики взимают оброк. Из переданных продуктов до заключенного едва-едва доходит часть. Хорошо, если получит хоть сколько.

Тюремный режим Ниязову, видимо, настолько по душе, что он обязал Министерство образования ввести в практику “системы воспитания” массовые экскурсии учащихся и студентов в места заключения. Сказано — сделано. В школах, в высшие учебных заведениях составлены графики посещения местных тюрем, колоний, СИЗО. На ребят, уже побывавших там, по отзывам родителей и учителей, подобные экскурсии произвели ужасающее впечатление, иные дети теряли сознание, по ночам их мучили кошмары.

— График посещения СИЗО я держу в строгом секрете, — рассказывал одной родительнице директор светской средней школы. — Боюсь, что взрослые уговорят кого-либо из учеников пронести в тюрьму что-то запретное... Страшусь, что после такого преступления ученик там и останется. Правда, подобная система, с позволения сказать, воспитания у многих старшеклассников вызывает чувство протеста, а у иных порождает даже страх.

Это-то и есть вожделенная цель диктатора: утратить каждого. И машина устрашения в Туркменистане продолжает свое черное дело.

В апреле 1998 года президент Туркменистана в ходе своего визита в США объявил об освобождении всех осужденных, участвовавших в демонстрации “12 июля”, кроме ее организатора Гулгельды Аннаниязова, все еще томившегося в тюрьме приморского города. В стране, как всегда, тишь да гладь... Общественность обо всем пребывала в полном неведении, туркменские СМИ хранили молчание, ждали команды президента, а она так и не поступила. Почему?

С визитом Ниязова в Америку совпал приезд в Туркменистан экс-министра иностранных дел Абды Кулиева с супругой. Кстати, в республике все еще действовал безвизовый режим, который ввели позже.

17 апреля в Ашхабадском аэропорту яблоку негде было упасть. Абды Овезовича Кулиева, пользующегося в народе популярностью, жаждали увидеть не только близкие, родственники и друзья, но и представители туркменской интеллигенции, члены ушедшей в подполье “Агзыбирлика”,

писатели, журналисты, художники, учителя, бывшие сослуживцы, знакомые, среди которых было немало оппозиционно настроенных по отношению к властям или просто сочувствующих экс-министру. “Незваного гостя” встречали и силы ОМОН, сотрудники КНБ и МВД. Они перехватили А. Кулиева и его супругу у трапа самолета и, не дав им возможности сделать и шага по родной земле, задержали и доставили в здание КНБ.

В ход, как обычно, пошла дезинформация: распространился слух, что Кулиевы в Ашхабад вовсе не приезжали. Обеспокоенным родственникам, метавшимся в неведении между приемными правительства и КНБ, официально отвечали: “информацией о Кулиевых не располагаем”. Туркменские власти проявили беспардонное насилие по отношению к супругам Кулиевым и неуклюже пытались это скрыть. Говорят, сев на верблюда, за седло не спрячешься. Абды Кулиева узнали работники аэропорта, аэродромной службы и сообщили волновавшимся встречавшим.

Кулиевых в ту ночь допросили и о результатах немедленно доложили Ниязову, который на следующее утро собирался вылететь в США. В тот же вечер туркменская радиостанция “Свобода” передала из Праги сообщение об аресте экс-министра и его супруги. 18 апреля оконфузившиеся власти были вынуждены признать неопровержимый факт вопиющего беззакония.

А. О. Кулиева поместили в пустую камеру СИЗО, а через несколько часов к нему подселили 35-летнего азербайджанца, “находящегося под следствием”, возможно, провокатора или же для устрашения. Жену Кулиева освободили, но за ней установили открытую слежку.

Шила в мешке не утаишь. На следующий день многие информационные агентства мира передали сообщения о незаконном аресте Абды Кулиева. В США этот беспрецедентный акт произвола туркменских властей вызвал бурную реакцию. Президента Туркменистана буквально атаковали журналисты, задававшие вопросы о причинах репрессивных акций в Ашхабаде. Известный американский правозащитник, как сообщило одно московское издание, охарактеризовал действия Ниязова “как плевок в лицо Соединенным Штатам”. Туркменским властям дипломатическую ноту протеста направило и российское посольство: Абды Кулиев и его супруга Татьяна являются гражданами Российской Федерации.

Ниязов был расстроен, и, пытаясь поднять свой имидж в глазах американской общественности, 23 апреля публично заявил, что... ничего не знал об аресте в Ашхабаде. Словом, оконфузился президент и снова на вранье, ибо его заявление произвело обратное впечатление. Вероятно, подумал, что перед ним легковверные туркмены, коих обмануть запросто, и лгал по привычке.

Президент в тот же день дал указание председателю КНБ срочно освободить арестованного диссидента. А между тем оперативные работники КНБ, действовавшие по сценарию, начертанному “башой”, пытаясь запугать А. Кулиева, не торопились с его освобождением, устроив ему очную ставку с Г. Аннаниязовым. Встреча с лидером “12 июля” произвела на Кулиева “ужасное впечатление”.

— Три года назад, — рассказывал Абды Овезович, — Гулгельды был здоровым, красивым, атлетического телосложения парнем. Сейчас он выглядел пожилым человеком, еле передвигался, с трудом разговаривал... Но держался он мужественно и просил меня лишь об одном: “Помогите мне умереть на свободе”.

Не ради спортивного интереса А. Кулиеву устроили очную ставку с узниками ниязовского режима. Демонстрируя ему СИЗО, искалеченных и физически сломленных демонстрантов, власти надеялись не только заронить в сердце борца смятение, зародить неуверенность в продолжение оппозиционной деятельности, но и утратить его. К этому отрететированному методу карательные органы Туркменистана прибегли и по отношению к Ата Чарыеву, бывшему заместителю председателя Совета Министров Туркменистана, осмелившемуся выступить по радио “Азатлык”, которое у ниязовских властей находится под запретом и считается крамольным. В Москву и даже в дальнее зарубежье, где живут туркменские эмигранты, дошли слухи, что Чарыева также, как и Кулиева, в качестве “экскурсанта” водили по СИЗО, показывая одиночные камеры, арестованных, которые у него, разумеется, особого восхищения не вызвали: “Ведь у вас, кажется, семья, дети, — не без издевки говорили ему высшие чиновники КНБ, — подумайте...”

Велико было искушение туркменских властей не выпускать из своих лап А. Кулиева: уж слишком крупная попала “дичь”. И не освободили бы, не испугайся они народного волнения, осуждения международной общественности, заклеившей противоправные действия туркменского диктатора.

В 10 часов вечера Абды Кулиева выпустили из тюремной камеры, предварительно взяв подписку о невыезде. Узнав, что Абды Овезович на свободе, народ валом повалил к нему домой, чтобы увидеть своего защитника, пожать его мужественную руку, поздравить с приездом в родные края, столь негостеприимно его встретившие.

Но не тут-то было: власти оцепили квартал, где проживали Кулиевы, внутренними войсками, силами ОМОН и сотрудниками спецслужб. Скрытой камерой фотографировали всех, кто пришел сюда. Стражники вначале попытались задерживать и не пропускать проходящих, но, видя людское возмущение, изменили свое решение, позволив проходить лишь по предъявлению паспорта. Карательным органом было важно знать всех, кто лояльно относится к оппозиционеру.

Супруги Кулиевы намеревались погостить у родных, которых они долго не видели, еще некоторое время. Однако в среду утром 22 апреля Кулиевы, по настоянию туркменских властей и российского посольства в Ашхабаде, вылетели в Москву. На следующий день Ниязов под давлением американской общественности объявил об освобождении большинства политических заключенных, но это не помешало ему, как передала радиостанция “Свобода”, заявить в Вашингтоне, что Абды Кулиев — “террорист”, связанный с подпольными структурами российских спецслужб и уголовным миром.

Одна ложь рождает другую. 2 мая 1998 года председатель КНБ Туркменистана М. Назаров, выступая по телевидению, заявил, будто Абды Кулиев тайно бежал из Ашхабада, нарушив подписку о невыезде. Эту выдумку хором повторили генеральный прокурор и министр внутренних дел, также выступившие по телевидению в начале июня того же года. Если и представить, что он “бежал”, то грош цена стражнику, упустившему такого крупного “преступника” и “российского шпиона”.

Досаду туркменских властей понять можно: план сломить непокорного лидера оппозиции, много знающего о грехах президента, явно провалился. Не исключено, что “сердар” намеревался жестоко расправиться с ним, как поступил с таким же непокорным Хошали Гараевым, будто повесившимся в Красноводской тюрьме. А ведь накануне убийства Гараева президент, выступая со своей предвыборной программой, пообещал, что освободит из тюрьмы всех оставшихся политических заключенных. Если Ниязов дал слово, значит, жди подвоха: поступит наоборот.

Так случилось и в истории с Аймуратом Нурыевым, родственники которого прознав, что президент грозит ему расстрелом (еще не закончилось следствие, не было даже суда), пошли к президентскому дворцу и незаметно от наружной охраны дождались появления Ниязова. Чуть ли не бросившись под колеса блестящего лимузина, жена, дети, сестра Аймурата пали на колени перед Ниязовым: “Ради Аллаха, не расстреливайте нашего Аймурата! — умоляли они со слезами на глазах. — Осудите пожизненно, но сохраните ему жизнь...”

Президент погладил детей по головкам, а жене Аймурата, улыбнувшись, сказал: “Не волнуйся, сестренка, никто Аймурата не расстреляет. Идите домой, успокойтесь...”

Через день другой труп расстрелянного Аймурата Нарыева демонстрировали по национальному телевидению.

Чудовищны сказанные им однажды слова: “Я не возгоржусь никогда и не позволю возгордиться другим”. Случилось это или нет — судить людям. “Единство держится на пяти столпах — преданности, терпеливости, активности, скромности, вдохновения”.

Эти качества “баши” жаждет видеть в каждом своем подданном, считая их залогом устойчивости своей власти. Их он, конечно, истолковывает по-своему, в меру собственной извращенности.

Преданность по-ниязовски — это угадывать все желания “сердара”, потрафлять его любым действиям, соглашаться с ним во всем. Это терпеливо сносить его произвол, злодеяния и “нововведения”, выражающие интересы президента и его близкого окружения; доносить на своих ближних, на всех, кто не одобряет политику и поведение Ниязова и послушного ему правительства. В его понимании, быть продажным в пользу “вождя” — престижно и выгодно. Ниязов считает, что скромность — в молчании о своих бедах, нищете народа. Главное — не роптать и, даже умирая от голода, повторять вслед за президентом его любимые слова: “Мы живем хорошо, счастливо, не то, что при Советах...”, ибо о нас денно и ночью думает сам “сердар”. Ложь — не порок, быть лживым, опять-таки ради выгоды “баши” — значит играть важную роль в его политике; вдохновение — ревностно любить президента, в один голос петь ему дифирамбы, посвящать стихи, поэмы, пьесы, повести и романы. Пылкие одописцы своим неумным вдохновением так должны заражать собственных жен, чтобы любимый президент снился им во сне эдаким страстным юношей, как это

случилось с поэтессой Биби Ораздурдыевой, супругой народного писателя Атамурада Атабаева, о чем тот сам, в многолюдье, задыхаясь от умиления, поведал Ниязову.

Как тут не вспомнить полуанекдотическую бль, услышанную в стенах туркменского посольства в Москве, из уст бывшего сотрудника президентского Совета.

У одного туркмена, приехавшего за рубеж, спрашивают: “Что за народ — туркмены?” — “Дружный”. — “В чем это проявляется, если терпят над собой такого узурпатора?” — “Но зато все его дружно ненавидят”.

То, что его долго терпят — тема особого разговора. А вот ненависть народа к “сердару” вполне обоснованна и, пожалуй, есть за что. За то, что возвысил меч над пером и ложь над правдой, ибо в удушающей атмосфере страны быть честным да еще говорить правду миллионам слушателей и читателей — смертельно опасно.

Тоталитаризм в Туркменистане воцарился в его самой худшей, уродливой форме — азиатской. Он питает механизм машины устрашения, чтобы она могла обильно пожинать “плоды” на ниве человеческих жизней.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

На Востоке Туркменистан называют Абсурдистаном. На Западе эту страну окрестили “Королевством кривых зеркал”, а сами жители прозвали ее “Театром одного актера”. Называют с горечью, с болью в сердце, связывая этого “актера” с именем “баши”, окруженного “жадной толпой, стоящей у трона”.

Разумеется, вся беда в нем: рыба с головы портится. Не безгрешен и народ, достойный своего правителя. Невольно напрашивается перифраз: “Мы имеем тот балаган, то бишь театр, и того маскарабаза-шута, то есть актера, которого заслужили”.

ТЕАТР ОДНОГО АКТЕРА

В этот раз артистичностью Ниязов “блеснул” перед театральными деятелями. 12 апреля 1999 года на сцене Академического театра туркменской драмы имени Молланепеса, хотя едва миновал месяц, как он выступал перед творческими работниками. Но то была репетиция, а на сей раз как бы премьера.

Слушатели, стойчески перенесшие оба его представления, утверждают, что последнее им показалось “ярче”, чувствовалось, президент к нему подготовился основательно. Правда, не без сбоев и немислимых курьезов. С кем не бывает? И на старуху находит проруха.

Телезрители лицезрели его на голубом экране. На подмостки театра он вышел не один, за спиной висел его большой портрет, а в уголке телевизора, как всегда, мельтешил силуэт “баши” — постоянная эмблема Туркменского телевидения. Так что здесь он был един в трех лицах, хотя в жизни обличий у него великое множество.

Своим поведением, манерами, походкой, даже деланным смехом он напоминал провинциального трагикомического актера, привычно играющего героя на сцене, злодея — в жизни.

Чтобы раскусить “баши” его нужно слышать и видеть. Не надо быть, конечно, семи пядей во лбу, чтобы понять убогость пигмея мысли, ибо его неуклюжие намеки более, чем прозрачны, шутки скабрзны, как анекдоты немецких солдат, а улыбки каверзны. Ему ничего не стоит высмеять, оскорбить, унижить человеческое достоинство всех и каждого. Таким он чаще всего предстает перед миллионной аудиторией своих верноподданных — телезрителей и радиослушателей. Написал “миллионной” и... засомневался, ибо в последнее время люди перестали его смотреть и слушать, отдавая предпочтение телепередачам по спутниковой антенне или передачам радиостанций “Азатлык”, “Маяк”, “Немецкой волне”...

Каждый телефарс президента непременно затем публикуется газетами.

На русском языке они выходят приглаженными, как правило, основательно отредактированными, зачастую в корне переделанными и даже дописанными спичрайтерами. На поправку текста уходит порой 15-20 дней. Ведь “Нейтральный Туркменистан” — единственная в стране русскоязычная газета, отправляемая с речами президента во многие зарубежные страны, и, вероятно, неудобно представлять главу государства, изрекающего, мягко говоря, несуразное, а порою абсурдное. Потому и доводятся все его речи до кондиции.

Ну, а кому на досуге хочется посмеяться или еще раз убедиться в невежественности “баши”, тот приникает к голубому экрану или просматривает газеты с его речами на туркменском языке. Для юмориста или сатирика ниязовские даже самые мрачные перлы — благодатный материал. Прочтя или прослушав президента, он обхохочется, серьезный же человек или доброжелатель тихо подосадует, а более впечатлительный — схватится за сердце...

Помимо того, что мне приходится просматривать видеозаписи почти всех телевизионных “шоу” с участием “баши”, а также читать их в газетах, я, при встрече с ашхабадцами или с работниками туркменского посольства за рубежом, проверяю свои впечатления от увиденного или прочитанного. Судите сами.

Что вы подумаете о человеке, незнакомом с вождением самолета, но самоуверенно советуящему летчику, как, к примеру посадить лайнер или поднять его в воздух. Здравый рассудком, пожалуй, на подобное не решится.

А вот Ниязов, возможно, на такое смог бы отважиться, если битый час советовал сидящим в зале творческим работникам, как писать оперу, балет, музыку, напрочь отвергая литературную и театральную критику лишь потому, что этот жанр “порожден советской эпохой... и критика... только

мешает работе”. Видимо, в критике ему чудился голос политических оппозиционеров.

И он пускался в рассуждения об итальянской опере и опере вообще. “Зачем она? — с таким вопросом он обращался к собравшимся, но зал выразительно хранил молчание. — Туркмены на оперу не ходят, они ее не понимают”, а потому, мол, нечего ее слушать, только время терять.

— Работая в Москве, — продолжал он, — приходилось ходить в Большой театр. Слушал “Бориса Годунова”, смотрел “Спартака”, они меня не волновали, я не воспринимаю такую музыку. Спрашивается, зачем петь, зачем кричать (смеется), когда эти же слова можно произнести нормально, разговорной речью... Если я сейчас запою арию из “Травиаты”, туркмен ее не поймет, — и он то ли хихикнул, то ли попытался что-то спеть, но зал внешне никак не проигнорировал, видимо, был шокирован его примитивными суждениями. Оказывается, “король-то голый!”

Вспомнилась была не столь давней поры. В туркменской госфилармонии на концерте вместе с зарубежными гостями присутствовал и секретарь ЦК. В антракте партийный лидер, стремясь подчеркнуть перед иностранцами рост туркменской культуры, не преминул сделать замечание:

— Нашим гостям очень понравился... как это называется?... — запнулся он, оглядываясь по сторонам.

— Секстет! — подсказал помощник.

— Да, секс-тет. Но я хочу покритиковать министерство культуры. Что, у нас талантов мало?! К следующему концерту наберите в этот самый... секс-тет двадцать, сорок, можно и шестьдесят человек.

Я далек от мысли ставить на одну доску секретаря тоталитарной поры и президента эпохи “демократизма”: первый институт не заканчивал, лауреатскими дипломами и академическими титулами не удостаивался, а второй все-таки в первопрестольной учился, в белокаменной трудился, какими только дипломами не награжден и женат не на “дикий” туркменке, купленной за калым, а на европейке, у которой, говорят, оба родителя — юристы. Иные удивлялись, что он без запинки называл спектакли, шедшие в советские времена на туркменской сцене.

Верно подмечено, чувствовалось, к встрече Ниязов подготовился основательно, вызубрив материалы, представленные министерством культуры, что с ним редко случается. А вот именами авторов пьес то ли пренебрег, то ли не запомнил. Скорее и то и другое. Даже не упомянул ни одного творческого коллектива, чьи работы обошли театральные подмостки и экраны бывших советских республик, Москвы, а также зарубежных стран. На туркменской сцене, на той самой, на которой несколько часов паясничал теперь “лидер” нации, были поставлены шедевры мировой классики, освоены достижения мирового оперно-балетного искусства. Ведь не случайно Академический театр драмы и Государственный театр оперы и балета были удостоены Ордена Трудового Красного Знамени. Однако у “баши” сказать о том не хватило духа, ибо все, что связано с СССР, а значит и с Россией, вызывает у него аллергию.

В прошлое свое выступление перед творческими работниками президент был несколько “демократичнее”, лестно отозвался о турецкой, индийской музыке. Так и сказал: “Когда слушаешь их мелодии, хочется пуститься в пляс”. Возможно, в том нет ничего предосудительного: восточный человек все-таки. Однако он тут же отверг баян, гармонь, аккордеон. Почему? Они “неприемлемы для туркмена, не волнуют его...” И скрипка тоже почему-то туркмена не трогает. Чуть помолчав, все же снизошел, смиловившись над скрипкой лишь потому, что она, по его мнению, произошла от туркменского гыджака, однострунного национального инструмента, сопровождавшего скотовода в его кочевках по Каракумам.

Так, на свой вкус и в меру своей музыкальной “грамоты” Ниязов, определяя духовные запросы туркмен, совершает экскурс в историю, когда “туркмены управляли Ираном, Афганистаном, Кавказом”. Он говорил, что у наших предков было много музыкальных инструментов, и предложил: “надо возродить дворцовую музыку... Ведь наша мелодия однообразная”.

Известный туркменский музыковед, послушав его, невесело заметил:

— Дворцом он обзавелся — теперь ему дворцовую музыку подавай.

Так он, гляди, нас в средневековые загонит. А однообразной туркменская мелодия слышится лишь уху дилетанта, того, кто не любит свое, национальное. Народный певец — бахши, истинный ценитель туркменской мелодии, подобного о национальной музыке не скажет.

Но вернемся в театр... Президент по-прежнему на сцене. Вглядываясь в зал, он отыскал глазами знаменитую балетную пару — Ахмеда Пурсиянова и Гульбахар Мусаеву, народных артистов Туркменистана, блестяще исполнявших в балетах “Лебединое озеро”, “Жизель” главные роли.

— Ахмед! Мусаева! — игриво окликнул их Ниязов и, ухмыльнувшись, добавил. — Ваше паде-де не воспринимается! Это искусство чуждо туркменам. Оно не наше! Выходите танцевать в туркменском халате! — и он почему-то засмеялся. В зале кое-где раздались смешки. Не поймешь, над чем или кем смеялись люди... Кто-то горестно покачивал головой или стыдливо опускал голову... Их обескураживали не только суждения незадачливого “актера”, восседавшего на сцене, но и его развязное поведение. И впрямь, прав мудрец, сказавший, что невежда хотя и жив сам, но имя его мертво.

Не побоюсь показаться банальным: музыка, танец не “говорят” ни на туркменском, ни на английском или каком-либо ином языке. У них один язык — язык сердца, души, язык движений и пластики. Не имеет он и национальности, ибо это — общечеловеческое достояние, и кто пытается разложить его по национальным полкам, тот похож на глупца, пытающегося принарядить, прикрыть свою тупость. Еще великий Саади заметил, что глупец, как походный барабан: обладает громким голосом, а внутри пуст и ничтожен. И в самом деле, невежде всегда кажется, что он умнее всех, а знания его глубже и обширнее, чем у других.

— Когда я учился в Ленинграде, — словоохотливо вспоминал Ниязов, раскачиваясь в золоченом кресле, водруженном посредине сцены, — нам, студентам, выдавали абонементы. Я посещал лекции, спектакли, но не все понимал, что говорилось и что показывали (снова смеется). “Лунную” сонату, “Аппassionато” можно послушать... один раз. “Отелло”, “Гамлета” тоже, не больше. Ведь наши спектакли, поставленные после независимости, не слабее пьес Шекспира, Мольера... Мы — страна древней культуры, семенам пшеницы, найденным археологами при раскопках под Ашхабадом, насчитывается пять тысячелетий...” Далее, перескакивая с пятого на десятое, он снова начинает поучать драматургов, режиссеров, как писать оперу и балет, походя отвергая фильмы и спектакли, литературные произведения советской поры, это, мол, “не кино и не произведения... они забываются”. Потом призывает: “Создайте художественные произведения, связанные с историей, с войной и кровью. К примеру, как спектакль “Гала” по пьесе Клычмурада Какабаева и Тачмамеда Мамедвелиева. Вот волнующее зрелище!

Названный спектакль, посвященный памяти жертв Геокдепинского сражения, шел на сцене Академического театра. Его многократно транслировали по телевидению, авторы и исполнители ролей награждались высокими премиями, им, помимо лауреатских званий и ценных подарков, были присвоены почетные звания “народный”, “заслуженный” и т.д.

Сенсация века!!! Слушайте, люди! После не говорите, что не слышали... Не все герои сражения, происшедшего с русскими войсками в конце XIX века, погибли. Да-да, не все! Остался в живых, о чудо! один, единственный герой!..

О том захлеб писала “Туркменская Искра” в своем номере от 28 декабря 1993 года: “Спектакль как бы перекидывает мостик из века девятнадцатого в наши дни. И когда на его последних минутах на сцене появляется герой, олицетворяющий единство и свободу туркменского народа, и зритель узнает в нем первого Президента Туркменистана Сапармурата... зал буквально взрывается аплодисментами.

Эти аплодисменты не смолкают и по завершении спектакля, потому что на сцену поднимается сам Туркменбаши...”

Ну, не чистейшая ли комедия, как говорится, с доставкой на дом? Если из придворных драматургов кто-то и напишет новую пьесу, посвященную “баши”, а это случится непременно (сериал о его жизни уже демонстрируется на экранах туркменского телевидения), то теперь на сцену театра выйдет не один “герой”, а сразу три, учитывая, что президент за годы независимости уже трижды присвоил себе звание “Героя Туркменистана”, то бишь героя “Абсурдистана”.

Вот уж поистине фарисейство без конца и края. Без стыда и совести.

КЛЯТВА

Фарисейство — одна из основных черт характера Ниязова. Лицемеры, обычно не веря никому, все меряют на свой аршин и, чтобы убедиться в том, что люди не такие, как они сами, готовы подвергнуть любого унижению, заставить поклясться.

Клятва — порождение подозрительности, недоверия человеку, это — плод безнравственности. У туркмен с испокон веков клянутся преступники, отверженные, люди, изгнанные из родных мест за предательство, измену, бесчестье, прелюбодеяние и другие порочные поступки, несовместимые с моральными нормами рода, племени.

Правда, туркмены клялись и в исключительных, критических ситуациях, когда враг угрожал его свободе. Тогда джигиты присягали на Коране с саблей, что не отдадут свое селение, постоят за честь своих жен и матерей, за родной очаг, погибнут в бою, но не позволят пришельцам покуситься на свободу племени, народа. То был целый ритуал, существовала клятва кровью и хлебом, клялись молоком матери... Клятву туркмены никогда не считали разменной монетой.

1 сентября 1994 года президент встречался со студенческой молодежью. Он рассуждал о высоких материях, в частности, о национальных обычаях, традициях, о независимости и суверенитете, клеймя тоталитаризм, как антипод гуманизма, режим насилия и подавления человеческой личности, не преминув также дать свободу своим диктаторским эмоциям и в конце концов, принудив всех, кто слушал его, принести “клятву верности”.

И вот огромный зал дворца “Мекан”, заполненный юношами и девушками, профессорско-преподавательским составом и приглашенными, вслед за Ниязовым повторял слова клятвы:

Туркменистан, Отчизна любимая, Край родимый мой,
И в мыслях, и сердцем, я всегда с тобой,
За малейшее зло, причиненное тебе, да отнимется рука моя,
За малейший навет на тебя, да обессилеет язык мой,
В час измены священному стягу твоему, да прервется дыханье мое.

— Ее нужно произносить на всех собраниях студентов и школьников, — говорил он, — ее святые слова и смысл должны глубоко запасть в душу каждого гражданина Туркменистана (“ТИ”, 07.09.94).

Президент явно торопился привести к присяге студенчество. Ведь ее текст был утвержден позже, на очередном совещании старейшин.

Удивительно, что по мере укрепления власти президента, находящейся в явной диспропорции с его авторитетом, эволюционировал и текст клятвы. После V Всетуркменского совещания старейшин, продлившего президентские полномочия Ниязова на второй срок, после слов “В час измены” появились слова “Родине, Президенту” и далее по тексту. И “вождь” настолько уверовал в свое великое, историческое предназначение, что потребовал: клятву приносить всем, от мала до велика! Военным и штатским, муллам и попам, аксакалам и их престарелым женам и даже тому самому совету старейшин, у кого он зачем-то спрашивал одобрения текста клятвы. Чудовище Горгона пожирает своих детей?

А на очередном открытом заседании Халк Маслахаты, проходившем в Байрам-Али, Ниязов прервал на середине традиционное чтение собравшимися клятвы: ему показалось, что присутствующие, а это были депутаты меджлиса и все первые руководители исполнительных органов власти, являющиеся членами Халк Маслахаты, вяло, без всякого усердия произносили клятву. Конфуз! И президент заставил участников заседания произнести слова еще раз, громким голосом, четко и внятно, и все депутаты, словно провинившиеся школяры, послушно исполнили каприз “баши”.

Уже говорилось, как с “легкой” руки снова раболепствующего Дурдымухаммета Курбанова (он же — Д. Курбан) в СМИ страны развернулась кампания о внесении поправки в 55 статью Конституции, гарантирующую избрание “Президентом на неопределенный срок”, то есть пожизненно. Бывшему пресс-секретарю президента вторит член Верховного суда Туркменистана Овезгельды Атаев, предлагающий изменить текст клятвы, который, по его мнению, должен выражать не только верность республике, но и преданность определенной личности, то бишь персоне “Туркменбаши”. Нет смысла, считает сей “беспристрастный” представитель Фемиды, упоминать о

каком-то абстрактном президенте, лучше конкретизировать — “Сапармурат Туркменбаши”. “Для того, чтобы жить счастливо и в мире с другими государствами, — обосновывает он свое предложение, — каждая страна должна верить во что-либо божественное, иначе народ может попасть под влияние нечистой силы” (“Известия”, 03.07.99 г.).

На том же Совете старейшин в Байрам-Али зал обратил внимание на то, что президент, вальяжно развалился в своем золоченом кресле, стилизованном под трон, при голосовании поднимал руку лишь вскинутыми вверх двумя пальцами. Это знак “V”, означающий “Виктория”, объяснил мне один аксакал, принимавший участие в этом совещании. Нет, сие значит, что их только двое: один на небе — это Бог, другой на земле он — Туркмен “баши”.

Не исключено, что эту мысль ему могли внушить подхалимы, подобные О. Атаеву, разглагольствующие о его “божественном происхождении”, да и сам он, болезненно тщеславный, падок на лесть. Хлебом не корми...

Однако, несмотря на свою “божественность”, Ниязов почему-то не смог оградить от “влияния нечистой силы” придворного поэта, автора клятвы, у которого не “рука отнялась”, а одна нога, что врачам ее пришлось ампутировать ниже колена. Что это? Козни шайтана или провидение божье?

Ныне в Туркменистане клятва звучит чаще, чем молитва. С клятвы по радио и телевидению начинается каждое утро в стране. Ею открывают все официальные церемонии — собрания, встречи, совещания, съезды; ее хором, как суры Корана, произносят школьники, малышня в детских садах, каждый день, перед началом занятий. Видно, потому во всех школах страны отменены уроки физкультуры. Изучение клятвы на русском и туркменском языках введено в школьные и вузовские программы. Она не сходит с первых газетных страниц, с экранов телевизоров. Всюду — в учреждениях и организациях, школах и в других учебных заведениях, просто на щитах. В скверах и на улицах развешаны красочно оформленные тексты клятвы. На хлебе и соли, Кораном и именем Сапармурата “баши” клянутся амнистированные и помилованные. А в воинской присяге есть такие слова: “Я всегда готов по приказу Сапармурата Туркменбаши выступить на защиту своей Родины...”

Клятва, навязанная Ниязовым туркменскому народу, чуждая его духу и традициям, антигуманна, губительнее и реакционнее фашистской. И сегодня, вступая в новый век, век прогресса и демократии, бездумно присягая “баши”, не отбрасываем ли мы себя назад, в средневековье, в век дикости и варварства?..

КУЛЬТ БЕЗ ЛИЧНОСТИ

Еще в XIX веке европейский путешественник, посетивший нашу страну, выделил туркмен среди соседних народов, подчеркнув, что они отличаются особым чувством собственного достоинства. И возгордились туркмены... То ли ошибся гость, то ли в знак благодарности хотел польстить своим гостеприимным хозяевам. Что достойного могло быть у людей, которые из-за распрей на почве чванливости и отсталости долгими веками не могли создать своего государства, предпочитая находиться на задворках истории, присягать сильным мира сего. Что и рассеяло их по белому свету так, что они даже родства своего не помнят.

Не оскорбительно ли отзываюсь о туркменском народе, среди которого я прожил всю свою жизнь, среди народа, которому я благодарен всем? Тот, кто глубоко знает историю этого народа, со мной согласится. Лучше горькая правда, чем красивая ложь, которую нам пытаются навязать тщеславные невежды.

Какими же сумел разглядеть своих соотечественников будущий “баши”, этот “убежденный коммунист-интернационалист”, поначалу сохранявший верность идее союзного государства, ибо под теплым крылом Центра было привычно и спокойно, а затем войдя в роль “отца” туркменской нации, моментально, подобно хамелеону, изменивший свою окраску?

Так какими же оказались на поверку туркмены? Неприхотливыми, простодушными и рабски покладистыми. Они, глупцы, поверили Сапару-лжецу, вознесенному мутной волной на гребень истории. Его посулы золотых гор и нефтяных рек “второго Кувейта”, в который он поклялся превратить богатые газом и нефтью Каракумы, произвели на наивных аборигенов (как подметили однажды известные юмористы, описывая иные события) “такое же неотразимое впечатление, какое производит старая банка из-под консервов на людоеда Мумбо-Юмбо”.

И они, доверчивые и непритязательные, благодарные Создателю, что их еще собственные ноги носят по земле, мало чем отличаясь от диких африканских племен, целыми днями и даже ночами, отдавались пляскам, песням и восхвалениям “вождю”, не утруждали себя вопросами: “Почему в Туркменистане в одночасье расплодилось миллионы бедных людей? Откуда взялись богатеи? Почему многие семьи живут впроголодь? Почему побираются дети, солдаты? Откуда появились бомжи, о коих туркмены представления не имели? Куда идет Туркменистан?..”

А что стало с людьми, коих в обществе считали честными, порядочными, что являлись примером для всех? Тот, кто еще вчера на словах жил заботами народа, чуть ли не бил себя в грудь, выдавая себя за его верного, бескорыстного сына, сегодня впал в беспамятство, слагая хвалебные оды одному человеку, лицемеря и холуйствуя. Почти все срочно “перекрашивались”: вчерашние атеисты стали “истинными мусульманами”, зачастили в мечети, а те, кто до недавнего времени водку глушил гранеными стаканами, свинину ел, а в курбан-байрам казаны переворачивал, теперь становились на молитвенный коврик, хотя не знают ни одной суры Корана. Другие же, хранившие в строгой тайне свое байское происхождение, сжигали партийные билеты, а вместо устава и программы КПСС брали в руки хадисы пророка, стараясь забыть, как клятвенно заверяли: “Маркс — мой Бог, а Ленин — пророк”.

У честных людей эти оборотни вызывали чувство брезгливости, а “вождь”, по-купчески потирая руки, брал их на заметку, сговорчивых, молчунов, самых беспринципных приближал, а строптивых, не разделявших его взглядов или не поступавшихся своим мнением — изгонял.

А у вчерашних “сынов народа”, пекшихся о всеобщем благе, казалось, на глазах выросли шоры. То были шоры эгоизма. Их теперь ничто не смущало: ни беда всенародная, обернувшаяся бесчестьем, исходящим от прихотей одного человека, прикрывавшегося ложью, словоблудием, мишурой голубого экрана, с коего днем и ночью не сходили изображения музыкантов, певцов и танцоров. Ни веселая дворцовая музыка, ни быстрые движения рук и ног, ни дежурные улыбки на лицах не могли скрыть застывшую грусть в глазах артистов, услаждавших нелепые причуды, блажь одной, единственной персоны. Эти юные парни и девушки “ликовали” не от радости и счастья, нет, а от нужды и горечи опостылевшей жизни. Их дома ждали родители, для коих стало проблемой, чем завтра накормить их младших братьев и сестер, в чем отправить их в школу.

И ныне проблема эта для туркменского народа — главная, хоть и не единственная. Всю жизнь сидевшие за спинами мужей и сыновей туркменки сегодня пошли по миру с сумой. Где их только не

встретишь — в городах и селах России, Украины, Ирана, Турции, Арабских эмиратов... Добыча, заработок испокон веку были достойным уделом мужей. Ныне и женщины стали добытчицами, кормилицами ...

Где вы, славные джигиты, — отцы семейств, мужаья своих красивых жен, сыновья своих старых матерей? Их, продолжательниц рода, пристало по курортам и санаториям возить, по ресторанам, театрам и музеям водить, а не хлеб насущный в поте лица добывать. Их дело любить мужей, рожать детей, хранить тепло семейного очага и не пускаться в неведомые дальние дали, чтобы нас, мужиков, прокормить. Когда было видано, чтобы мужчины прятались за спины женщин? Неужто в век “баши”, объявленный им “золотым и счастливым”, мужчины уподобились женщинам? Ролями поменялись?...

Волнует ли это “вождя”? Вряд ли. Щадить людей — значит вредить народу, — философия мизантропов. Правда, вслух подобные слова не произносятся. Но о человеке судят по поступкам. Чем хуже людям, тем лучше диктаторам?

В сервиллизме своего народа “баши” убеждался не единожды. Когда на встрече Ниязова в Западном Туркменистане аксакалы, возмущенные распущенностью отдельных турецких специалистов, попросили президента приструнить безобразников, тот без обиняков отрезал, словно в душу плюнул: “Сука не захочет, кобель не вскочит”, хотя сам до того признавал испорченность нравов в обществе — воровство, проституцию, наркоманию, особенно распространившиеся среди молодежи. Достопочтенные старейшины даже не рыпнулись, молчаливо снесли оскорбление, и “баши”, конечно, понял, что из таких людей можно вить веревки.

Продолжая тему власти, переходящую в диктаторство, развивающую культ личности, скажу: власть, подобно наркотику, в малых дозах лечит, в больших — калечит. Калечит не только того, кто стоит у кормила, но и народ, особенно подрастающее поколение, калечит нравственно, духовно.

Туркменское юношество, к сожалению, уже отравлено. На них и делает ставку “сердар”. Их уродование начинается сызмальства, с детского сада, школы и продолжается в лицах, в армии и вузах... Ведь дети подобны воску, лепи из них, что шайтан на душу положит. И “баши” это делает с иезуитской изощренностью.

Президентская “любовь” к детям меркантильна. Он с умилением взирает на них, когда они встречают его в “деловых” поездках. Те, что постарше, выбегают ему навстречу на площадях, на летном поле, на дорогах, дарят ему цветы, танцуют, читают стихи, а малышня из младших групп садов, сидя на горшках после наполовину съеденного нянями и воспитателями и без того скудного обеда, хором распевают песни в честь “сердара” или заучивают слова клятвы.

В этот раз детей высадили в открытом поле, куда должен приземлиться президентский вертолет. Дети в одних рубашонках, а на дворе промозглый ноябрь. Вся надежда на “чудодейство” президента: вот он спустится с небес, взглянет на небо и враз холодный ветер уймется, серые тучи развеются и солнышко веселое проглянет... Писали же о таком газеты, да и радио с телевидением о волшебстве “сердара” вещали.

Его ждали к десяти утра, а прибыл он лишь в первом часу дня, после второго плотного завтрака. Президента, показавшегося на трапе вертолета, ребята поначалу не узнали, приняли за охранника. В прошлый приезд все видели его седовласым, белым, как лунь, а сегодня он преобразился в жгучего брюнета, с такими же черными-пречерными бровями. Тогда ребята хором пели песню “Мой светлый ангел”, посвященную Ниязову, будто прилетевшему на грешную землю “белокрылым ангелом”, чтобы осчастливить людей, но поскольку в данный момент “декорация”, то бишь внешний облик “ангела” изменился, детям наказали прошлогоднюю песню напрочь забыть. Ее даже перестали исполнять по радио и телевидению, сняли с репертуара профессиональных и самодеятельных коллективов. А как она гремела до недавнего! Ей на смену пришла другая песня придворного композитора Реджепа Реджепова. Ныне его произведения, посвященные “баши”, заполнили эфир. И ничего удивительного, ибо в день он сочиняет не менее двух-трех песен, и все они о бывшем “ангеле”, готовящемся стать пророком.

Да, это был президент, так заметно раздобревший, что стал похож на антикварный кувшин с ножками. Он стоял на трапе, окидывая взглядом поляну, запруженную людьми. В этом половодье красок больше всего выделялись яркие туркменские ковры, видневшиеся повсюду: на земле, на высокой еще необструганной деревянной трибуне, ими были покрыты какие-то уродливые, незавершенные строения и выделявшийся вдали мостик, перекинутый через арык, они свешивались с кабин и бортов большегрузных автомобилей, огородивших площадь красочным полукольцом.

Кажется, он остался доволен.

Заиграла музыка. Недружно запел хор: ребята все еще не узнавали преобразившегося президента... Едва он спустился на землю, ему тут же набросили на плечи легкую каракулевою дубленку, а на голову нахлобучили темноватую норковую шапку. Раньше он носил головной убор из светлой норки, теперь же, с обретением новой прически из темно-жгучих волос, приходится менять в тон и туалет головы.

И он вальяжно, как балованное дитя, с капризным выражением на лице, зашагал по мягкому ковровому ворсу. Ему навстречу с хлебом-солью двинулись аксакалы, в теплых чекменях из верблюжьей шерсти, в мохнатых тельпеках на головах.

Музыка смолкла. Президент, поздоровавшись со стариками, отведал кусочек хлеба. Небо закапало дождем. “Баши”, обрадовавшись, подставил ладонь дождинкам и, выжидательно поглядывая на старейшин, что-то заикнулся о погоде, явно напрашиваясь на комплимент, дескать, вот, ваше превосходительство осчастливило своим приездом — и божья благодать дождем с небес низринулась, добрая примета к приезду человека с золотым сердцем.

Но аксакалы как в рот воды набрали. То ли растерялись, то ли устали, заждались, то ли их бестолково проинструктировали. Впрочем, в засушливое время года дождь и впрямь благо, а сейчас, в пору затянувшейся уборки хлопка, от него один вред, да и по сценарию встречи хозяина он не был предусмотрен.

Президент, не дождавшись от недогадливых стариков любезных слов, досадливо поморщился и направился в сторону девушек в нарядных национальных платьях и украшениях, тут же бросившихся к нему с большими букетами цветов. Следом к нему с приветствиями робко приблизились хякимы этрапов и велятов, министры, руководители республиканских организаций и ведомств, местное начальство. Одни подобострастно кланялись, другие лобызали ему руки — этот чуждый туркменам ритуал родился после обретения независимости. Перенятый у турок, он, видимо, президенту по душе.

А дети все еще стояли на стылом ветру. Их сюда привезли с утра, задолго до приезда хозяина. И тот наконец подошел к ним, шеренги их расстроились, от холода они сбились в кучу, а за их рядами в шифоновых платьицах с ноги на ногу переминались девушки и юноши из ансамблей домов культуры. Молодые люди простуженно покашливали, продрогшие на холодном сквозняке, притомившиеся, они потеряли всякий интерес к президенту, а тот со снисходительно-покровительственной улыбкой потрепал за щеку стоявшего с краю мальчика.

— Что, холодно разве? — “баши” поправил на плечах сползающую дубленку. Знал ли он, что дети на его частых встречах простывают, подолгу болеют простудными заболеваниями, с различного рода осложнениями?

Мальчик промолчал — у него зуб на зуб не попадал, смущенно глянул на президента, расценившего молчание юнца как скромность, глубокое почитание его высокой персоны.

— Берекелла! Терпи, джигит, — сердаром будешь! — и сам же первым расхохотался, видимо, найдя свои слова остроумными. Ему угодливо вторила свита, смеялись все встречающие, даже те, кто не разобрал его слов, одни хихикали, другие просто скалили зубы, третьи смеялись в кулак или в бороду и делали это лишь потому, что так хотелось “сердару”. Вскоре президентская реплика, отредактированная и основательно дополненная придворными борзописцами, войдет в его собрание сочинений, прозванное “цитатником”, обычно издаваемым в престижных типографиях Турции.

Насмеявшись, президент теперь внимал детям, читавшим стихи, сочиненные местными рифмоплетами. Хотя они звучали неестественно, фальшиво, но его слух ласкали величальные эпитеты: гордость и отрада туркмен, любимый сын туркменского народа, высокочтимый президент, великий из великих, гений, сердар всех туркмен мира...

Не беда, что дети не все слова произносили четко, ясно, глотая окончания, кое-кто вовсе не смог произнести вызубренные строки: холод судорогой свел челюсти, не повиновался язык. Но все равно президент выслушал детей до конца: слушать их одно удовольствие, они не пожалуются на плохую жизнь, не будут докучать просьбами.

Ему также было приятно общаться с аксакалами, любил их за наивность, граничащую с маразмом. Они устраивали его вполне, он считал их покладистыми, наравне с детьми: вопросов каверзных не задавали, из рамок инструктажа хякимов не выходили и более колоритно, эмоционально воздавали хвалу, сравнивая его с пророками, то с Мухаммедом и Али, то с Исой и Сулейманом...

И он жадно внимал медоточивым речам, вероятно, не замечая их приторную фальшь. Не удивился он и справке КНБ, ссылающейся на донесения агентуры, что в народе говорят: президент — ойнатга — предмет насмешек, готовый день и ночь слушать славословия детей — несмышленьшей и выживших из ума старцев. Глупцы! Не он, президент, ойнатга, а эти самые старики и болтуны, что языки распускают, — все “гарамаяки”... Не его разыгрывают, а он всех разыгрывает, обводя их вокруг пальца... Со стариками можно кашу сварить, они молчаливы, лишнего слова не скажут, проблем никаких не создают, легко с ним соглашаются, никогда не скажут, что народ плохо живет; главное, казне они дешево обходятся, преподнесут им в красивой упаковке штаны домотканные, шапочку ночную с пижамой, да пару килограммов риса — и они на седьмом небе...

Президент позаботился и об уходе их в мир иной, распорядившись, чтобы каждому усопшему мусульманину выделять бесплатно по двенадцать-пятнадцать метров бязи на саван. Что еще умершему надо? Это христианину гроб деревянный да цветы с оркестром или попа на амвоне подавай. А у правоверных дешево и сердито. В последнее время иные православные, живущие в Туркмении, стали своих покойников в одном саване хоронить: так обнищали, что на гроб и отпевание в церкви денег нет. Христиане все чаще берут напрокат гроб, в котором мертвого доносят до кладбища, где его перекалывают в целлофановый мешок и предают земле.

Нищета в СНГ становится явлением “интернациональным”. Бедствуют и туркмены. В каждую христианскую пасху или в другие религиозные праздники туркменские дети и женщины приходят на кладбище за подаванием. Иные собирают с могил и памятников жертвенные яйца, пасхальные куличи, сладости. Одни их едят сами, другие даже несут на продажу. Когда бывало такое?

Детей сменили драматические артисты в костюмах национальных героев минувших столетий, воспроизводящие также и геокдепинские события, отраженные в пьесе придворных драматургов. На импровизированной сцене появляется персонаж, в коем все узнают Сапармурата Ниязова, который из глубины веков поучает своих будущих подданных, идущих в “золотой век”, прозванный подхалимами “веком Туркмен “баши””. Это место в спектакле вызывает у Ниязова слезы умиления, а у блюдолизив неумело скрываемые саркастические усмешки.

Но дольше всего он смотрел выступление девушек, сменивших драматических артистов. Прищурившись, он с вожделием разглядывал, словно раздевал глазами, стройные, грациозные фигуры юных танцовщиц, вероятно, вспоминая совет одного сексопатолога окружить себя девственницами, которые своей молодостью заряжают жизненной энергией всех, с кем они близко общаются. Библейский царь Соломон, а у мусульман пророк Сулейман, говорят, был выдающимся тебибом, обкладывая свое ложе, как грелками, молодыми наложницами, черпая у них силу и юношеский задор.

История умалчивает, хватало ли совести у Сулеймана, понимавшего язык всех земных зверей и птиц, сотворить что-либо с находившимися в его власти юными невольницами. Однако “баши” опытом пророка пренебрегать не стал. В президентском дворце в числе обслуги много юных и красивых девушек, его слух часто услаждают молодые, известные певицы. Ансамбль “Менгли”, состоящий из юных исполнительниц, — желанный гость в дворцовых покоях.

Возможно, Ниязов не видит в том ничего зазорного, считая, что так нужно общаться со своим народом, точнее, с его прекрасной половиной. Обычно те, кто облечен властью, обладает такими привилегиями, тем более, что у него появляются тысячи восторженных поклонниц.

Известно, что во все времена люди видели в своих правителях идеал. Но “лидер притягателен до тех пор, пока выглядит идеальным в глазах большинства народа, — пишет психоаналитик С. Баклушинский. — А идеален он до тех пор, пока одинок или пока воплощает образ примерного семьянина” (“АиФ”, № 35, сентябрь 1999, с.21.). Но в случае морального падения вождя, народ отворачивается от него, вчерашние поклонницы презрительно отвергают своего кумира, а иные даже впадают в панику, кому, мол, после всего этого верить.

Примерно подобное разочарование охватило некоторую часть населения, которой хотелось видеть Ниязова таким, каким представляют его СМИ, таким, каким он пытается предстать перед народом в своих речах и выступлениях. В народе пошла пересуды: жена президента постоянно живет в Москве или в Санкт-Петербурге, дети тоже, сторонясь родного края, живут за пределами Туркменистана, а он сам вот уже с десятков лет ведет холостяцкий образ жизни. Не безнравственно ли подобное для главы государства? Человек, неспособный сплотить свою семью, стать ее истинным главой, вправе ли претендовать на роль объединителя всех туркмен мира? Имеет ли он моральное право стоять на страже нравственных устоев общества?

Пересуды эти дошли до него и он, со свойственным ему многословием, сказал приблизительно следующее, проговорившись даже о том, чего от него и не ожидали.

— Сплетни все это! — возмущался президент. — Это я-то веду аморальный образ жизни? Будто я вожу к себе женщин... Как я могу, если у меня сорок телохранителей. Вокруг меня днем и ночью охрана. За мной глаз да глаз! От людей ничего не скроешь...

— Действительно, от людей ничего не скроешь, — не без сарказма говорил мой приятель, слышавший, как “баши” распинался перед многомиллионной аудиторией телезрителей. — У американского президента охрана, наверное, побольше, чем у туркменского. Однако о его скандале узнал весь мир, и Биллу Клинтону ничто не помешало трахаться с Моникой Левински. Я сам знаю нескольких порядочных девушек, которые со слезами ушли, проработав во дворце Ниязова несколько дней, так как не хотели оказаться в роли Моника.

Прощаясь с девушками и юношами, президент подозвал к себе художественного руководителя ансамбля, и сделал широкий жест:

— Дарю тебе десять тысяч долларов, — милостиво проговорил он. — Покупайте для ансамбля, что хотите. Это из моих собственных денег, кровных...

В последнее время свой купеческий жест он сопровождает несколько иными словами:

— Деньги из тех пятисот тысяч долларов, что на мой счет один турецкий бизнесмен перевел. Как подарок. Все мне дарят и дарят, — и игриво рассмеялся.

Что это за подарки в полмиллиона? Взятка? Или так называемый знак благодарности расчетливого турка туркменскому президенту? Кстати, Ниязов в фаворе не у одних турков. Иранские, американские, израильские, аргентинские бизнесмены и предприниматели задабривают его богатыми подношениями, называют именем “баши” свои предприятия, улицы, стройки и населенные пункты в своих странах. Не отстал от них и российский газовый король Рэм Вяхирев. Зная слабину туркменского президента, он подарил ему дорогую антикварную вещь — седло коня Тамерлана. Рука руку моет?..

Картина встречи президента будет неполной, если не сказать, что весь его путь от персонального “Боинга” или вертолета буквально устилается розами. Вот он шествует по ковровой дорожке, ведущей прямо к хлопковому или хлебному полю, к буровой или новой компрессорной станции, а выстроившиеся вдоль его движения девушки усыпают дорогу лепестками роз...

Широко улыбаясь, вальяжно шагая по живому коридору, под звуки музыки “баши” подходит к колосющейся ниве пшеницы, и там, где обрывается ковровая дорожка, застеленная большим ковром, останавливается. Ему на золотой чаше подают позолоченный серп и он, не сходя с ковра, присев на корточки, под бравурную музыку и аплодисменты срезает “первый золотой сноп”. Близкое президентское окружение умиленно охает и ахает. “Ведь это так символично! — угодливо вздыхает министр иностранных дел Борис Шихмурадов. — С золотым снопом, в золотой XXI век нас ведет за собой наш великий сердар!”

— Вы, дорогой Борис Оразович, забыли добавить — золотой, мудрый президент, — виновато шепнул Онджик Мусаев, первый секретарь ДПТ, но перехватив недовольный взгляд министра, в то время еще исполнявшего и обязанности зампреда Кабинета министров, торопливо поправился. — Я не в упрек, это у вас от благородного волнения. От переполняющего сердца чувства любви к нашему сердару. Так и со мной часто случается.

Таков обычный сценарий всех “деловых” поездок “вождя”, как всегда выливающих в музыкально-драматическое шоу, в коем заглавную роль маскарабаза исполняет сам “баши”. Они ставятся повсюду: на городских площадках и у мечетей, в открытом поле и на буровой, в аэропортах и перед президентским дворцом... А по праздникам и памятным датам — их в Туркменистане около двадцати — они отмечаются еще пышнее и красочнее, выливаясь в возвеличивание самого Ниязова и его покойных родителей.

ПРАВДА НАПОЛОВИНУ, ИЛИ СНОВА О КУЛЬТЕ

Талантливый режиссер Александр Сокуров на обсуждении своего фильма “Молох”, запечатлевшем образы Гитлера, Евы Браун, четы Геббельсов, Бормана, изобличая тоталитаризм, неограниченную власть диктатора, чей маразм обычно превращается в государственную политику, высказал любопытную мысль: “Нет Сталина — есть Джугашвили, нет Ленина — есть Ульянов, нет Гитлера — есть Шикльгрубер и так далее. Вождей среди людей нет, есть просто люди, имеющие имя, фамилию, биографию, детство. Вождь — это выдумка самих людей в тех случаях, когда им трудно объяснить исторические процессы.

Вождь — это историческое чувство, которое выдумывается и передается множеством людей одному человеку. И, значит, вождь — это мы сами. И Гитлер — никакой не сверхчеловек, не супергерой, это просто человек, который может вам встретиться, когда вы спускаетесь по лестнице” (“АиФ”, № 18(99, с.9).

А Туркмен “баши” — тоже человек? Ведь в Туркменистане его величают “сердаром” — “вождем”.

Перед последней поездкой в Туркменистан — это было в мае 1999 года, незадолго до введения туркменскими властями визы, без которой теперь в страну не въедешь и оттуда не выберешься, — я встретился с одним известным английским журналистом, рассказавшим интересную быль, услышанную им в Лондоне.

— Правду говорят, что в Туркменистане процветает культ личности Ниязова? — спросили журналисты, посетившего южную страну.

— Это правда наполовину: культ, действительно, есть, но личности нет.

Журналист Юрий Зарахович в корреспонденции “В Туркменистане деспотичный правитель действует старыми методами” пишет: “В Туркменистане старший брат (то есть Ниязов) всегда наблюдает за вами. Тысячи портретов Президента С. Ниязова улыбаются друг другу со стен зданий, магазинов, жилых домов и ночных клубов. Попадая в столицу, Ашхабад, из аэропорта, носящего имя Президента, вы проезжаете стадион его имени и едете по проспекту Туркменбаши... Феномен Туркменистана демонстрирует, как, в действительности, мало изменилась структура политической власти.

После распада Союза и Компартии Ниязов изменил только свои титулы, взяв на себя президентство... азиатской страны. С того момента он создал для себя то, что в советские времена называлось культом личности. Бесчисленные портреты, не менее 2000 бюстов, памятников и монументов ему и его умершим родителям появились по всей стране. Самым последним сооружением явилась четырнадцатиметровая статуя, покрытая золотом, взгроможденная наверху 72-х метровой башни, напротив президентского дворца в восточном стиле. Прожекторы освещают фигуру Президента, а скрытый мотор обеспечивает постоянное вращение статуи. А президентскому глазу открывается простирающаяся внизу изнуренная, обнищавшая нация, страдающая от повсеместного тоталитаризма. Пресса контролируется государством, в школах изучают биографию Президента, прославляющую его и внушающую преданность лично ему.

Все контакты с иностранными лицами должны получить предварительное одобрение, иностранным журналистам и активистам по защите прав человека при малейших контактах с несколькими оставшимися в стране диссидентами грозит изгнание из страны. “Права человека в Туркменистане не существуют”, — говорит Абды Кулиев, бывший министр иностранных дел Туркменистана, живущий сейчас в изгнании в Праге или в Москве...” (“Time”, 15.03.99.).

В другом европейском журнале Кенет Рот, Исполнительный директор организации Охраны прав человека, в статье “Туркменистан никогда не открывал железной занавес”, знакомя зарубежного читателя с жизнью современного Туркменистана, делится своими впечатлениями: “Любой человек, приезжающий в постсоветский Туркменистан, как бы обнаруживает себя в виртуальном пространстве, словно он оказался позади еще существующей Берлинской стены. Независимая пресса отсутствует, никаких независимых политических партий, независимых профсоюзов или общественных объединений, никаких политических разногласий, и это действительно так, потому что нет никакой политической жизни, кроме повсеместно присутствующего культа личности Президента Ниязова...”

Статья Кенета Рота, во многом перекликающаяся с корреспонденцией Юрия Зараховича, именуя нашу страну “Тулагом на Каспии”, приходит к выводу, что “сегодня культ Ниязова достиг наивысшего комизма. Его огромные, в стиле Мао, портреты украшают почти все общественные здания. В Ашхабаде построена башня (плохая копия Эйфелевой), завершающаяся крылатой, в золоте статуей Ниязова (на нее ушло свыше 16 килограммов сусального золота), вращающейся вслед за солнцем”. (“Wall street Journal Europe”, февраль-март 1999).

В народе эту статую прозвали келпезе — агамой, одним из видов пустынной ящерицы, которая по легенде, бытующей среди туркмен, задрав голову и даже становясь на задние лапы, следит за солнцем и будто проклинает дневное светило. Обитатели Каракумов не любят келпезе, проклинающую Солнце, несущее людям свет, а Земле — жизнь.

Таков взгляд снаружи, глазами иностранцев. Как же выглядит культ Ниязова изнутри, в восприятии людей, живущих в этой несчастной стране?

О его культе заговорили еще до объявления независимости. И не без основания, особенно после принятого правительством постановления “Об изготовлении и использовании портретов президента”, которое считало “целесообразным изготовление портретов президента и неограниченную их продажу населению”. Ныне подобные документы не принимаются, достаточно телефонного звонка из президентского дворца, а производство портретов поставлено на промышленную основу в Турции, в самых лучших ее типографиях и художественных салонах.

Правда, туркменское население их не покупает, они, главным образом, приобретаются организациями, учреждениями, ведомствами, фирмами, вывешиваются на улицах, на самых видных местах, они неременный атрибут кабинетов больших и малых руководителей, чиновников, залов и клубов. Низкопоклонство порою доходит до абсурда. Небезызвестный Онджик Мусаев, недавно женившийся сына, не начинал свадьбу, не приглашал гостей за столы до тех пор, пока из его рабочего кабинета не принесли большой портрет Ниязова и не водрузили его на почетное место.

В последнее время в связи со сменой цвета волос на президентской голове изготовление портретов “баши” перешло в новую фазу. Светловолосого президента сменяет черноволосый. Но местные скульпторы лелеют тайную мечту, что Ниязов отпустит и усы, а затем, может быть, отрастит и бороду. Тогда у ваятелей появится существенный приработок, придется лепить его новые бюсты, скульптуры.

После кампании по широкому производству портретов стали приходиться отовсюду вести: то колхоз, то совхоз, то бишь дайханское хозяйство присвоили себе имя президента Ниязова. Стоит ему подписать указ об учреждении Международной премии имени Махтумкули, классика туркменской литературы, значит, Ниязов должен стать ее первым лауреатом. Спустя две недели после учреждения этой высокой литературной премии, президент взял себе награду. Как тут не вспомнишь самого великого поэта:

*Взойдя на высокие ступени,
Не отдавай нелепых повелений,
Не отвергай благоразумных мнений,
И суть свою в сравнении познай.*

Вот учреждается звание Героя Туркменистана и первый “Золотой месяц” — так называется медаль — вручается президенту.

Ученые добиваются учреждения Международной премии имени Мухаммета Ал-Хорезми с вручением золотой медали. И здесь “баши” становится первым и единственным лауреатом.

Нащупав “ахиллесову пяту” Ниязова, иные устроители всякого рода форумов и совещаний в Ашхабаде получают на то высочайшее благословение лишь после намека на признание его “международного авторитета” с неременным вручением “баши” какой-либо медали, золотой, конечно, и присвоением звания лауреата. Примеры тому не единичны, также как велико число книг, брошюр, не говоря уж о газетах и журнальных статьях, посвященных президенту, которым в типографиях страны и за рубежом дается “зеленая улица”.

А легкокрылый Дурдымухаммед Курбанов, тогдашний пресс-секретарь, переживавший медовую пору любви со своим шефом, издал о нем две книги, одна из коих получила название “Сердар” — “Вождь”. Уже говорилось, что Курбанову принадлежит идея присвоения Ниязову титула Туркменбаши, который, как уже говорилось, правильней писать не слитно, а раздельно — Туркмен “баши”. Туркменский меджлис, утвердив сей высокий титул, означающий “глава всех туркмен”, совершил беспрецедентный по своей бестактности шаг, не зная на тот счет мнения миллионов

соотечественников, живущих в Иране и Турции, Ираке и Афганистане, Узбекистане и Германии, Норвегии и Швеции и в других странах. Не выглядит ли в данном случае туркменский президент самозванцем?

Разговоры о культе, по-видимому, дошли до самого президента, и он в октябре 1992 года, выступая перед сотрудниками МВД, признал, что его, действительно, “превозносят в последнее время”:

— Это не мне надо, это надо нашему государству, — заявил “баши”. — Кто бы ни был лидером, надо его уважать, не хвалить, но говорить так, как есть, по заслугам. Мы притягиваем мир своим единством, слаженностью... Это, товарищи, раньше мы, когда жили при общем Союзе, рассматривали как культ личности, это надо было, чтобы коллегиально решать через бюро, чтобы под видом культа личности отдельным деятелям проводить свою политическую линию”.

Когда в соседнем Узбекистане заговорили о культе его президента, то Ислам Каримов на одном из высоких совещаний был категоричен:

— Сколько раз я говорил, что не нужно меня возвеличивать, — сказал он, — не нужно вывешивать моих портретов на въездах в области, на их границах! Любой доклад, любая речь начинаются с Каримова и кончаются на нем. Что же это такое?! Оставьте Каримова в покое! Все проходит... Если вы будете выполнять возложенное на вас — это будет означать, что вы оказываете мне высшую честь! — и добавил, — культ личности не по мне.

Узбекский президент, указав на неуместность и назойливость “медных труб”, предложил принять специальное постановление правительства о запрете на прижизненные памятники государственным деятелям.

По этому поводу по узбекскому телевидению выступил пресс-секретарь президента Мурад Мухаммад Дост, заявивший от имени главы государства, что “впредь должностных лиц за подобные нарушения правительственных решений будут строго наказывать — вплоть до увольнения” (“Правда”, 10.11.93).

Затрудняюсь сказать, положен ли в Узбекистане конец культу личности И. Каримова, но в Туркменистане перемен никаких. Наоборот, Ниязова превозносят с новой силой. Туркменский президент вроде публично осуждает восхваление своей персоны, но делает это как-то невнятно, неуверенно, заявляя о том, как говорят туркмены, не языком, то есть в полный голос, а язычком, словом, и хочется и колется... Потому его близкое окружение, чиновная рать, руководители министерств и ведомств, городов и сел, изучив президентскую слабость, угодливо интерпретируют его двусмысленные заявления о культе, располагая вдоль улиц и проспектов, по всем дорогам, связывающим населенные пункты, на въездах в города и райцентры портреты, статуи, бюсты и щиты с цитатами из речей Ниязова, которые уже не просто выступления, а “речи Туркмен “баши”, имеющие историческое значение”. Теперь уже не стало просто решений и указаний президента, а есть “мудрые решения”, “исторические указания великого вождя”. Все, что ни возводится в Ашхабаде, в областных городах: дворцы, фонтаны, мемориалы, административные здания, офисы и т.п. — обязано войти в “анналы истории”.

Восхваление персоны президента нередко доводится до абсурда. По национальному телевидению в передаче “Природа Туркменистана” один горе-ученый, возвещая о наступившей весне, пробудившей жучков, паучков, муравьев и других насекомых, пытался убедить телезрителей, что тем природа обязана благотворному влиянию на нее мудрой политики Туркмен “баши”.

Однако это несколько не смущает Ниязова, продолжающего с той же показной скромностью заявлять: “Я не гонюсь за славой, ибо знаю, что погоня за славой никогда и никому авторитета, уважения не приносила” (“Ватан”, 24.09.99). Еще раньше, на заре своего культа, он заверял, что никогда не зазнается. Все это лишь одни слова, ложная скромность, которая, как говорил один мудрец, так же гнусна, как и тщеславна.

В последнее время он отбросил и маску скромности и всякий раз как бы подчеркивает: я — ваш сердар, добрый, гуманный, не гарамаяк, а избранный вами — гений. Велик я и мудр, так твердит мое окружение, ну, как Ленин и Сталин. Нет, нет! Они сейчас не в моде. Скажем, как Наполеон или Черчилль, его любимые герои, которым он в меру своих возможностей старается подражать.

Ставя себя вровень с историческими личностями, задумывался ли он, что Ленина и Сталина никакие награды или титулы не прельщали, их не волновали маслянистый блеск золотых звезд, сияние драгоценных перстней или массивных цепочек, так магически завораживающих “баши”. Они были непритязательны к еде, к одежде, деньгам, словом, их не интересовал быт. Стремясь к

глобальным целям, они довольствовались властью над страной и каждым отдельным человеком и в том, вероятно, находили моральное удовлетворение.

Пришедшие им на смену политические пигмеи, некогда именовавшие себя “верными последователями”, а ныне “президентами”, “сердарами”, охваченные лихорадкой накопительства, томимые мелочным тщеславием, не довольствуются собственными дворцами и виллами, иномарками и бесчисленными отарами, доставшимися им даром. Они погрязли в долларовых счетах зарубежных банков, чувство наслаждения неограниченной властью у них притуплено: жажда обогащения развратила их и без того блудливый ум, иссушила душу.

Это и отличает их от первых, кои отличались талантом, природным даром управления людьми, страной, а у вторых лишь жизненная хватка, хитрость и желание подражать великим, будто возможно научиться таланту.

Пигмеи мысли не чета титанам мудрости. “Вожди”, “сердары”, прикрывающие свою серость, посредственность звучными титулами, скрашивающие свою духовную убогость блеском золота, не схожи с великими мира сего. Вся трагичность, точнее, комичность положения в том, что, в силу своей невежественности, ограниченности, они не понимают насколько они жалки и смешны. Известно, что от смешного до трагичного или от великого до смешного всего шаг.

ПАДЕНИЕ ТУРКМЕН “БАШИ”

Некий ходжа, прославивший в народе угодником и ханжой, польстил Эфлатуну — Платону. Мудрец, не дослушав льстеца, перебил его, поник головой и зарыдал. Тот удивился. “О, мудрец, какую обиду я тебе причинил, что ты так опечалился?” — спросил угодник. “Ты не обидел меня, о ходжа, — ответил Эфлатун, — но может ли быть бедствие больше того, что меня хвалит невежда и дела мои кажутся ему достойными одобрения? Не знаю, что за глупость я совершил, которая пришло к нему по нраву и доставила удовольствие, что он похвалил, а не то я раскаялся бы в своих поступках. Печаль моя от того, что я еще невежда, ибо те, кого хвалят невежды, сами невежды”.

Судите сами. Президент Ниязов, являясь главой государственной и исполнительной власти, занимает пост председателя единственной в стране Демократической партии; возглавляя Кабинет министров, является руководителем Гуманитарной ассоциации туркмен мира, объединяющей туркменскую диаспору; будучи Верховным главнокомандующим вооруженными силами, он же глава Движения национального возрождения “Галкыныш”; руководя работой Халк маслахаты, считающегося высшим представительным органом, он осуществляет в стране управление и высшую государственную власть. Помимо того, он — председатель Высшего Совета по науке и технике, руководитель Совета старейшин и т.д.

Казалось бы, что еще надо человеку, обладающему такой неограниченной властью. Зная его слабость к громким званиям, Меджлис, как уже отмечалось, незаконно, без согласия на то туркменской диаспоры, присваивает ему титул Туркмен “баши”.

Такова суть тоталитаризма, не довольствующегося безраздельной властью, жаждущего еще и безудержного восхваления.

Современники помнят, как Л. И. Брежнев в мирные дни украсил свою грудь четырьмя золотыми звездами, как получил Ленинскую премию за написанные чужими руками книги “Малая Земля”, “Целина”, “Возрождение”, которые “изучались” академиками и писателями, министрами и хлопкоробами, инженерами и рабочими. Это вызывало в народе и недоумение, и иронию, и горечь разочарования. Словом, и смех и грех.

Однако “баши”, пока что трижды наградив себя высшим орденом страны “Герой Туркменистана”, кое в чем превзошел покойного Брежнева. Генсек не получил за “звездочки” и ломаного гроша, а Ниязов за первый орден отхватил сто тысяч, за второй — двести тысяч американских долларов.

Никто, пока сам Ниязов не объявил об этом, не знал, что в детстве и юности он слагал стихи. Их даже, по прошествии стольких десятилетий, опубликовали в журнале “Туркмен архиви”. Это, вероятно, прелюдия к тому, чтобы заявить о своем “авторстве” Гимна Туркменистана, хотя известно, что над его текстом трудились около десятка поэтов, и имена их народ знает. Видно, почуяв в нем “родственную душу”, отдельные поэты и композиторы ринулись слагать в его честь хвалебные оды, гимны, песни и поэмы, драматурги — пьесы, прозаики — документальные повести, романы и эссе, кинематографисты в поте лица трудятся над двадцатисерийной киноэпопеей “Туркмен “баши” — мой сердар”. К 2000 году первые семь серий вышли на экраны республики.

Не отстают и художники с ковровщицами. Разработанный ими гель — орнамент “Сапармурат” положен в основу двух сотканых гигантских ковров, один в 266 квадратных метров, другой почти в 300 квадратных метров; для них в Музее ковра построен специальный выставочный зал. Возможно, эти громадные экспонаты будут перемещены в Президентский музей в Фирюзе, проект которого, по сообщению СМИ, был утвержден в конце 1999 года. Там, по замыслу его авторов, будут экспонироваться подарки и сувениры, подаренные президенту зарубежными деятелями, гостями, отдельными жителями страны, в которых Ниязову видится “любовь и признание народов всего мира”, как в свое время подобные, быть может, более искренние чувства люди выражали И. В. Сталину. Любопытно, выставит ли “баши” в музее все подарки, как это сделал тот, кому он пытается подражать? Хотя бы подаренные ему двести иномарок? Вряд ли, утверждают осведомленные лица. Ниязов-младший уже начал распродажу отцовских иномарок.

Именами Ниязова и его родителей называются предприятия, воинские подразделения, школы, лицеи, больницы, парки, кинотеатры, улицы, районы, села, новые дороги. Президент покусился на Красноводск, исторический город на Каспии, который по “просьбе многочисленных трудящихся”

переименовали в Туркмен “баши”. Я умышленно изменяю написание нового имени города, в Указе оно пишется слитно, но рука не повинуется приводить слово “туркмен” в сочетании с “баши” и целиком заключать их в кавычки.

Ниязову похоже не дает покоя известность Ильича: районы, села, проспекты и улицы, бывшие колхозы и совхозы, ранее носившие имя Ленина, переименованы на “баши”. Ленинских стипендиатов в вузах республики тоже перекрестили в ниязовских. Во вновь созданном Государственном энергетическом институте в конце 1999 года установили шесть именных стипендий. Из них по две стипендии имени Президента Ниязова и его матери Гурбансолтан и две стипендии имени Махтумкули, причем размер стипендии великого классика меньше предыдущих. В высшем учебном заведении Санкт-Петербурга, где некогда учился Ниязов, также учреждена стипендия его имени. Денежки, конечно, не из его кармана, а за счет казны Туркменистана.

Там, где недавно возвышались бюсты или статуи Ленина, Калинина, Кирова, Дзержинского и других деятелей Коммунистической партии и Советского государства, теперь установлены памятники Ниязову.

Когда человеку постоянно говорить неприятное, к примеру, называть его свиньей, глядишь, он может и захрюкать. Интересно, если того же человека постоянно наделять превосходными эпитетами: гениальный, великий, мудрый, прозорливый, неповторимый и т.п., станет ли он таким? Едва ли.

Роскошная помпезность, старающаяся прикрыть духовное обнищание, наглядно проявилась на празднестве, посвященном 8-ой годовщине Дня независимости, которая отмечалась в октябре 1999 года.

Перед правительственной трибуной, лично на глазах самого “баши” тысячи и тысячи девушек и юношей принесли ему клятву. Затем они в сопровождении сводного оркестра народных инструментов устроили шумное шоу с танцами, песнями и плясками, что у президента, стоявшего в гордом одиночестве, вызвало слезы умиления. Не заплакать было невозможно, ибо почти все песни ансамбль пел о нем самом.

О торжествах на главной площади страны захлеб писали все республиканские газеты: “Апофеозом праздничного шоу стало совместное исполнение песни, посвященной Родине и Президенту, “Халк! Ватан! Туркмен “баши”! В одном только номере “Нейтрального Туркменистана” от 3 ноября 1999 года опубликовано шесть портретов “вождя”, сопровождаемых слащавым комментарием К. Баллыева, пресс-секретаря президента.

Однако устроителям шумихи этого показалось мало. Они решили организовать на стадионе “Копетдаг” более грандиозное представление с участием десятков тысяч профессиональных и самодеятельных артистов, музыкантов, спортсменов и студентов. Вот что писал в тот день правительственный официоз “Туркмен Пресс”, разославший во все республиканские издания панегирическую корреспонденцию: “Священным трепетом наполняют души собравшихся слова клятвы народу и Президенту Туркменистана Сапармурату Туркмен “баши”, — говорится в ней. — На восточной трибуне — живое панно. Более 5 тысяч человек “рисуют” сменяющие друг друга картины: красочный портрет Сапармурата Туркмен “баши”, карту Туркменистана, слова “Халк! Ватан! Туркмен “баши”!

Грустно, что такие грандиозные представления, на которые затрачиваются миллиарды манатов, устраиваются и транслируются перед обнищавшим народом, перебивающимся с хлеба на воду. Но в тот день приключился скандал, и “баши” к досаде организаторов лицедейства не смог лицезреть, как его малюют, то бишь “рисуют”. Перед самым выездом “вождя” на стадион его информировали, что по городу в то праздничное утро расклеили листовки, призывающие ашхабадцев, туркменистанцев не мириться с диктатурой Ниязова, приведшей народ к нищете, унижению, поставившей страну в зависимость от иностранного капитала. Анонимный автор призывал людей не страшиться, разорвать оковы страха, выйти на улицы, заявить протест против тирана-вождя, разорившего страну и помыкающего народом.

Разумеется, “баши” расстроился и не на шутку перепугался, на стадион не поехал, хотя там его дожидалось специальное ложе, огражденное пуленепробиваемыми стеклами. Все равно опасно: за рулем автомашины сидит он сам. Тем более, в тот день “Маяк” передал тревожное сообщение о террористах, расстрелявших парламент Армении, и еще где-то был совершен террористический акт. Да и в соседнем Иране тоже неспокойно.

В конце 1999 года “баши” принял новое “историческое” постановление, устанавливающее,

что “наименование и переименование железнодорожных станций, государственных предприятий и учреждений, организаций, учебных заведений, воинских частей и соединений, других объектов, а также физико-географических объектов, крестьянских объединений, кооперативов и других объединений в Туркменистане производятся Президентом Туркменистана” (“НТ”, 10.11.99).

Как будто до сего времени было не так. Впрочем, де юре было не так. Теперь и так и эдак.

Из загадочных космических далей в небесные просторы Туркменистана пожаловал крупный метеорит, и упал он не на президентский дворец, а где-то в Каракумах. Узнав о его месте приземления, только диву даешься. Уникальный “дар небес”, по сообщению той же “Туркмен Пресс”, выбрал для посадки особо почитаемое среди мусульман священное место, известное под названием “360 овлядов”. Надо же! Знал куда опуститься, словно ведал, что угодники, то ли в экстазе подхалимажа, то ли от желания лишней раз выставить на посмешище тщеславного правителя, нарекли метеорит именем “священного” человека — Туркмен “баши”. Одна российская газета, сообщившая о “космическом пришельце”, опубликовала информацию об этом под многозначительным заголовком “Падение Туркмен “баши”.

“...И Я СКАЖУ, КТО ТЫ”

Говорят, когда подковывают коня, и ослик поднимает копыта. О, как хотелось ему стать скакуном! Но сколько бы ослик ни рос, конем ему не быть. И порода не та, и масть иная. Зато голос трубный, слышен далеко окрест.

А глас Ниязова еще слышнее, он раздаётся по всему Туркменистану и даже за его пределами. Его речи, доклады, выступления почти круглые сутки разносит эфир — по радио и телевидению. Он неустанно повторяет примерно одну мысль: у кого нет прошлого, у того не может быть и настоящего. Это верно, если старина в ладах с правдой истории, то есть если она не искажается, преподносится людям объективно, без прикрас, такой, какой она есть, и служит возвышению народа, нации. Да, однако, президент в каждом своем выступлении “открывает” новую страницу в истории, и все, кто его слушает, считают, что это хобби президента. На самом же деле экскурсы в седую старину — самоцель.

Исторической науке известно, что тюркские племена во главе феодальной династии Газневидов в X-XI веках правили на территории современного Афганистана, значительной части Ирана и Северной Индии. Ее яркий представитель Махмуд Газневи, выдающийся полководец, предводительствовавший большой постоянной армией сильного деспотического государства, совершил семнадцать грабительских походов в Индию, подчинил Ирак, Хорезм, Горган, Бухару. По его просьбе великий Фирдоуси написал знаменитую поэму “Шахнаме” на персидском языке. Махмуд Газневи прославился еще и тем, что с обозом его армии побывал в Индии ал-Бируни, который, проехав по этой экзотической стране, изучил санскрит, индийскую философию, а также современные науки и искусства, создал одну из великих древних книг путешествий — летопись странствий по Индии, дошедшую до наших дней.

И вот на пороге XI века “золотой сердар” делает “историческое открытие”, объявляя тюрка Махмуда Газневи туркменом. Однако “первооткрыватель” умалчивает, то ли умышленно, то ли по неведению, что лоскутную империю Газневидов сокрушили именно туркмены-сельджуки. Один из последних государей сельджукской династии султан Санджар в 1118 году разгромил газневидского шаха. Газневиды стали вассалами сельджукидов.

Тем не менее это не помешало новоявленному “исследователю” преподнести очередную историческую “сенсацию”: оказывается, никто не знал, что сто пятьдесят лет мусульманского завоевания Индией правили не тюрки, а туркмены. Все цари-рабы, воцарившиеся в Дели до прихода Тимура, а также после него, тоже были туркменами. Можно было объявить туркменом и Тимура. Хотя он и монгол из племени барлас, но на него уже давно сделали заявку узбеки и даже возвели ему в Ташкенте величественный памятник. Но зато мы и не ведали, что все красивые постройки — башни, мавзолеи, мечети, возведенные в Северной Индии, тоже построены правителями-туркменами. Так вот, оказывается, чей потомок ныне правит современным Туркменистаном.

Он, явно претендуя на роль лидера в Центральной Азии, свысока относится к своим коллегам, президентам соседних республик, а Ислама Каримова даже снисходительно называет своим “учеником”. Вероятно, поэтому они и не воспринимают туркменского “баши” всерьез.

Это, пожалуй, и дало повод для анекдота, переходящего из уст в уста.

В летящем лайнере мирно беседовали президенты стран Центральной Азии Нурсултан Назарбаев, Ислам Каримов, Эмомали Рахмонов и Аскар Акаев. Каримов, посмотрев с высоты вниз, задумчиво произнес: “Если с нами, не дай Бог, что-то случится и мы погибнем, будут ли по нас горевать наши народы?” — “Больше всех, — хитровато улыбнулся Назарбаев, — будут горевать туркмены”. — “А им-то что до нас? — простодушно удивился Акаев. — Ниязова-то с нами, как всегда, нет...” — “Потому-то туркмены и будут умирать”, — заключил Назарбаев.

Это не единственный анекдот, который ходит о Ниязове в народе.

Доходит до абсурда его ревность к прежним государственным и общественным деятелям, коих и в живых нет. В стране запрещено писать о них, отмечать их юбилеи или другие какие-либо памятные даты, издавать их книги, ставить спектакли, снимать кинофильмы, документальные ленты и т.д. Из сознания народа кипчакский сирота стремится вытравить имена славных сынов народа: первого председателя Совнаркома Туркменской ССР, члена ВЦИК и Президиума ЦИК СССР Гайгысыза Сердаровича Атабаева (1887–1937) и первого председателя ЦИК Туркменской ССР,

одного из председателей ЦИК СССР Недирбая Айтакова (1894–1938), павших жертвами сталинских репрессий.

Так слабая, малодушная личность может ненавидеть человека сильного духом и телом. И это проявляется в бесчестных действиях “баши”, приказавшего снести памятники названных государственных деятелей (и не только их), переименовать те немногие предприятия, учреждения и хозяйства, носившие их имена, объявив их “злодеями”. Этого было достаточно, чтобы ограничить доступ исследователей в государственные и бывшие партийные архивы, а по телевидению раболепствующие горе-журналисты в угоду “сердару” прокатили спектакль-пасквиль, надругавшись над памятью верных сынов туркменского народа.

Выразительным молчанием отметили в Туркменистане юбилеи и памятные даты, связанные с именем Героя Социалистического Труда, народного писателя, академика Берды Кербабая, бывших первых секретарей ЦК КП Туркменистана, академика Шаджа Батырова, Сухана Бабаева, Джумадурды Караева, Балыша Овезова и многих других, которые и поныне пользуются в народе признанием и уважением. Печально, что президентская антипатия незаслуженно распространяется и на их детей и внуков, которых преследуют и третируют.

Летом 1999 года СМИ республики не позволили сообщить о кончине предшественника Ниязова, бывшего первого секретаря ЦК, участника Великой Отечественной войны М. Н. Гапурова, долгие годы возглавлявшего республику.

Президент, не довольствуясь принятыми мерами, не делающими ему чести как главе государства, приказал своему близкому окружению, всем министрам, председателям комитетов, руководителям областного, городского и районного масштабов на похороны не ходить, а к дому усопшего, и без того оцепленному переодетыми в штатское полицейскими, отрядил еще и сотрудииков КНБ с видеокамерой.

Напрасно волновался президент, никто не посмел ослушаться босса, на похоронах не появилось ни одной машины с правительственными номерами, но зато длинный список видных, авторитетных людей страны, отдавших свой последний долг бывшему руководителю республики, в тот же день лег на стол диктатора, приводя его в умоисступление.

Не без основания тревожился в то день “баши”: похороны продемонстрировали людскую любовь и уважение к М. Н. Гапурову, который не в пример его преемнику, не сторонился своего народа, не отгораживался от него бетонными стенами и специальными командами личной охраны.

Живет в Ниязове, как говорил поэт, одна, но пламенная страсть: учить всех и вся по любому вопросу и считать свое мнение единственно верным.

На встречах с послами зарубежных государств, аккредитованных в Ашхабаде, “баши” старается преподать им уроки из истории дипломатии, поведать о прошлом той или иной страны, армянам и туркам примитивно рассказывает о Кавказе и Малой Азии, русским дипломатам о Руси и петровской России, ее прогрессивных государях, деятелях, боровшихся с дремучим невежеством, рутинной и даже косноязычием. А спикеру Государственной Думы Российской Федерации Г. Н. Селезневу, посетившему Туркменистан в 1998 году, прочитал нудную лекцию с изложением прописных истин, с турецким богословом поделился сексуальным опытом правоверных, поведал о брачных взаимоотношениях мусульман в экстремальных ситуациях и т.д. и т.п.

На самом высоком совещании, как правило, транслируемом по телевидению, он может бестактно оборвать любого, как это сделал со своим заместителем, министром обороны Б. Сарджаевым, который, как показалось президенту, нескладно изложил свою мысль. Действительно, Сарджаев, бывший чиновник аппарата Совета министров, хотя и туркмен, но разговаривает на туркменском языке с русским акцентом. Этим и упрекнул его “баши”, хотя сам не лучше говорит на обоих языках.

Впрочем, Ниязову ничего не составляет на глазах многомиллионной аудитории телезрителей указать работнику на дверь: “Вон отсюда! — вдруг разносится властный окрик. — Чтобы мои глаза тебя не видели! Ты уволен!” Так он поступил с председателем Верховного суда, министром социального обеспечения и многими другими.

“Вождю” не чужда рисовка, игра на публику, он бесшабашный лгун, лицемер, пытающийся любой ценой создать себе дешевый имидж. Не раз уезжая за границу, он отдавал распоряжение повысить цены на те или иные товары, к примеру, на хлеб, бензин, а возвращаясь, устраивал своим подчиненным разнос, дескать, смотрите, какие они “бяки”, а я хороший и добрый.

Ниязова в народе прозвали “терсчил” — “человек наоборот”, если пообещал, значит, не

исполнит, а поступит наоборот. Вот уже несколько лет дает слово повысить ветеранам пенсию. Обещанного, говорят, три года ждут. Прошло более трех лет, а воз и ныне там. Посулил не повышать цены на государственные товары, а они фантастически взлетели. Заверял, что бесплатными будут хлеб и лекарства, а цены на них скачут неимоверно.

Известно, что территория Туркменистана высокосейсмична и климат тут жаркий, и вода дефицитна. Учитывая все это, президент однажды высказал разумную мысль: отказаться от строительства высотных домов, благо, земли раздолье, населения негусто, тем более туркмен с испокон веков привык жить в невысоком жилье, чтобы ногами землю постоянно ощущать. Но слово для него пустой звук. Он “забыл” о сказанном и вскоре одобрил строительство в Ашхабаде шестидесяти двенадцатиэтажных жилых домов.

Мне, живущему в зарубежной дали, трудно сказать, исполнился ли этот проект ко дню ангела “баши”? Если и не успели, то “построят” непременно, как “возвели” дутый полуторамиллионный харман зерна и буты из миллиона трехсот тысяч тонн хлопка. Слава Аллаху, есть для этого послушный Туркменстатпрогноз, у которого бумага все терпит.

НЕДОЛГО МУЗЫКА ИГРАЛА

В одном из своих интервью Ниязов, отвечая на вопросы зарубежного журналиста, говорил, что его “с детства увлекали идеи Компартии” (“НТ”, 27.04.94). Спустя года три, освоившись с президентским креслом и уверовав, что возврата к прошлому нет, он рассказал маловероятную историю о том, что никогда не разделял коммунистических идей. Оказывается, обучаясь в Ленинграде, сидя в Публичной библиотеке, он разрабатывал дерзкий план свержения Советской власти.

Но если бы не роспуск партии, не авантюра ГКЧП, не горбачевская перестройка и печальная участь СССР, то Ниязов продолжал бы оставаться членом Политбюро ЦК КПСС, первым секретарем ЦК Компартии Туркменистана, что его более чем устраивало. В ту пору мало кто воспринимал Ельцина всерьез. Даже сам Горбачев, когда был в силе, не очень-то считался с Ельциным, а Ниязов, конечно, под эгидой генсека, всячески подыгрывал ему. Фигурально выражаясь, носил его шляпу. Но стоило чаще весов склониться в пользу Ельцина, будущий туркменский “вождь” стал заглядывать в глазки будущему Президенту России.

Когда генсек и первый президент СССР растерял в рассыпавшейся на княжества стране влияние и власть, то для Ниязова перестал существовать и горбачевский “идеал”, его “мера” скукожилась, как шагреновая кожа, — и он перекарасился в “демократа”.

На первых порах люди, не разобравшись с “демократией” в Туркменистане, поверив демагогии “лидера” ДПТ, стали называть “национальной демократией” рядившийся в ее одежды разнузданной формы феодализм. А самого Ниязова раболепствующие СМИ страны провозгласили “отцом нации”, “родоначальником туркменской демократии”, хотя демократ из него явно не удался, как в свое время не получился и коммунист. И как поется в песне, “недолго музыка играла, быстро гости разошлись”. Ниязов, превратившись в “баши”, вероятно, рассудил, что подобный титул несовместим с его даже призрачной демократией, и потому решил не изменять себе и продолжать “закручивать гайки”.

Таким образом, создав режим не ограниченной правом власти единоличного и безраздельного правителя, провозгласив себя “баши”, то бишь диктатором, Ниязов в четвертый раз поступается “убеждениями” так называемого демократа, “моральными принципами” “гуманиста”, о которых продолжает разглагольствовать и поныне.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ЕЩЕ РАЗ О ТУРКМЕНСКОЙ “ДЕМОКРАТИИ”

Известно, что демократичность любого государства во многом определяет положение религии в стране, открытостью общества. Ныне в странах СНГ религия переживает ренессанс, а на роль объединяющей идеи явно претендует национализм, национальная идея.

История знает немало примеров, когда ислам да и другие религии весьма удачно использовались как политический инструмент в борьбе за утверждение власти тех или иных партий, группировок. И религия, призванная не примыкать ни к одной из враждующих сторон, втягивалась в эти игры, и “частное дело” мусульманской мечети на глазах превращалось в клерикальное наступление на светское общество, которое состоит не из одних верующих, поскольку в нем немало и атеистов, и не определившихся “нейтралов” или людей индифферентных, т.е. равнодушных к религии.

Властолюбивые правители всегда стремились прибрать церковь к своим рукам и именем Бога культивировали в массах фанатизм, страх, раболепное отношение к власти, превратив население в объект политических манипуляций. Туркменский “сердар” для укрепления своей власти успешно использует именно этот опыт.

Ниязов, заигрывая с мусульманским духовенством, на первых порах предоставил им полную свободу, поощрил строительство многих мечетей, субсидировал их сооружение. На возведение соборной мечети в Геокдепе, ныне носящей его имя, он выделил из бюджета несколько десятков миллионов долларов. Лишь на приобретение одной хрустальной люстры было затрачено около 10 миллионов американских долларов. Многие фирмы, частные предприятия, взявшие на себя спонсорство над сооружением мечетей по стране, были освобождены от налогов. В республике за короткое время возвели свыше 250 мечетей. Немало верующих и даже неверующих совершили за счет государства паломничество в Мекку, в том числе и сам Ниязов.

Все это, естественно, окрыляло, поощряло деятельность мусульманства, которое, обретая силу и влияние, могло затмить своим авторитетом и популярностью самого Туркмен “баши”. Подобного он, конечно, допустить не мог. Убежденный, что не мечеть, а он и только он вправе устанавливать полный контроль над душами граждан и “вверенной ему Аллахом” страны, которую ныне угодники призывают впредь именовать “Туркменистаном любимого вождя Сапармурата Туркмен “баши”.

По команде президента, начиная с 1993 года, постепенно вводили ограничения и запреты, касающиеся деятельности религиозных организаций, что нередко противоречило как международным обязательствам страны в отношении соблюдения прав человека, так и национальному законодательству. В Закон “О свободе совести и религиозных организациях в Туркменистане” были внесены беспрецедентные поправки, устанавливающие, что религиозные организации выбирают, назначают и заменяют свой персонал только с согласия государственного органа по делам религии. К чему приводит подобное согласование видно на следующем примере. На начало 1995 года в республике было зарегистрировано около десятка конфессий, перерегистрацию же прошли лишь две: мусульмане и православные. Мусульмане потеряли при этом половину мечетей: из 250 зарегистрировано 120. А куда подевались остальные?

После принятия Меджлисом антидемократических поправок, с горечью констатирует московский еженедельник “Русская мысль”, практически все религиозные организации в Туркменистане объявлены нелегальными. Эти поправки увеличивают число членов, необходимых для регистрации религиозного объединения (общины), с **200 до 500 (?)**. Другими словами, чтобы зарегистрировать какую-либо общину в одном отдельно взятом населенном пункте, надо набрать полтысячи человек. Для республики с населением не более 4,5 миллионов человек, эта цифра не то что велика — она просто фантастична (см. “Русская мысль”, № 4195, 30.10 — 5.11.97).

Подобная практика туркменских властей, исполненная в лучших традициях тоталитарного режима, антиконституционна, она противоречит статье 11-ой Конституции Туркменистана, декларирующей, что “религиозные организации отделены от государства”. Иными словами, их деятельность не связана с обязательной государственной регистрацией, последнее считается

серьезным нарушением принципа свободы совести.

В апреле 1994 года был создан Генгеши (Совет) по делам религии при президенте Туркменистана, призванный заниматься контролем за религиозными организациями. Председателем и его заместителями стали муфтий — глава мусульман Туркменистана, заместители муфтия, благочинный — глава православных приходов Туркменистана и один светский чиновник, то есть “око государево”, который в Генгеши представляет президента.

Совет сформирован по весьма “оригинальному” принципу, то есть шиворот-навыворот: председатель — заместитель муфтия Туркменистана; заместители — сам муфтий, благочинный православных приходов и представитель президента.

В областях — велятах при местных администрациях созданы велятские Генгеши по делам религии, возглавляемые главными имамами — мусульманскими духовниками областей. Любопытно, что все названные выше религиозные руководители наряду с государственными чиновниками получают из казны зарплату, государство им выделяет обставленные мебелью, телефоном, факсом рабочие кабинеты, а некоторым — персональную автомашину с водителем. К примеру, Оразгулы Аннамурадов, смотритель кипчакской мечети, числящийся как ее управляющий, имеет в штате около десяти работников, получающих зарплату в качестве государственных служащих, а за самим Аннамурадовым закреплена служебная иномарка.

О. Аннамурадов — вчерашний экскаваторщик, не имеющий духовного образования; все его достоинства заключаются в том, что он сверстник президента, друг детства, а ныне шахматный соперник, часто проводящий с “баши” его бессонные ночи и между делом посвящающий своему кумиру весьма посредственные стихи. Ниязов высоко оценил “заслуги” своего земляка, рекомендовав его депутатом парламента.

Может потому в приемной новоявленного туркменского Распутина, где его сторожат секретарь и телохранитель, всегда столпотворение. Здесь можно увидеть министра и академика, иностранца-бизнесмена и художника, хякима и даже заместителя председателя Кабинета министров. Зная его близость к “самому”, к этому смотрителю Кипчакской мечети, Аннамурадову слетаются, как мухи на мед, все, кому не лень: блюдолизы и ловкачи. Но больше всего среди них государственных чиновников, которые не могут попасть к президенту годами.

Аппарат муфтията фактически аналог аппарата Генгеши по делам религии. Таким образом, исламская и православная церковь в Туркменистане огосударствлены. Высшие духовные лица двух конфессий получили почти монопольное право на формирование государственной политики в отношении других конфессий. В истории светского государства подобная практика беспрецедентна. Точнее говоря, она больше напоминает теократию с новоявленным духовным лидером во главе.

Истинным хозяином в Генгеши (кстати, располагается оно почему-то в здании турецкого культурного центра) является представитель президента Мурад Каррыев. На него возложена задача объяснить слишком настойчивым посетителям мотивы, которыми руководствуется государство, определяя свою политику в области бессовестного подчинения и использования, а иногда и подавления религии в государственных целях.

Он и объясняет, как умеет, мешая откровенную ложь со странными откровениями, когда речь идет, скажем, о дискриминации в отношении иных конфессий в стране: “Все эти конфессии — новые, мы их не знаем (как минимум три ныне “незаконные” конфессии были зарегистрированы еще в советское время. — *Н. М.*). А вдруг мы их регистрируем, а они завтра исчезнут. Да и, честно говоря, мы не хотим общаться со всякой мелочью. Нам мусульман и христиан (православных) достаточно”. Что же касается тех, кто не зарегистрирован, то, как говорит Каррыев, “нас это не касается — ими занимаются соответствующие органы”.

В Туркменистане, несмотря на относительную малочисленность населения, помимо мусульман и христиан, немало исповедующих другие религии и верования. Один результат, правда, уже достигнут: большинство протестантов решило уехать из Туркмении. Но мусульмане выехать не могут — они остаются, и зажим ранее официально признанных общин приводит к обратному эффекту: усиливается “параллельный ислам” — “ваххабизм”. Итогом подобных действий властей может стать превращение вполне светского государства в плохую копию своего соседа — Ирана.

В выступлении 13 сентября 1996 года перед религиозными деятелями страны президент после неуклюжих реверансов и явно набивая себе цену, заявил: “Меня упрекают, что я опекаю мечеть. Как же иначе? Ведь мечеть — это дом Аллаха...”

“Баши” несколько неточен: он подмял под себя все “дома Аллаха” в стране. А между тем

всякий раз клянется в демократичности своей политики, а в себе видит “отца туркменской демократии”. То на словах, а на деле? Он не остановился перед тем, что заключил под стражу, а затем выслал из Ашхабада (совсем как в годы тоталитаризма!) известного религиозного деятеля, просветителя, переводчика Корана семидесятитрехлетнего Ходжа Ахмета-ахуна Оразгылыджеева лишь за то, что тот публично критиковал ниязовскую политику и посмел выступить по радио “Свобода”.

Президент пытается убедить людей, что в стране нет политических заключенных, а смертная казнь вовсе отменена. Любопытно суждение в народе об отмене смертной казни.

— Не догадываешься, почему президент решился на такой шаг? — задавал мне вопрос один юрист. — И сам же на него ответил. — Отнюдь не из человеколюбия. С явными своими врагами он покончил, а оставшихся можно не опасаться.

Всякого, кто поднимает голос против антигуманной политики, туркменские власти провоцируют, возводят в криминал любой проступок оступившегося человека, арестовывают, зверски истязают, предлагая отказаться от своих убеждений, и если тот твердо стоит на своих позициях, забивают насмерть. В лучшем случае, превращают его в калеку. Так, как уже говорилось, ниязовские заплочных дел мастера убили Хошалы Караева, превратили в инвалида Мухаммедкули Аймурадова.

Долгое время мало кто знал о жуткой истории, приключившейся с лидером туркменских диссидентов Дурдымурадом Ходжамухаммедовым. Его, попытавшегося создать независимую политическую партию, как пишет американский журналист “Кенет Рот”, туркменские власти водворили в психиатрическую клинику, а после освобождения диссидент, посетивший Британское посольство, по дороге домой был избит до потери сознания, что три месяца находился на грани жизни и смерти. Преследование оппозиционера на том не закончилось. Полиция арестовала его сына по заведомо ложному обвинению, подбросив тому два грамма терьяка, а за Ходжамухаммедовым установила слежку.

В конце 1999 года профессора Пиримкули Тангрыкулиева, о котором уже шла речь в предыдущих главах, перевели в известную мрачной славой своих костоломов Красноводскую тюрьму, где по просочившимся оттуда скучным весточкам его там избивают, применяют к нему такие изощренные формы пыток, что он поседел, полысел, жалуется на боли в области сердца и выглядит гораздо старше своих лет.

Палачи, не без указания свыше, добиваются от него “признания своей вины” перед Туркмен “баши”. А вся “вина” П. Тангрыкулиева в том, что будучи депутатом Меджлиса, он открыто критиковал антинародную политику “баши”, его личное поведение, приведшее страну к экономической катастрофе, а его самого к политическому и моральному банкротству.

Драконовские порядки, установленные в стране, вынудили не одну тысячу граждан Туркменистана покинуть страну или принять гражданство других государств. Среди них немало общественных и политических деятелей, ученых, учителей, писателей, журналистов, артистов... Интеллигентному, здравомыслящему человеку жить и трудиться в стране уже давно стало невозможным. Общественную жизнь охватил психоз “вождизма”, всевластия государственной машины, спекулятивного использования “идей национальной демократии”, на деле — “демократии” ниязовской, прикрываемой крикливой демагогией с целью маскировки ее антигуманного содержания.

О какой демократии, свободе волеизъявления можно говорить, если монопольным учредителем всех издательств, СМИ, даже региональных газет является сам президент. Всем национальным изданиям в коих материалы проходят строгую предварительную цензуру, запрещено публиковать критические и даже проблемные материалы. Поэтому ныне такие главные газеты страны, как “Туркменистан”, “Нейтральный Туркменистан” напоминают огромные буклеты, где нередко на четырехстраничных номерах газет публикуются по 16-17 фотографий президента.

Исключительно редко критические статьи и корреспонденции граждан Туркменистана появляются в зарубежных изданиях. Во-первых, их невозможно или опасно отправлять, так как почтовые отправления из страны и в страну перлюстрируются, изымаются. Во-вторых, авторы, отправившие за пределы республики критические материалы, преследуются. Наложены табу на использование факса, интернета. Туркменские журналисты и писатели об этих новых средствах информации имеют весьма смутное представление, да и использование их им явно не по карману.

На глазах хиреет туркменская литература, музыкальная культура. Впрочем, они сейчас напоминают рахитичного ребенка, который растет, но болезненным и хилым, ибо в Туркменистане

право на гражданство имеют лишь произведения, поющие дифирамбы Ниязову.

Ныне СМИ, включая радио, телевидение и документальное кино, свои материалы посвящают больше всего официальной хронике, визитам “баши” в регионы и за рубеж, описанию “исторических достижений” страны в экономическом и социальном плане и не менее “грандиозным” программам на будущее, хотя все последнее сплошной блеф и несбыточные прожекты. Эти сообщения, передаваемые под звуки фанфар, занимают несколько часов и повторяются целыми днями, в полном объеме, взхлеб восхваляя “великого вождя” и его “мудрые предназначения”.

Остальное эфирное время заполняется кадрами с восторженными монологами, выражающими “любовь” народа к “баши”: это организованные интервью с жителями и гостями страны, репортажи из зала заседания Кабинета министров под председательством Ниязова, уличные съемки, где телеобъектив замирает на говорящем, смеющемся, перерезающем ленту, чаще всего неуклюже позирующем “вожде”, бросающем лопатой цементный раствор под основание еще одного стадиона; затем кадры сменяются его портретами, монументами, бюстами в национальном или гражданском костюме, в маршальской форме, на резвом скакуне...

Однажды произошел казус, наделавший во дворце и на национальном телевидении немалый переполох. Президент, вероятно, в благодушном настроении или в минуты просветления неожиданно покритиковал деятельность телерадиокомпании, журналистов пожурил, что они в передачах хвалят его “чутьчку многовато”. Сказал и тут же забыл.

Руководство же компании на критику среагировало немедленно, будто обрадовалось появившейся трезвости в речах президента: дня два по телевидению ему хвалу не воздавали. Во всех передачах, больших и малых, обычно начинаемых со славословия и пожелания здоровья и долгих лета “вождю”, эти вступления были сняты. Убрали даже золотистый барельеф Ниязова, постоянную эмблему в правом углу телеэкрана...

Что тут было! Поднялся переполох... И впрямь, заставь дурака молиться — лоб себе расшибет. С ума посходили?! Революция что ли произошла?! Примерно такая реакция последовала из президентского дворца, откуда на телестудию примчалось высокое начальство. Президент наказал заместителя председателя Кабинета министров О. Айдогдыева, курирующего СМИ, пресс-секретаря президента и председателя телерадиокомпании, приказав удержать с зарплаты каждого по половине месячного оклада. Чуть позднее руководители компании заплатились своими постами, но до того, исправляя оплошность, срочно организовали выступления “низов” — представителей рабочих, дайхан, интеллигенции, домохозяек, распинавшихся перед телезрителями примерно следующими речами: телевидение и радио совершили “историческую ошибку”, предав на два дня забвению имя “великого вождя”, упоминание о коем стало своего рода эликсиром бодрости, допингом, источником сил и вдохновения. Как только в “дни беспомыслия” солнце не померкло и луна с места не сошла?!

В одном из опусов, посвященных Ниязову придворными писателями, запечатлен диалог, будто происшедший в его далекой юности.

— Бог даст день — даст и пищу! — рассудил студент Сапармурат где-то слышанной фразой.

— Да потом же ты святым не станешь, — возражал ему приятель.

— Кто знает, кем все мы станем? А что, если лет через двадцать-тридцать я стану у себя дома первым секретарем ЦК?

— А, может, еще и шахом?

— Может быть...

Диалог мало убедительный, но он обретает плоть, когда знаешь о выступлении президента от 14 февраля 1997 года перед представителями творческой интеллигенции страны. “С давних пор встретиться с вами было моей мечтой. Вы поверьте в это...” (“ЭС”, № 10, 03.99).

Эти слова приведены только в официозах, выходящих на туркменском языке. В “Нейтральном Туркменистане”, издающемся на русском языке, таких откровений вы не прочтете. Как и не найдете многих несуразиц, прозвучавших в эфире из уст словоохотливого “баши”. Если уж точно приводить его слова, сказанные на той встрече, то Ниязов без обиняков заявил: он еще мальчишкой предвидел, что станет президентом и знал о встрече с творческими деятелями. Это была его заявка на “провидческий дар”, на “пророчество”.

Попробуй, после высочайшего заявления усомниться в словах самого “баши”. А дальше эта мысль получила свое буйное развитие. Он подогревал ее сам, постоянно. Разумеется, не без подсказки со стороны. Разве мало в президентском институте истории знающих, что пророк Иса, то есть будущий Иисус Христос в двадцать своих лет поразил всех фарисеев глубиной познаний,

провидческим даром. Потом он исчез из глаз людских, ведя жизнь праведника и появился только накануне своего тридцатилетия.

Но Ниязов решиться на такое, чтобы исчезнуть на лет десять, не мог, его тут же забудут; он форсировал события. Вскоре на очередном Совете старейшин, который обычно сам и ведет, он предложил собравшимся голосовать жестом, образующим средним и указательным пальцами правой руки, известной со времен второй мировой войны как символ победы. Об этом я упоминал мимоходом в предыдущих главах, но позволю себе повториться, чтобы добавить новое, еще не сказанное.

“Вождь” придал этому знаку иной, угодный ему смысл: во всем мироздании их только двое, один на небе — это Бог, другой на земле — он, Туркмен “баши”.

С тех пор его повсюду в стране стали открыто называть “доверенный Аллаха”, “посланник Бога на земле”, “великий Сапармурат — пророк”, “любимец Бога” и т.д. и т.п. Эти эпитеты и сравнения, даже еще красочнее, не сходит со страниц СМИ, к ним широко прибегают министры, большое и малое начальство, этот ажиотаж подогревается мечетью и даже главой мусульманской общины.

Тернистым был путь Христа на Голгофу. Восшествие на священный холм в окрестностях Иерусалима обрело символический смысл подвижничества и нравственных страданий. Да и сам образ распятого Христа, стал у христиан Богом, на некоторое время сошедшим на землю в обличье человека.

В истории есть примеры, когда в народе, подвергнутом геноциду, как выход из этого ада, рождалась “новая религия”, объявлялся ее основатель, который, будто как “второе боговоплощение” пришел на смену... Христу, то есть Богу.

Или же, по учению шиизма, многострадальный двенадцатый имам не умер, а тайно скрывается до своего часа. Когда окончится его состояние “скрытого имама”, он явится миру... в роли пророка Махди — мессии (у суннитов, в частности, у туркмен, он известен под именем Мяти) и восстановит в мире справедливость, воздаст людям заслуженное ими.

Подобная фантазмагория — неизбежный плод множащихся бед народа, неустройства быта, недовольства жизнью, тщетности страданий и безнадежности найти выход из тупика, в который загоняют людей неумные и алчные правители.

Я не удивлюсь, если такая “религия” родится в Туркменистане и кто-то объявит себя в качестве “пророка” или “бога”, ибо вконец обнищавший народ, духовно деградирующий изо дня в день, дошел до ручки, не видит выхода из нужды — неимоверных мук голода, недоедания, унижений и массового вымирания, на которые обрек их новоявленный “справедливый шах” по кличке Туркмен “баши”.

Однако опытом истории, не без подсказки “ученых” советников, решил на опережение воспользоваться сам президент, выступая основателем новой религии — “башизма”, суть которой заключается в том, что это единственно верное “учение”, будто воплощенное в еще не созданной книге “Рухнама”, а ее основатель — Сапармурат Ниязов — “посланник Аллаха на земле”, которого еще наделяют званием Тангры — Бог (так называли язычники сверхъестественное существо, обитающее на небе). Словом, он един в двух лицах — “пророк” и “бог”. Главное, “баши” уверен, что именно он пришел на смену пророку Мухаммеду. Сказано же в хадисах, откровениях Мухаммеда, что пророком может объявить себя любой смертный, жертвующий собой ради народа. А ему, как говорится, сам Бог велел.

И вот сегодня толпящиеся у трона лизоблюды эту “жертву” хотят навязать туркменскому народу, видя в его персоне будущего мессию — посланника Аллаха, который, явившись как сама справедливость (а “справедливого шаха” он уже получил от ахальских подхалимов!), поведет их за собой в “золотой” XXI век. Таково желание “сердара”.

Ведь назвал же себя иранский шах Исмаил Первый не иначе, как посланником имама Махди, а шииты, возвеличив своего правителя, именовали его имамом мира. Но шах Исмаил, в отличие от “баши”, не возгордился, писал стихи на фарси и тюрки, сочиненные им красивые газели распевали его воины — кызылбаши, а сам скромно подписывался Хатаи — “Ошибающийся”. Но последнее не очень устраивало кипчакского сироту. Он не ошибается, другие — да, а он — никогда! Как он может возвести на себя какой-либо поклеп, когда на родной земле его открыто называют “пророком” и вот-вот возвеличат “Аллахом”. Кто не верит, пусть почитает туркменских поэтов. Не каких-то там ширалиевых и аннакурбановых, которые чествуют его на чем свет стоит, а джутдиевых, сапаровых,

агабаевых...

“Баши” знал, на кого ссылаться. Первым холуйскую готовность исполнить желание “вождя” выразил придворный поэт Байрам Джутдиев:

*...Отлы баряр суйнуп-суйнуп,
Тэзе тарых баряр, ынха!
Гозун, айдын, гезел илим
Халха, душуп гелйэр Алла!
Солтаным бар он, янында,
Гоша гудрат, гоша керем. (“ЭС”, 01.10.99).*

Подстрочный перевод:

*...Поезд движется вереницей
Вот наступает новая история!
Поздравляю тебя, мой прекрасный народ.
Вон, сойдя, идет Аллах! Властелин мой с ним рядом.
Двойное чудо, двойное милосердие.*

По-разному истолковывают строки стихотворца. Одним в четверостишии хочется видеть фантастическое “боговоплощение”, то есть явление народу Аллаха, то ли сошедшего с небес, то ли лихо спрыгнувшего с подножки движущегося поезда. В этом образе “баши”, конечно, узрел себя и замороченных его болезненной фантазией гарамаяков: “Поздравляю тебя, мой прекрасный народ!” Сколько же пустых слов, за которыми ничего не стоит, бросается сегодня на ветер!

Из двух последних строк явствует (это, вероятно, разочаровало “баши”), что рядом с Аллахом шествует он, “сердар”, то бишь, “мой султан”, которого придворный рифмоплет на всякий случай наделяет двойным эпитетом, явно схожим с обращением к Аллаху — милостивым и милосердным!” Ай да, Байрам! Ай да, сын Джутди! Ловок и, как всегда, двойственный. Но в одном дал маху. На небо совершил восхождение пророк — об этом сказано давно. А спускался ли с неба на землю Аллах? Да еще прямо на туркменскую, на виду у людей, на вновь построенную ветвь железной дороги? Иль это все-таки “баши”, воплощенный в образе Аллаха? Но тогда почему “султан... с ним рядом”? Почему он — не Сам, а только “султан”? Ведь ему пристало быть Самим Богом!..

Президент, вникнув в суть двух последних приведенных мною строк, имеет все основания остаться недовольным своим придворным поэтом. Выходит, напрасно удостоил его почетным званием “народного”, наградил не одним орденом и не одной медалью, на высокую должность посадил... Джутдиев извечно с причудами, видно, проистекающими от его двуличной натуры или излишнего рабского подобоострастия, когда в порыве своего холуйства теряет чувство меры и заговаривается.

Случился же с ним однажды казус на совещании аксакалов, где он, вольно или невольно, уподобил президента седоку, восседающему на белом... осле, вероятно, имея ввиду недавно приобретенный им новенький “боинг”. Не знаю, насколько это оскорбило “баши”, но между ним и поэтом в одно время сложились весьма прохладные отношения. Уж как после оправдывался Джутдиев? Дескать, он намеревался сравнить президента с лихим наездником, скачущем на белом коне — символе отваги и благородства.

И в этот раз придворный льстец, перестаравшись, соригинальничал: “баши” в его стихах то вровень с Богом, то сам — Аллах! Откровенно говоря, мне страшно за “поэта”. Неужто его нестораживает история с незадачливым Салманом Рушди, автором “Сатанинских стихов”, которого аятолла Хомейни за кощунство приговорил к смерти. Хотя Хомейни умер, но его последователи и верные ученики живы. Они — рядом, в Иране.

Или эйфория угодничества затмила разум некогда талантливого человека? Неужели чувства лакея убили в нем мастера слова, а льстец одержал победу над некогда гордым текинцем? Иль гены подвели? Говорят, дед Байрама, не говоря уж о прадедах, долгое время ходил в рабах, пока в Туркменистан не пришли русские войска и не отменили рабства. Вообще-то, пожалуй, ничего удивительного: после властелина должен быть раб. Байрам и сам признает его своим султаном. Нет, Аллахом! Никто пока еще на Земле не видел Бога, а Байрам Джутдиев увидел Его в образе “баши”. Может, мир перевернулся?..

В КАКОМ “ДОМЕ” МЫ ЖИВЕМ?

Неуемное стремление Ниязова объявить себя мессией явно проглядывает в его каждодневных речах о “Рухнама” — кодексе нравственных законов, который, по его замыслу, должен встать над Библией и Кораном. Священные Писания христиан, иудеев и мусульман, вобравшие в себя мудрость веков, “баши” считает устаревшими и потому намерен создать нечто “новое”, над которым сейчас уже несколько лет трудятся “умные головы” страны. Что получится из затеи? По всей вероятности, “идея” “вождя” выльется в некий цитатник (по опыту китайской “культурной революции”?) или в рецепты-назидания на все случаи жизни, распространенные в эпоху средневековья, когда каждый феодал, умный или самодур, жил по удобным лишь ему нормам морали.

Так “баши”, определяя эти нормы, обозначил их запретом многих стихотворений великого туркменского классика Махтумкули Фраги, поэта-пророка и философа, равно которому еще не рождала наша земля. Он также наложил табу на творения поэта, переложенные народом на песни, избличающие ложь и бесчестье, зависть и жадность, ханжество и лицемерие сильных мира сего, насильников и хапуг, виновников горя, бесправия и обнищания широких масс. В том прошлом “отец нации” усмотрел сегодняшней день страны, себя и свое близкое окружение, чья политика довела экономику до кризиса, а туркмен до разорения и полуголодного существования.

В “творческом порыве” президент решил отредактировать известное стихотворение поэта-классика, сочтя, что тот недостаточно интернационален, упомянув в своих строках лишь пять крупных по тому времени племен, образующих вместе со многими другими родами единую туркменскую нацию. То ли в запале патриотизма, а скорее, национализма, в эйфории каких-то трансцендентных чувств, уводивших его в призрачный мир фантазии, он заявил:

— Почему Махтумкули обошел молчанием племена эрсары, сарыков, салоров? Будь он жив, непременно сам внес бы дополнение... Мы, его потомки, должны это поправить.

И новоявленный цензор повелел восстановить эту “историческую несправедливость” и стихи классика, жившего и творившего в XVIII веке, почти одновременно с Ломоносовым, Вольтером и Гете, были дописаны в “духе времени”, обретя “интернационалистское звучание”.

А ведь известно, что величие, честь и слава любого государства прибавляются величием национального писателя, художника, музыканта. Нельзя представить Францию без Вольтера и Мольера, Италию без Микеланджело и Леонардо да Винчи, Англию — без Байрона и Шекспира, Россию без Пушкина и Достоевского, Чайковского и Репина... Трудно даже вообразить, чтобы правители этих держав взяли бы на себя смелость редактировать своих классиков, разгонять писателей, художников, кинематографистов... А вот “баши” на такое решился.

И не только на это. Он отдает команду снести бульдозерами знаменитую ашхабадскую “Горку”, памятник античности, свидетельницу величия Парфии, видевшую легионы Александра Македонского и Марка Красса, а историки и краеведы молчат. Он переименовывает Чарджоу, древний город на Амударье, насчитывающий тысячелетнюю историю в Туркменабат?

С высочайшего одобрения не оставили камня на камне от сохранившегося даже после разрушительного землетрясения 1948 года добротного здания русской гимназии, памятника начала XX века, с коим была связана история дореволюционного Ашхабада. С позволения президента исчезли с бывшего здания Союза писателей мемориальные доски, установленные в память об аксакале туркменской советской литературы, Герое Социалистического Труда Б. М. Кербабаяеве и писателях-фронтовиках, погибших в минувшую войну.

Закрыт дом-музей первой туркменской советской поэтессы Тоушан Эсеновой. Предаются забвению имена национальных художников, писателей, музыкантов, артистов и других творческих деятелей, внесших огромный вклад в дело развития культуры Туркменистана.

Духовное и социальное насилие в стране принимает такие изощренные формы, что тут не приходится говорить об отсталости или недостаточной цивилизованности нашего народа. Что возьмешь с такого народа, если его президент одним росчерком пера закрывает десятки средних учебных заведений, научно-исследовательских институтов, саму Академию наук? После встречи с учеными в Институте истории, в декабре 1999 года, он не без бравады, заявляет, что, дескать, сократил 11 тысяч ученых (сюда, по всей вероятности, вошли учителя, преподаватели школ и вузов) и... ничего не случилось, мир не перевернулся!..

— Послушал я его суждения, — делился со мной сотрудник института, присутствовавший на этой встрече, — и небо мне показалось с овчинку. Все молчали: ни гнева, ни тени ропота. Все молчали — и я молчал, все мучительно раздумывал: что за кошмар, где мы живем?

Президенту не удается узнать настроение, подноготную каждого жителя страны, как к этому стремился средневековый правитель Гарун ар-Рашид. Легенда это или быль, но арабский халиф любил ошарашивать подданных переодеванием и появляться там, где его никто не ждал. Так он окутывал свое имя ореолом таинственности, непредсказуемости и даже мистики.

Ниязов также устраивает маскарад, изменяя свою внешность, наклеивает бороду, усы, наводит бесподобный макияж и в таком виде разъезжает по городу, посещает общественные места, заговаривает на улице с людьми... Следом — хвост телохранителей, телеоператоров, придворных журналистов...

Ну какая же может быть таинственность в преддверии “золотого века”? Тем более, двойников у туркменского “лидера”, как у Гитлера или Саддама Хусейна, нет. Слишком трудно подобрать схожий типаж: он мало на кого похож. Да и кто сейчас поддастся мистификации, тем более “чарам” Ниязова, если его телезрители видят днем и ночью, в самых разных видах, — от распекающего участников заседания Кабинета министров до позирующего фоторепортерам, киношникам...

После маскарада снимки его “таинственных” встреч публикуют в газетах, выдавая сей пассаж за “мудрость” и “отеческую заботу”. И сам же “баши” с телеэкрана делится впечатлениями инкогнито.

— То, что я переоделся, никто не знал, — взхлеб рассказывал он о своем очередном костюмированном представлении. — В таком виде я завалился к художникам, на выставку. Они, озабоченные своими делами, даже не глянули на меня, видно, приняли за своего, повернулись и куда-то пошли, — и Ниязов заливается дурашливым хохотом.

Шутовство тем более отвратительно, что оно оскорбляет национальные чувства туркмен, которых “баши” превратил в незаметных безмолвствующих статистов на сцене жизни, где режиссура и главная роль маскарабаза-шута принадлежит ему одному.

В своих выступлениях он то и дело предупреждает людей избегать крамольных разговоров, сплетен и наветов, а сам всякий раз скатывается до мелочных кухонных пересудов, а в своих действиях — до преследования всякого инакомыслия. Неуверенный в своей политике, обеспокоенный возможным взрывом людского возмущения, он наращивает силовые структуры, с помощью которых пытается запугать народ и как можно дольше удержаться у власти. В 400-тысячном Ашхабаде, во всех его трех этрапах (районах) он создал этрапские отделения КНБ. При Советах функции этих отделений исполнял республиканский КГБ, а его Ашхабадский городской отдел в годы перестройки было сочтено целесообразным ликвидировать. А теперь все возвращается на круги своя?

Человеку, после распада СССР не бывавшему в туркменской столице и велятских (областных) центрах, ныне они напоминают военизированные города наших соседей-иранцев: внутренние войска, полиция, армейские подразделения денно и ночно охраняют министерства, ведомства, учреждения, даже фирмы и компании; во многих местах введена пропускная система, без паспорта не сядешь в поезд или междугородний автобус, билет на проезд не обязателен, деньги обычно платят проводнику или водителю, который в свою очередь делится с вышестоящим начальником. Они же, в поездах и автобусах, помимо полиции, проверяют документы пассажиров.

Один известный врач мне говорил: “Если раньше извечной, но приятной проблемой было устроить сына или дочь в институт, то теперь одна, но страшная забота: чтобы дитя к наркотикам не пристрастилось или в тюрьму не угодило...”

Президент часто говорит об уважении к человеческой личности, будто восторжествовавшей в стране после обретения ею независимости, особо подчеркивая “свой путь и в защите прав человека”. Как это должно выглядеть, он подробно проинструктировал 20 апреля 2000 года на совещании работников правоохранительных органов, где призвал тщательно отбирать в свои ряды достойных, начиная с момента их поступления на правовые отделения высших учебных заведений или в Полицейскую академию. Претендентов на учебу или работу в этой сфере призвал “отец нации” “проверять до третьего колена, чтобы не оставалось ни малейшего сомнения в их абсолютной честности” (“НТ”, 21.04.2000).

Такие строгости, пожалуй, не вводились при советском тоталитаризме, когда, по известной сталинской формуле, сын не отвечал за отца, а тут скромный парень или девушка, с отличием

окончившие среднюю школу, с безоблачной биографией, собираясь поступить на юридический факультет или в Полицейскую академию, должны нести ответ за грехи прадеда на бытовой почве, о коих молодые люди и не ведают. Нонсенс! Но один сотрудник правоохранительных органов пояснил мне, что всякий отбор будет вестись по благонадежности, определяемой, главным образом, “лояльностью” к президенту. Но и тогда многие не смогут устроиться на работу, а молодые люди — на учебу, ибо в стране немало людей, недовольных политикой “баши”, и говорят они о том открыто.

И все же верные “сердару” правоохранительные органы стараются пропускать кадры через определенные фильтры. Сплошную стену казуистики возвели, к примеру, перед лицами устраиваемыми на службу в хозяйственные подразделения Президентского совета, Кабинета министров, Меджлиса, любого министерства или ведомства, скажем, на должность истопника, садовника, рассыльного, уборщика... Претендент должен заполнить анкетные данные не только о себе, о близких и родственниках, но также перечислить поименно братьев и сестер жены (мужа), если они замужем или женаты, указать год их рождения, а если кто-то из них умер, то в каком году и где похоронен. Можно представить, какие заковыристые вопросы задаются бедным кандидатам, собирающимся устроиться на работу в аппарат правительства или в правоохранительные органы, скажем, рядовым референтом, секретарем, следователем или постовым полицейским.

Президент, судя по его словам, видимо, озабочен нравственной чистотой рядов правоохранительных и судебных органов и потому призвал решительно очистить свои ряды от мздоимцев и взяточников. В те же дни, как бы в назидание и в знак доказательства, что “баши” не бросает слов на ветер, был лишен звания “подполковник внутренней службы” и привлечен к уголовной ответственности некий А. Ходжамов, получивший взятку в 100 американских долларов. Поделом, конечно. Об этом в республиканских газетах был даже напечатан специальный Указ президента Туркменистана, дескать, смотрите, как власть строга к лихоимцам.

Но почему та же власть закрывает глаза на крупных лихоимцев, и в сети правосудия попадает лишь мелочь. Ведь люди открыто говорят, что правоохранительные органы освобождают от ответственности закоренелых преступников, которым место только в тюрьме.

Не секрет, что от решетки можно откупиться солидной взяткой, сумма которой определяется статьей Уголовного кодекса: грозит тебе два года заключения — плати две тысячи, три года — три тысячи долларов, чем срок больше, тем и ставка выше. Зато свобода гарантирована.

Тлетворным дыханием мздоимства охвачена почти вся система образования. Поборы с родителей под различными видами существуют в школах и средних учебных заведениях. В вузах для абитуриентов установлена твердая такса: стать студентом института мировых языков можно, уплатив не менее трех-четырёх тысяч долларов, в туркменском госуниверситете преискурант выше: на юридический факультет без пятнадцати тысяч долларов не поступишь, в военных учебных заведениях взимают чуть скромнее, так как учиться на офицера после постылой службы в армии, от которой многие откупаются, охотников мало.

В связи с заметным сокращением приема в вузы страны, возрос приток в военные учебные заведения девушек, и генералы оперативно среагировали, увеличив мзду с родителей абитуриентов. Ведь над одними генералами стоят другие генералы, со звездами покрупнее и с аппетитами соответственно чину. Одно лишь вызывает недоумение: неужто президент, дотошно осведомленный о стодолларовом взяточнике, не знает о крупных лихоимцах, орудующих у него под носом? Ничего не может сделать — а может быть, не хочет?

На том же совещании Ниязов потребовал поскорее подготовить закон, подтверждающий решение об отмене обысков в домах граждан.

— Прежний порядок проведения обысков с сегодняшнего дня, — заявил он, — отменяется. Отныне его производство даже в домах лиц, совершивших тяжкие преступления перед государством, подозреваемых в применении или хранении оружия, будет осуществляться по прямому разрешению Президента.

Обыски — это, пожалуй, единственная сфера, где официально не распространялась власть “баши”, но зато фактически только с его личного ведома многие из них производились в домах лиц, не пришедших ко двору. Теперь он это решил закрепить законодательно. С какой стати? И насколько это разумно?

— Новая процедура обыска в домах и квартирах граждан нужна лично самому Ниязову, — сказал один из оппозиционно настроенных граждан Туркменистана, проживающий ныне вне пределов республики. — Его желание обыскивать дома, на которые он сам укажет. Это, конечно,

окажутся дома и квартиры людей, негодных режиму, несогласных с политикой президента. Ему кажется, что верные ему силовые структуры вяло борются с оппозицией, не пресекают в корне антиниязовские настроения. Вот для чего потребовался режиму новый закон.

Кстати, на криминальный характер действий туркменских властей, на “жучок”, гложущий общество изнутри и просочившийся во все сферы жизнедеятельности страны, первый обратил внимание посол США в Туркменистане господин Хьюс.

Отвечая на вопрос, как ему, не послу и официальному представителю правительства США, а простому американцу видится будущее Туркменистана, его дальнейшее развитие, он охарактеризовал его без особого оптимизма, “трудным”, видя главный тормоз в развитии общества в личных качествах президента Ниязова, который вместо того, чтобы вникать в дела государственного масштаба, разменивается на мелочи, занимается несвойственными президенту незначительными функциями, во всем подменяя других. Так у него до важных проблем и руки не доходят.

ТЕРМИНАТОР

Необычную историю поведали миру английские китаеведы. В середине XVII века, когда воинственные маньчжуры покорили великое государство Китай, самонадеянный император династии Мин, не перенеся такого позора, удавился на яблоне, которую после казни, заковав ее в цепи, отчего дерево и погибло. Китайцы к деревьям относились, как к живому существу: человека, срубившего яблоню или абрикос, убивали тем же способом, каким он погубил дерево.

Хороший закон, не правда ли? Особенно по отношению к губителям природы, не думающим о завтрашнем дне. Этот обычай китайцев вспомнился в мой последний приезд в Ашхабад, когда воочию увидел, как бульдозерами, электропилами, топорами сносили старые и молодые деревья Аллеи Дружбы, протянувшейся вдоль железной дороги, образуя на несколько километров живописный зеленый пояс в несколько рядов.

И у кого-то хватило ума в знойном Ашхабаде поднять руку на зеленого друга. Тем более на известную Аллею, с которой связаны многие славные страницы истории туркменской столицы. Более тягчайшего преступления быть не может.

По сию пору мой старший брат, учившийся тогда в Туркменском государственном медицинском институте, помнит, как в канун 10-летия Победы над фашистской Германией среди ашхабадской молодежи родилась инициатива: к знаменательной дате создать зеленую зону. Многотысячные отряды юношей и девушек, студенты ашхабадских средних и высших учебных заведений, демобилизованные воины, среди коих было немало вчерашних фронтовиков — участников Великой Отечественной войны — по воскресеньям и в свободные от учебы часы приводили в порядок пустыри и пустоши, простершиеся на огромной площади, проводили планировку, прокладывая арыки, разбивали газоны, высаживали молодые саженцы.

Эпопея строительства Аллеи Дружбы вписалась в биографии тех, кого мы ныне с почтением называем старшим поколением. И она, конечно, в памяти многих, ибо кто предаст забвению прошлое, тот рискует остаться без будущего.

И вот однажды с Аллеи Дружбы снимают таблички и переименовывают в проспект имени Гурбансолтан-эдже, в честь матери президента; сюда пригоняют армаду техники, отряд строителей — и от живописной Аллеи остаются лишь одни воспоминания. Ни деревца, ни кустика. Скоростным методом здесь проложили асфальтированную дорогу, уходившую одним концом на восток, а другим, через десяток километров приводивший в родное село президента — Кипчак, где красуется умопомрачительный по своему великолепию и размаху мемориальный комплекс, посвященный Гурбансолтан и мечеть имени Туркмен “баши”.

Ему стоит потребовать от своих верных спецслужб не утаивать, как его за глаза чествуют те горожане и аульчане, чьи дома, хозяйственные постройки, гаражи без их согласия пошли на слом, чтобы проложить “мамину” автостраду. Президенту не мешало бы послушать своих односельчан, осуждающих, что построил в память матери мемориал, прозванный “земным раем”, а сельское кладбище земляков, распростершееся через дорогу, предал забвению. Кипчакцы с горечью называют его “адом”, где могилы, заросшие колючкой сровнялись с землей. Обиду односельчан понять можно, когда знаешь, что “отец нации” на памятник своей матери, погибшей в землетрясение, истратил 18 миллионов долларов, а кладбище по соседству с мемориалом из-за неприглядного вида “скрыл” от посторонних глаз высоким железобетонным забором.

А между тем в центре туркменской столицы в 1990 году по инициативе ЦК КП Туркменистана и его первого секретаря Ниязова на многочисленном митинге был заложен камень, на котором и сегодня можно различить слова о том, что тут будет возведен памятник воинам-интернационалистам, погибшим в Афганистане. Сюда к нему меня однажды привел мой однокашник, получивший тяжелое увечье в той памятной войне.

— Всякий раз, когда прохожу тут, — рассказывал он с горечью, — этот камень жжет мне сердце, напоминает о боевых друзьях, павших в чужой стране. В боях за Афган участвовало, по официальным данным, 16 тысяч туркменистанцев, из них 1700 было ранено, 367 человек убито, подавляющее большинство — туркмены. Я далек от политики, но слышал: туркменское правительство не собирается ставить памятник погибшим “афганцам”, ссылаясь на то, что мы с нашими южными соседями побратались, а мятежные талибы — наши друзья, и память о войне их,

мол, оскорбляет. Не пойму, а в чем тут наша вина? Тех, кто пролил кровь на чужой земле? Отдал самое дорогое — жизнь. Не предаем ли мы, живые, мертвых?.. Не по доброй воле мы, солдаты, офицеры, вторглись в чужую страну. Никто из нас не хотел умирать или оставаться калекой на всю жизнь. Мы выполняли приказ Родины...

Неужто память о воинах-интернационалистах будет предана забвению? Пока о них, к сожалению, власти предерживаются и не вспоминают. Но зато по соседству, всего в нескольких десятках метров от сиротливо возвышающегося памятного камня, был срочно разбит сквер с фонтанами, а в его центре возведена величественная скульптура Гурбансолтан, держащей на руках малыша — будущего президента.

Впрочем, что бы ни судили-рядили о “божественном”, но в нем прочно сидит самодовольный автомобилист, не любящий объездных дорог, напоминающих ломаные линии. Шоферское лихачество сочетается в его характере с непомерной заносчивостью провинциального князька, которого извечно сосет червь тщеславия. Поэтому все, связанное со страной, особенно градостроительство, архитектура должны служить возвышению, культу его одиозной персоны.

По его прихоти в центре Ашхабада возвели 75-метровую Арку нейтралитета, увенчанную 12-метровой скульптурной фигурой Ниязова, на которую, как уже говорилось, ушло шестнадцать с лишним килограммов чистого золота. Но “чудо” не только в этом. Днем скульптура вертится вслед за солнцем, а ночью она делает еще пол-оборота вокруг своей оси, встречая восход.

Вот на какие чудеса способен туркменский “провидец”. Однако, он почему-то не сообразил, что его светлейший лик, возвышающийся над столицей, может быть заслонен от всеобщего любования городскими постройками, жилыми кварталами, высокими зданиями. То ли в тот момент “чародейство” ему изменило, то ли еще чем-то затуманилось его сознание.

История, тем более приближенные президента, умалчивают, когда же его осенило убрать все, что скрывает от взора скульптуру, снести препоны, мешающие прямому доступу к ней и беспрепятственному въезду в президентский дворец, — гордость “сердара”, о котором он, упиваясь “тысячелетней историей” туркмен, не без кичливости говорил: “Мой дворец простоит еще тысячу лет. Такую гарантию мне дали французские строители”. На что один из дворцовых служащих не преминул едко заметить: “Можно подумать, что через тысячу лет сам проверит достоверность гарантии”.

Воля “великого вождя” непререкаема. И вот, начиная с холмов, подступающих с юга к Ашхабаду, к Арке и от нее на север, до самого нового аэропорта, расположенного у кромки Каракумов, через весь город прорубили гигантский своеобразный коридор, снося все — административные здания, корпуса и цехи действующих предприятий, исторические памятники, зеленые насаждения, множество жилых домов, государственных, кооперативных, частных ... Не пощадили даже жилье ветеранов, “Горку”, памятник римской эпохи, не оставили камня на камне от нового хлебозавода ...

В свой последний приезд в Туркменистан, куда мне с трудом удалось получить въездную визу, я проехал по тому самому “коридору” — по вновь проложенной автостраде, как вдали на фоне синюющих гор, над Аркой независимости в косых лучах заходящего солнца, казалось, парила фигура “лучезарного”. Она не исчезала из поля зрения до тех пор, пока не подъехал вплотную к Арке. Вид на скульптуру, как я убедился в том после, открывался со всех сторон света. Словом, это то, чего так жаждал “баши”. Цена тому зрелищу четвертая часть разрушенного города, тысячи семей, согнанных с обжитых мест, лишившихся жилья и вместо крыши над головой получившие гарантийные письма. Улитка ползет, когда-то будет... Войны в Ашхабаде вроде не было, а переселенцы, скорее, похожие на беженцев, появились.

По пути в город вместо многолюдного окрестного поселка из двух- и четырехэтажных домов, возвышавшихся здесь в мой прошлый приезд, теперь я увидел сплошные развалины, горы мусора, среди коих виднелось множество тамдыров — глиняных печей, где туркмены выпекают чуреки. Они стояли целехонькие, как миниатюрные памятники-храмы, а бесхитростные надписи, оставленные на них съехавшим жильцами: “Тамдыр разрушать нельзя. Грех!” — свидетельство того, как неприкосновенен и свят для туркмена очаг — тамдыр.

Не удивительно, что бульдозеристы, экскаваторщики, чья народные обычаи, не решились поднять руку ни на один тамдыр, а вот “высокочтимый сердар” взял на душу великий грех, отдав приказ снести гигантский тамдыр — новый хлебозавод, обеспечивающий хлебными изделиями почти полгорода. Не случайно поэтому в Ашхабаде во второй половине дня не в каждой булочной найдешь

нужный тебе вид хлеба или булок. А ведь сносить хлебозавод не было никакой необходимости — он, оказывается, никому не мешал. Как и не мешало живописное здание кинотеатра “8-е Марта” с живописным сквером.

Участь быть порушенными постигли крупнейшие психиатрические клиники в Ашхабаде и Геокдепе, имевшие при себе наркологические отделения. А больных? Кого-то забрали родственники, кого-то отправили в отдаленные районы республики, где нет и не предвидится строительства приспособленных под стационары помещений. Непонятно, с какой целью одним из мест поселения душевнобольных избрали гиблое местечко Кизыл-Кая, по соседству с бывшими урановыми родниками, где, как известно, высокая радиация, а среди местного населения высокая смертность. Казалось бы, вот против чего поднять голос протеста правозащитным и экологическим международным организациям. Естественно, в такое захолустье, где отсутствуют нормальные условия для жизни и лечения больных, отказались выехать опытные специалисты — доценты, профессура.

Если проехать от президентского дворца прямо на юг, затем повернуть на запад и побывать на двух дорогах, ведущих по холмам и по предгорной долине к дачной Фирюзе, то воочию убедишься, как необуздан в своем экстазе туркменский терминатор. Под ножом бульдозеров оказались сотни и сотни домов, фруктовые сады, декоративные деревья, приусадебные участки... Особенно пострадали жители центра, чьи дома были расположены вокруг и вблизи президентского дворца, нанесен урон и тем, кто жил на южной окраине Ашхабада, в окрестном поселке Багир, дачном Вановском, Фирюзе...

Когда начали разрушать жилые дома в этих поселках, мимо которых часто проезжает “отец народа” на свою виллу, их жительницы с малыми детьми вышли на дорогу, остановили президентскую машину и пожаловались на произвол властей.

— Такого распоряжения я не отдавал, — Ниязов, не выходя из машины, сделал удивленное лицо. — Я приказал валить незаконные пристройки, старые сараи... Дома ваши никто трогать не будет.

И женщины, поверив “отцу”, успокоились и разошлись по домам. На следующий день “строителей” пришло вдвое больше. Их сопровождали полиция, городские и республиканские чиновники, Разрушительная работа пошла еще интенсивнее.

Бедные женщины, не подозревая, от кого исходит приказ, наивно надеялись на милосердие президента, решив еще раз перехватить его автомашину. Но им дорогу преградил заслон бравых ребят из ОМОНА. Матери семейств глазами провожали промчавшуюся на высокой скорости знакомую иномарку, во весь голос проклиная обманщика, развеявшего их последнюю надежду.

Можно представить, какие мытарства испытывают люди, оставшиеся без жилья, и что они думают о правителе, который в мирные дни, ради личного тщеславия и удобства, рушит жилье своих подданных и, оставив их без крыши над головой, не позаботился загодя, куда поселить бездомных. Могут ли быть они уверены в завтрашнем дне?

Одна ашхабадская жительница, ветеран труда, пережившая землетрясение, с горечью делилась:

— Просыпаемся мы с мужем каждое утро и почти в один голос: “Слава Аллаху, не продали нас еще туркам. Может не снесут наш дом сегодня?..” Поломали же бесцеремонно наш капитальный гараж, обошедшийся нам в добрые времена в три тысячи с лишним рублей. Красивый забор порушили, курятник, мастерскую мужа, распахали приусадебный участок с фруктовыми деревьями и огородом. Никто у нас на то согласия не спрашивал, и ущерба нам возмещать не думают. Попал муж на прием в хякимлик по поводу возмещения, а там над ним посмеялись. “Всем компенсировать — государство в трубу вылетит”, — ответили ему. Беззаконие и произвол, да и только. Гляди, не спросят, из дома выселят, как с тысячами ашхабадцев поступили.

— К властям, в суд обращались многие и получали от ворот поворот, — в разговор вступил ее муж, удивленный моей наивностью. — У них разговор короткий: “Такова воля президента”, и вопрос исчерпан. А кто его решение отменит? Чего доброго, еще в бузотерстве обвинят, за решетку упекут. Все делается с его ведома.

— Еще дом назло снесут, — добавила жена. — Живем, как на вокзале. А ведь президент должен быть гарантом Конституции, законности, а он — главный нарушитель.

Ее муж, до недавнего времени работавший в Иране, рассказал о случае, происшедшем в Мешхеде с хозяином мелочной лавки, подлежащей сносу. Власти города официально обратились к

владельцу разрешить перенести торговую точку, занимавшую небольшую площадь, на другое место, предлагая уплатить за ущерб несколько десятков тысяч долларов. Хозяин не соглашался до тех пор, пока не выплатили требуемую им сумму. Лишь после этого торговец освободил помещение, ему помогли перевезти все товары, выделили бесплатно транспорт, рабочую силу.

— Это в Иране, — продолжал он, — о котором нам всегда твердили, что там царит произвол, нет демократии, ущемляются права человека... А у нас приходит представитель власти и командует: “Немедленно освободить!” Ни транспорта, ни рабочей силы тебе в помощь. Я уж о возмещении материального ущерба и не заикаюсь.

Судя по размаху разрушения жилого фонда, Ашхабад видится властям, прежде всего, как административный, политический, торговый и туристический центр с министерствами и ведомствами, офисами и супермаркетами, отелями и музеями, стадионами и ресторанами, дискотеками, казино и другими увеселительными заведениями, способными привлечь туристов, любителей экзотики, особенно из богатых европейских и азиатских стран. При наплыве в туркменскую столицу “денежных мешков” жилье “гарамаяков”, их убогость, беднота будут контрастировать с великолепием новостроек и образом жизни “новых туркмен”. Чтобы “чернь” не мозолила глаза, не смущала приезжих богачей, власти выселили из города не только душевнобольных, заключенных, подследственных, наркоманов, алкоголиков, но и жителей победней, чей вид и образ мыслей могут смутить иностранцев или дать пищу для раздумий представителям международных правозащитных организаций.

Шила-то в мешке не утаишь. Диктатор, отдавая приоритет административному строительству, выносит безжалостный приговор домашним очагам своих подданных. На заседании Кабинета министров обсуждают какие угодно вопросы — о строительстве дворцов, отелей, фонтанов, о разработке новых законодательных актов, фактах продажи туркменских паспортов и т.д., но очень редко о сооружении нового жилья, особенно для малоимущих и многодетных семей, которыми и ныне рекордно отличается Туркменистан. Невооруженным глазом видно, что политика нынешних властей не что иное, как закамуфлированный геноцид собственного народа.

ПОКУШЕНИЕ НА ТРОПУ МАКЕДОНСКОГО

Неужто все так плохо в королевстве туркменском? Отнюдь. В первые годы своего правления Ниязов взял за правило в зарубежные вояжи отправляться чуть ли не всем правительством. Так он ездил в США, Саудовскую Аравию, Турцию...

Как-то, находясь в Мекке или Анкаре, “вождь” после очередного ночного возлияния, чего настоятельно не советовал делать в мусульманской стране тогдашний министр иностранных дел Абды Кулиев, проснувшись поутру, с расстроенным видом поведал соратникам о своем сне. Приснилось, будто оставшийся в Туркменистане один из его заместителей по Кабинету министров, заломив ему, президенту, руки за спину, ведет в зиндан.

— Наверное, этот осел, — заключил “баши”, — поднял в стране путч, захватил власть, сел на мое место...

— Пустой это сон, мой сердар, — поспешил успокоить его Оразгельды Айдогдыев, угодливо заглядывая хозяину в глаза. — Сны не сбываются, не верьте...

— Вот, дурак! — нервно засмеялся президент и грязно выматерился. — Как можно снам не верить?

Президент, не завершив программу пребывания в стране, заторопился с отъездом.

Одно время в Ашхабаде воцарилось спокойствие: перестали сносить жилые дома, вырубать деревья... На радость горожанам президент будто приказал на пять лет законсервировать разрушительные работы. Прошел слух: “царственному” сыну приснилась мать, и будто она его укоряла: “Ты хоть и падишах страны, но зачем рушишь жилье людское? Это же слезы, страдания! Не бери, сынок, грех на душу!”

Видно, устыдившись упреков матери, думали люди, президент взялся за устройство личных дел. Из-за границы приехал сын Мурат, занявшийся отцовским автопарком, где скопилось свыше двухсот подарочных иномарок. Надо же их распродать, пока не заржавели, не вышли из строя. А сам “вождь” занялся строительством, о котором мечтал с давних пор...

Не давала ему покоя история, связанная с Ниссой, некогда столицей древней Парфии, развалины коей и по сей день простираются у подножья Копетдага, где, по преданию, по взгорьям и холмам, проходила тропа Александра Македонского. Ее история известна каждому туристу. Но не каждый мог дойти до мысли, чтобы собезьяничать и создать “свою” тропу, проложив ее по тем же самым местам, где некогда совершал прогулки Искандер Двурогий, хотя за минувшие тысячелетия сменился сонм царей и консулов, падишахов и султанов. Туркменский “вождь”, завидуя славе великого полководца, приказал построить “тропу Туркмен “баши””.

И вот у горных гряд взрвели моторы тяжелой техники: бульдозеров, грейдеров, дорожных катков. На помощь ашхабадским строительным предприятиям прибыли автотранспортные средства из Мары и далекого Лебапа, что на берегах Амударьи. Двадцати пяти министерствам и ведомствам — каждому по километру — поручено сооружение “Дороги сердара”.

Сегодня пешеходная ступенчатая дорога взвилась по грядам, протянувшись на двадцать пять километров. Пятиметровая по ширине, она выложена бетоном на арматурной сетке, ограничена бордюрами, которые венчают перила. Есть тут и мраморные куполообразные беседки со смотровыми площадками, освещенные ночью электрическим светом. Здесь предусмотрено все: от монументальной въездной арки до стоянок автомобилей у подножья горы. На сооружении президентской прихоти был освоен новый скоростной метод строительства — все материалы, начиная от импортного бетона и мрамора, кончая стальной арматурой и водой, доставлялись туда вертолетами, ибо машинам на взгорья не взобраться.

Будь великий македонец жив, он, пожалуй, позавидовал бы изобретательности своего “преемника”.

Побеленной и выкрашенной, словно вылизанной предстала дорога 2 января 2000 года для участников церемонии открытия ее первых километров, у живописного подножья горы Гиндувар. Там, на устеленной дорогами туркменскими коврами площадке, во главе с “баши”, выряженном в спортивный костюм, собрались руководители министерств и ведомств, представители общественности и даже старейшины страны. Президент, перерезав ленту, поприветствовал собравшихся, обратился с призывом совершить восхождение на гору и затем — марш-бросок к

древнему городищу Нисса, куда ведет теперь “Дорога сердара”.

Ниязовский марафон напомнил моему престарелому дяде давний заплыв “великого кормчего”, на склоне лет одолевшего вплавь Янцзы или Хуанхэ.

Немного времени потребовалось “царственному” сыну, чтобы забыть и сон, и мать, и ее наставления. В “баши” снова проснулся терминатор. Там, где раньше возвышались добротные жилые дома, шумели на ветру платаны, нынче — пустошь, в лучшем случае, зеленые лужайки и засохшие саженцы молодых деревьев; особенно беспощадно избавлялись от растущих вдоль арыков и обочин дорог многолетних деревьев и густых зеленых насаждений: вдруг за ними, на пути президента, устроят засаду террористы.

Однако, не все скверно в “королевстве туркменском”. На южной окраине столицы, вдоль президентской автострады, ведущей в Фирюзу, радуя взор “вождя”, выросли его детища — многоэтажные корпуса комфортабельных отелей. Из стекла и бетона, с фонтанами и плавательными бассейнами, обсаженные эльдарскими соснами и пирамидальными тополями. Я насчитал их около двадцати, помимо еще строящихся четырех. На двух не видно строителей: строительство законсервировано из-за недостатка средств.

Большинство отелей пустует, в Туркменистан приезжает не столь много гостей; немало размещено в них офисов компаний и фирм, а в оставшихся единицы приезжих или вовсе никого нет. Иные отели, еще не приняв гостей, уже нуждаются в ремонте: жилье, не обогретое человеческим теплом, разрушается на глазах. Для четырехсоттысячного Ашхабада такое количество пустующих отелей-гигантов — расточительство непомерное: их эксплуатация влетает государству в копеечку. Безлюдны они почти круглый год, их содержание разорительно. Приезд же гостей также сдерживает и введение въездных виз. Подобные меры туркменских властей вольно или невольно отчуждают жителей Туркменистана от своих соседей и в первую очередь от СНГ, не говоря о духовно-нравственном ущербе, наносимом самим туркменам. Это также пагубно отражается и на бюджете страны.

Международный аэропорт, обошедшийся в сто миллионов долларов, поражает своим размером и безлюдьем бесчисленных залов, помещений, гулких длинных коридоров, находящихся почти постоянно под замком...

Еще один гигантский спортивный комплекс, стоимостью в 31 миллионов долларов, который, дай Бог, заполнить спортсменами и зрителями лет эдак через сто.

Грандиозный гидрокаскад с фонтаном, увенчанный десятиметровой бронзовой скульптурой президента в центральной части Национального парка.

Величественный дворцовый комплекс “Рухиет”, лишь один конгресс-зал которого вмещает три тысячи человек.

А пустующий президентский дворец, на сооружение коего затрачено сто миллионов долларов, по размерам и занимаемой площади превосходит Белый дом, резиденцию и канцелярию президента США в Вашингтоне. Площадь перед дворцом “Баши” и прилегающий к ней новый архитектурный комплекс ошеломляет своей грандиозностью и имеет, если верить местной прессе, “судьбоносную значимость для нынешнего и будущих поколений”.

Гигантомания, по всей вероятности, — болезнь неизлечимая. Ее метастазы по воле “вождя” перекачуют и в “золотой век”. В первые годы XXI столетия намечено строительство нового здания меджлиса; в местечке Гиндувар “сердар” пожелал увидеть новую арку высотой в 91 метр (в 1991 году Туркменистан обрел независимость), увенчанную Государственным флагом. Там же намечается возвести новую мечеть, а на пересечении двух улиц в районе аэропорта — монументальные въездные ворота, наподобие Бранденбургских или, скажем, как на Елисейских полях в Париже.

Тщеславие — не единственный двигатель гигантомании. Чем величественнее стройка, тем больше выделяемых на нее государством средств. Отсюда и солидные проценты, предоставляемые посреднику, содействующему соглашению сделок между кем-либо. И тут “баши” проявляет личную заинтересованность, выступая в роли агента-посредника, подписывая договоры с представителями различных компаний, фирм, акционерных обществ. Нередко он представляет и коммерческие интересы сына, забывающего за рулеткой о существовании своей крупной фирмы в Греции, коммерческого дела в Туркменистане и пятизвездочного отеля в Ашхабаде. Неужто в круг обязанностей президента страны входит и функция заключать сделки с кем придется?

“Вождь” нередко после очередного музыкально-танцевального шоу, с которым его повсюду встречают, с купеческим размахом раздает самодеятельным артистам и отдельным исполнителям по

десять-пятнадцать тысяч долларов со словами: “Это мои лично заработанные...” Кстати, к 55-й годовщине Дня Победы он наградил денежной премией оставшихся в живых участников Великой Отечественной войны по одному миллиону манатов, что равно немногим более 60 долларов по ценам сегодняшнего черного рынка. “Баши”, может быть, и расщедрился бы на большее, не будь ветераны так сдержанны в похвалах в адрес президента. А в канун 2000 года Ниязов распорядился всем учащимся школ, студентам вузов и лицеев, военнослужащим срочной службы вручить памятные подарки — наручные часы с портретом “сердара”.

Ниязов даже метил в Нобелевские лауреаты (аппетит приходит во время еды), о чем трезвонили все туркменские газеты. Но сорвалось. Уж больно привередлива Шведская академия: диктаторам, оказывается, Нобелевскую премию не присуждают...

Конечно, Швеция — это не Туркменистан, в собственной стране своя рука — владыка.

В канун 55-ой годовщины Дня Победы “баши” вовсе удивил страну: всех соотечественников, павших в Великой Отечественной войне, объявил национальными героями; так же, как в свое время он провозгласил всех туркмен, погибших в конце XIX века при защите Геокдепинской крепости от нашествия русских войск. И только своему отцу Атамурату Ниязову президент специальным указом присвоил звание Героя Туркменистана, (посмертно).

Одно из зарубежных агентств, кажется, Франс-пресс, не замедлило откликнуться на это событие, отметив, что туркменский президент по-родственному присвоил высшую степень отличия своему отцу, который ни на фронте, и вообще в своей жизни не выслужил даже одной медали.

ОБМАНУТЫЕ НАДЕЖДЫ

С афганским туркменом Хакназаром Шихберды оглы я познакомился в январе 1980 года, вскоре после того, как в Афганистан вошли советские войска. Наша часть, сформированная в Кушке в основном из рядовых, сержантов и офицеров запаса, в боевых операциях не участвовала, и мы отдельными небольшими гарнизонами охраняли важную стратегическую автотрассу Кушка-Герат-Кандагар, построенную при техническом содействии Советского Союза.

Хакназар, узнав, что в нашей части немало туркмен, пришел в поисках своих родственников, с которыми он и его родители разлучились в годы коллективизации. Хакназар, плотный, сбитый эрсаринец, в европейском пиджаке и в туркменских шароварах, с темными живыми глазами на светлом цвета пшеницы лице, окончивший в Афганистане школу-двенадцатилетку и какой-то бизнес-лицей, свободно говорил по-английски, на фарси и пушту, ездил по коммерческим делам в Пакистан, Индию, Англию, был на редкость общителен.

Зная о моем отношении к юриспруденции, Хакназар больше всего расспрашивал меня о Конституциях Туркменской ССР и СССР, о советском уголовном Кодексе, о возможности принять советское гражданство. Его также интересовало, наказуемо ли вынужденное нарушение границы Советского Союза иностранцем. Рассказывал о своих земляках, тайком переходивших в Туркменистан, где их задерживали, осуждали на какой-то срок и, отбыв наказание, они оставались на туркменской земле.

С Хакназаром Шихберды-оглы во второй раз я встретился спустя долгие годы, осенью 1994 года, в Ашхабаде, куда он приезжал по коммерческим делам и случайно оказался приглашенным на III Конференцию туркмен, созданную Гуманитарной ассоциацией туркмен мира. Он безмерно радовался такому счастливому совпадению и, потрясая республиканскими газетами, опубликовавшими выступление президента Ниязова на этой конференции, восторгался:

— Сам Аллах послал туркменам такого президента! — говорил он. — Вот кто теперь о нас, афганских туркменах, позаботится. Обращаясь к нам “дорогие соотечественники”, он призвал: “Возвращайтесь на Родину сами. Творите добро здесь. У каждого туркмена, в какой бы стране он ни проживал, должно быть такое стремление” (“ТИ”, 27.10.94).

Уж больно пришелся по душе моему афганскому приятелю туркменский президент, особенно своей словоохотливостью и эмоциональной клятвой памятью Огузхана, колыбелью сельджуков:

— Я первым подам заявление на право стать гражданином Туркменистана, — продолжал он. — Мое имя будет в числе этих двух тысяч туркмен, которых Сапармурат Ниязов обещает вернуть к родному очагу.

Спустя два года, в Ашхабаде собралась очередная IV конференция туркмен мира, на которой выступил президент Ниязов, снова повторивший свое приглашение. “Если пожелаете, приезжайте, двери для вас открыты всегда”, но прозвучало оно более сдержано, с оговорками.

Не видели Хакназара и на минувшей V-ой конференции, прошедшей в декабре 1999 года. Оказывается, мой афганский приятель, собиравшийся на конференцию, был арестован и убит сторонниками движения “Талибан”, состоявших из радикальных студентов, богословов, воспитанных на территории Пакистана муллами и военными инструкторами. Талибы в сентябре 1996 года, захватив Кабул, овладели также Газни, Кандагаром, Гератом и стали преследовать туркмен, узбеков, шиитов-хезарийцев, исмаилитов-бадахшанцев, словом, все национальные меньшинства, сотрудничавшие с узбекским вождем Рашидом Дустумом, президентом Бурханудином Раббани и лидером таджиков Ахмадом Шахом Масудом.

Дела красноречивее слов: вышедшие на границу с Туркменистаном войска “Талибан”, без всяких осложнений и трудностей установили доверительные отношения с туркменским “вождем”. Ашхабад в пику России, обладающей в Средней Азии монополией на транспортировку нефти и газа, по всем существующим трубопроводным веткам, ставит на талибов, отношения с которыми туркменские власти пытаются держать в секрете. Тем более появился проект трубопровода через Афганистан на Пакистан. А поэтому Туркмен “баши” заинтересован, чтобы в Афганистане воцарились мир, стабильность, которые, по его мнению, могут установить только талибы. Однако воинственные богословы пока не могут подняться выше узко национальных пристрастий: в непустунских районах они ведут себя куда жестче, чем в пуштунских. Так, они немилосердно

обошлись с туркменами, узбеками, населявшими многие пограничные с Туркменистаном и Узбекистаном северные районы Афганистана.

С наступлением талибов на районы, где проживают национальные меньшинства, бывший полковник афганской армии, писатель Абдыкерим Язы, предварительно договорившись с туркменской стороной, организовал в афганском селе Маручак группу более чем из ста туркменских семей, готовых переселиться в Туркменистан. Каково же было удивление беженцев, перешедших границу, когда туркменские власти отказали им в убежище и вынудили их вернуться назад, в лапы вооруженных талибов.

Известный общественный деятель, афганский писатель и журналист Шамухаммед Язмаз по просьбе трехсот туркменских семей, эмигрировавших из Афганистана в Иран, обратился к туркменским властям с просьбой предоставить им убежище. Согласие было дано, но когда они перешли нейтральную полосу, то на их пути встал вооруженный кордон из туркменских пограничников.

После объявления Туркменистаном независимости афганские граждане неоднократно большими группами, спасаясь от боевых действий, переходили на туркменскую территорию. К примеру, в дни работы IV-ой конференции туркмен мира, то есть 25 октября 1996 года, когда Ниязов “любезно” приглашал соотечественников в “открытые двери” страны, несколько тысяч афганцев перешли на территорию Туркменистана. Месяц спустя, 2500 членов противоборствующей талибам группировки тоже вынуждено пересекли туркменскую границу.

Во всех случаях тех, кто искал спасения на туркменской земле, задерживали пограничниками и армейскими подразделениями. Затем туркменские власти предавали этих несчастных, всячески добиваясь их возвращения в Афганистан.

Придерживаясь жесткой позиции в отношении беженцев, туркменские власти соблюдают верность своей... двурушнической, демагогической политике: 12 июня 1997 года Меджлис Туркменистана принял Закон “О беженцах”, гарантирующий оказание необходимой материальной и правовой помощи, оформление статуса беженцев и т.д. Но, как говорится, бумага все стерпит. На деле же, ни одно из положений Закона не действует, обращение с беженцами, мягко говоря, не ахти гуманное.

Летом того же года, уже после вступления в силу Закона “О беженцах”, страну облетело сообщение зарубежных радиостанций о том, что афганские туркмены оказывают талибам вооруженное сопротивление (всякая информация в Туркменистане об афганских или иранских туркменах, особенно беженцах, властями упорно скрывается). В конце июня 1997 года до восьми тысяч афганских туркмен, целыми семьями, стар и млад, со всем имуществом и скотом, спасаясь от преследования вооруженных богословов, попытались укрыться на территории Тахта-Базарского района Туркменистана. На их пути встал заслон из сил пограничных войск и армейских подразделений, беженцы были разоружены и размещены в палатках, установленных в прилегающей к границе двухкилометровой зоне. Такая близость к границе лагеря беженцев позволяла регулярно обстреливать его из стрелкового оружия из Афганистана. В результате несколько человек получили ранения, в том числе и туркменские граждане. У беженцев не было необходимых запасов продовольствия и медикаментов, а туркменские власти о том и не думали заботиться. Среди раненых беженцев и детей отмечались случаи со смертельным исходом.

Так, для тысяч обездоленных афганских туркмен Родина предков обернулась злой мачехой. Край отчий — Туркменистан — не стал им роднее даже с объявлением долгожданной независимости.

ОТЕЦ ИЛИ ОТЧИМ?

История туркмен сложилась так, что после присоединения Туркменистана к России царское правительство 9 декабря 1881 года заключило с Ираном договор, по которому юго-западная часть туркменской земли с живущим на ней народом была разделена между договаривающимися сторонами. Так многие туркменские племена и роды поневоле оказались на территории, отошедшей к Ирану. И для них в одночасье родина обернулась чужбиной. Лишенные всех прав — права на образование на родном языке, на развитие культуры, национальных обычаев и традиций, на исполнение религиозных обрядов — туркмены попали в положение изгоев, и поныне подвергающихся насильственной ассимиляции.

История борьбы иранских туркмен за свое место под солнцем знает немало примеров, когда тысячи и тысячи сынов и дочерей народа были казнены, заключены в тюрьмы или изгнаны из страны. К примеру, в событиях 1979 года, решивших судьбу монархического режима династии Пехлеви, туркмены, как и многие другие национальные меньшинства Ирана, сыграли не последнюю роль. В ходе бурных политических процессов сторонники построения исламского государства посулили национальным меньшинствам предоставить культурную автономию, но после прихода к власти исламисты изменили своему слову. Они развернули кампанию по тотальному уничтожению своих вчерашних союзников, истребив десятки тысяч активных участников революционного движения, а оставшихся в живых вынудили искать прибежище за рубежом.

Это было не что иное, как политика устрашения трех миллионов иранских туркмен, проживающих на северо-востоке страны, то есть в Туркменской степи, которую они не без гордости называют Южным Туркменистаном, что строго запрещено иранскими властями. Вся эта компактная территория, на которой и поныне живут в основном туркменские роды и племена, поделена между провинциями Хорасан и Мазендаран, населенными, главным образом, персами или титульной нацией, как ее тут называют.

Административная экзекуция, проведенная иранскими властями над Южным Туркменистаном, лишила его население всего: управления, планирования, права распоряжаться бюджетом, решать насущные, будь то экономические или социальные задачи, от которых зависит развитие общественного производства. Несмотря на неприкрытый геноцид, проводимый иранскими властями, требования туркменского общества остаются более чем скромными: организация культурной автономии, открытие национальных школ, хотя бы с начальными классами, создание минимальных условий для развития национальной культуры: публикация классиков, издание газет и журналов на родном языке.

Вот что рассказывает ученый-историк Акмурад Гургенли, едва спасшийся от произвола иранских властей, ныне работающий на радиостанции “Свобода”:

— После прихода к власти нынешнего режима, — пишет он, — были закрыты писательская организация (как это похоже на действия Туркмен “баши”), газета, выходившая на туркменском языке — “Туркменистанын хабарнамасы” (“Вестник Туркменистана”). Известные представители интеллигенции, причастные к писательской организации и указанной газете, были казнены или исчезли бесследно. Все это привело к массовой эмиграции иранских туркмен.

Среди тех, кто эмигрировал в бывший СССР, было немало членов запрещенной народной партии ТУДЕ, являвшейся единственной в Иране партией, которая поддерживала идею создания в этой стране Туркменской автономии.

После распада Советского Союза права беженцев в нейтральном независимом Туркменистане стали заметно ущемляться. Вот факты.

В марте 1996 года тридцать два иранских туркмена, проживающих в Туркменистане, обратились с письмом к министру иностранных дел Туркменистана Б. Шихмурадову.

Организация “Красного Креста и Красного полумесяца”, занимавшаяся ранее проблемами политэмигрантов, говорилось в коллективном письме, перестала решать их проблемы и даже отрицать наличие у иранских туркмен, проживающих в Туркменистане, статуса политэмигрантов. Их паспорта, выданные еще советскими властями, в настоящее время не признаются в СНГ и, следовательно, их обладатели, будучи политэмигрантами, не могут выехать за пределы Туркменистана. Одной из главных проблем, с которыми сталкиваются иранские политэмигранты в

Туркменистане, — это ущемление их прав человека. К примеру, лидер автономического движения иранских туркмен Арзанеш Велимухаммед, работающий преподавателем арабского языка в Туркменском институте мировых языков имени Азади, до сих пор не получил статус политэмигранта. И таких немало. Власти же Туркменистана это письмо оставили без всякого внимания. Не последовало никакой реакции и тогда, когда политэмигранты довели свое обращение до мировой общественности через туркменскую радиослужбу “Свобода”.

Эксперты подсчитали, что за годы независимости Туркменистана его президент посетил Иран, официально и неофициально, свыше 60 раз! Это не считая вояжей, совершаемых его заместителями, министрами, председателями комитетов, лицами ближайшего президентского окружения, малыми и большими руководителями, религиозными деятелями и т.п.

В ходе этих посещений инициатива, как правило, оказывается за иранской стороной. Она без обиняков ставит перед “туркменскими братьями” вопросы, имеющие престижное значение для “титупной нации” и, конечно, успешно их решает. К примеру, иранским властям Туркменистан передает их граждан, в основном осужденных за участие в наркобизнесе и нарушение государственной границы. В Ашхабаде, в экологически благополучном районе, иранцам отведена огромная территория, раскинувшаяся в двух городских кварталах. Помимо здания посольства и его служб, а также жилых помещений, они возводят мечети, открывают медресе, свои фирменные магазины и супермаркеты, распространяют религиозную литературу, а в вузах республики функционируют отделения по подготовке специалистов фарси, в иных школах вводится также изучение этого языка. В туркменской столице уже несколько лет действует культурный центр Ирана, где проводятся фестивали иранских фильмов, работают курсы по обучению персидскому языку, изучается культура и национальные традиции этой страны, ее народа.

Что же туркменская сторона? Казалось бы, президент страны, “обладающий мудростью пророка”, объявивший себя защитником всех туркмен и даже присвоивший себе титул “главы туркмен”, палец о палец не ударил, чтобы не только остановить геноцид своих соотечественников, живущих в Иране, но и не попытался защитить в своей стране политэмигрантов, узурпировал элементарные человеческие права беженцев и вопреки здравому смыслу даже приказал поскорее “выдавить их из Туркменистана”.

По подсчетам демографов, за пределами страны проживает свыше пяти миллионов этнических туркмен, во всяком случае, их не меньше, чем в самом Туркменистане. И с обретением независимости в Туркменистан намеревалось переселиться немало соотечественников, особенно из Афганистана и Ирана, у коих на земле предков осталось немало родственников.

Президент Ниязов, поначалу громкогласно объявивший, что все туркмены на родине предков обретут свой дом, вскоре пошел на попятную. Что случилось? Дело не только в непостоянстве, неуравновешенности характера “баши”, который ради дешевой славы может выдать векселя и тут же изменить своему слову, но и в том, что его авторитарный режим правления привел страну к экономическому кризису, породил волну безработицы, а отсюда и все вытекающие последствия.

Куда же девать приток эмигрантов, беженцев, когда “своими” безработными хоть пруд пруди? И “отец” всеми правдами и больше неправдами возвел искусственные преграды на пути зарубежных туркмен, стремившихся на свою историческую родину. Им еще и квартиры подавай. Где их напасешься?

Президент, как всегда, остается верен себе: даже с обездоленными людьми ведет двойную игру, страшась признаться в своей несостоятельности. Змея, как бы не извивалась, а в нору вползает выпрямившись. Но “баши” бесподобен: он, пожалуй, и в нору сможет вползти извиваясь. Нет, чтобы сказать правду о создавшейся ситуации, так он даже на V конференции туркмен мира, прошедшей накануне 2000 года, продолжал изворачиваться и лгать, суля соотечественникам золотые горы, хотя многие, кто слушал его, уже давно в нем разуверились. Недаром туркмены говорят: “Не иди ночью на огонь, днем — на дым”. Не дойдешь: огонь может потухнуть, дым — развеется. Так и ниязовские посулы подобны миражам.

Однако “отца нации” больше всего заботит соотношение родов и племен в Туркменистане. Открой двери в страну, как он обещал, особенно афганским и иранским туркменам, которых в своем подавляющем большинстве представляют иомуды, эрсары, сарыки, салоры, и сложившаяся в Туркменистане устойчивая система преобладания текинцев нарушится. Не секрет, что суть политики “баши” в комбинации авторитаризма и нефтедолларов.

А большой приток в страну нетекинских племен изменит соотношение сил, клановый баланс

может трансформировать уже сложившиеся племенные институты.

Вот эта гнетущая мысль больше всего не дает покоя “сердару”. Он уже давно заметил, что зарубежные туркмены, в отличие от “своих”, более раскованны, в них меньше комплексов, имеют опыт борьбы с властями. Особенно беспокойны иомуды, не единожды выступавшие с оружием в руках против царского режима, советского и иранского правительства. Это и настораживает “отца нации” больше всего. Пусть уж тогда каждое “дитя” живет подальше от своего “отца” — так спокойней родителю. Тем более он им вовсе не “отец”, а только отчим.

“УСЛЫШАВШИЙ ВИДЕВШЕМУ ВЕДАЕТ...”

(Еще один рассказ ветерана)

В очередной приезд Халила-ага Аннаева в Подмоскowie, куда в последние годы переселилось много туркменистанцев, среди коих есть и его родичи, он привез мне целую кипу вырезок из газет и журналов, издающихся в Туркменистане. Эти материалы, дополненные живым рассказом ветерана, очень помогли мне продолжить свое документальное повествование. Отдельные факты знакомы по моим прошлым поездкам в Туркменистан, а иные Халил-ага сопровождал запоминающимися комментариями.

Его больше всего обескураживало верхоглядство, поверхностность суждений отдельных заезжих авторов, чьи “впечатления” печатаются в местной прессе. Правда, таких публикаций мало, их сочинители видят одну, парадную сторону туркменской жизни, на которую они взирают сквозь розовые очки. Вот что пишет украинский путешественник Владимир Чередниченко: “Конечно, и на Украине мы много строим: мосты через Днепр, нефтетерминал Одесса — Броды, новые модели самолетов “АН-70” и “АН-140”... Но чтобы такой размах, как в Туркменистане!.. Десятки, сотни новых заводов, фабрик, железные и автодороги, пятизвездочные отели... Мне довелось побывать в разных странах мира, но нигде не слышал о государстве, которое своим гражданам бесплатно дает, например, воду, электроэнергию, природный газ...” (“НТ”, 17.08.98).

Не меньше ахов и вздохов и у другого автора, Александра Безлюдко, механика, захавшего в Ашхабад из Южно-Сахалинска. Пробыв в стране всего десять дней, не выехав даже за первый семафор, он судит обо всем Туркменистане в целом, как “о сияющей жемчужине не только среди стран СНГ, но и самой прекрасной стране на всем Великом шелковом пути”. (Лестно, конечно, слышать подобное о своей Родине, но все хорошо в меру.) И, “моля у Всевышнего долголетия и доброго здоровья для дорогого Сердара”, которого видел лишь на бесчисленных портретах и скульптурах, сей лирик-механик восторженно заявляет не только от себя, но и от имени всего туркменского народа: “Лично Вы для меня — образец мудрого вождя, который любит свой народ, а народ отвечает ему такой же искренней любовью и глубоким уважением” (“НТ”, 05.11.99).

— И впрямь, как говорят в народе, услышавший видевшему о новостях ведает, — перебивает мои мысли Халил-ага. — Помню, в первые годы независимости, когда Ниязова провозгласили президентом, его часто российская пресса критиковала. Теперь же о нем больше пишут хвалебное, особенно лезет из кожи парочка журналистов из “Независимой газеты”, чаще выступающих под псевдонимами. И не потому, что он стал руководить лучше, стало меньше недостатков и республика пошла в гору. Нет, Ниязов хоть и хвастается по привычке, что за восемь прошедших лет “пройден путь, равный столетиям,— это лишь фраза, на деле страна загнана в “черную дыру”.

— А так называемый развал экономики при Гапурове — это выдумка, — продолжает Халил-ага Аннаев. — О каком кризисе можно говорить, если к началу независимости Туркменская ССР производила 85 миллиардов кубометров природного газа, 5,5 миллионов тонн нефти, более 10 миллиардов киловатт-часов электроэнергии, 1,5 миллиона тонн хлопка-сырца, 400 тысяч тонн серы, много шерсти, шелка, каракуля, ковров... И все это в чистом виде, реально, то есть без приписок, не как сейчас.

Убедительные выкладки старого экономиста как бы подтверждает и бывший министр иностранных дел Туркменистана Абды Кулиев. “К независимости Туркменистан пришел с сильной экономикой, — свидетельствует экс-министр, кстати, выдвигенец самого Ниязова, но в отличие от него — человек прямой, честный, не потерпевший двуличия и порочного характера своего шефа и потому не пришедшийся ко двору деспотичного правителя. — У него не было никаких долгов ни одному государству мира, в том числе и России. После развала СССР с Москвой было подписано соглашение о нулевом варианте долгов, по которому ни одна из сторон не имеет права предъявлять претензии к другой”.

Ныне же Туркменистан одной лишь “братской” Турции задолжал 5 миллиардов американских долларов. А между тем Ниязов с завидной настойчивостью утверждает: “За восемь прошедших лет мы добились огромных результатов в становлении и развитии экономики...”

Бумага терпит и не такое. Знакомство человека с положением дел в экономике страны может ввергнуть его в состояние шока. Сельское хозяйство было подорвано некомпетентными шагами

правительства, предпринятыми в середине 90-х годов. В 1996-98 годах власти еще имели мужество признаться, что планы по производству хлопка и пшеницы выполнялись менее, чем наполовину. О производстве животноводческой продукции и говорить не приходится — там полнейший провал, ибо поголовье скота колхозов и совхозов разбазарено.

В последний же 1999-й год урожай хлопка и зерна резко “поднялись” — за счет приписок, поощряемых самим государством.

Что сие означает? Президент, требуя безусловного выполнения задания, открыто призывал: заготавливайте хлопок так, как вы пшеницу до недавнего заготавливали. Была бы команда — и на харманы стали доставлять некондиционный сырец: повышенной влажности, высокой засоренности, второй сорт сдавали первым, а третий — вторым. Там, где хозяйства не дотянули даже с таким хлопком, подсобили статистики, не без содействия хякимов. Так, оказывается, хозяйства страны “произвели” 1,3 миллиона тонн хлопка. По неофициальному утверждению специалистов, на хлопковый харман республики доставлено не более 900 тысяч тонн сырца.

Как же выполняли план по заготовке зерна? Судя по официальным сводкам, в 1999 году Туркменистан “в сжатые сроки собрал рекордный урожай пшеницы в один миллион пятьсот тысяч тонн”.

— Эта цифра не что иное, как приписка, — комментирует Халил-ага. — Зерна сдано не более 800 тысяч тонн, включая сюда и ячмень. В республике же емкостей лишь на 500 тысяч тонн. Куда остальное девают? Видимо, так и остается на бумаге.

Привозная мука, конечно, обходится дорого, но все же она подешевле бутафорского полуторамиллионного каравая, слепого из половы, сора, несуществующих зерен и дутых цифр, взятых с потолка. Спрашивается, зачем? А для обмана общественного мнения, из желания прикрыть свою неспособность управлять страной, ради ложной славы самовлюбленного честолюбца, прекрасно понимающего, что зерно выгоднее завозить. Что он и делает. Но зачем же тогда распылять технику, расходовать воду, материальные и людские ресурсы, вместо того, чтобы бросить их на производство хлопка, в выращивании которого у туркменского дайханина огромный опыт. От “белого золота” и доход значительно больше, нежели от зерна. “Баши” сам же в порыве откровенности проговорился, что обойдется без зерна и сможет прокормить свой народ, если даже подряд грянут три неурожайных года.

Прописная истина: о состоянии экономики страны судят, прежде всего, по тому, каков жизненный уровень народа, иначе говоря, как ест-пьет и одевается человек. Это понимают даже авторы программы “1000 дней”, поставившие целью до 2000 года обеспечить в Туркменистане “продовольственное изобилие”.

О каком “изобилии” идет речь, если простой туркменский крестьянин забыл, как еще совсем недавно, “в проклятые советские времена”, радушно принимал гостей, зарезав барана, наготовив чорбы и плова с полным дастарханом свежеепеченного чурека. И запить было чем: кому верблюжий чал, а кому и водку с шампанским. Ныне же, как ни грустно признаться, в его доме не всегда найдется даже зачерствелая пшеничная лепешка. А о свежем мясе, молоке и не мечтает. Накопления на сберкнижке прогорели. Корову и верблюда продали — женили сына, овец проели, а ковры тоже распродали.

Что это за “изобилие”, если в стране до сего времени не отменены введенные после объявления независимости хлебные карточки, облеченные в несколько завуалированную форму. “Вождь”, перепевая на все лады песенку “о счастливой, зажиточной жизни народа”, и в 2000 году не сумел упразднить карточную муку по льготным ценам на селе по 8 и в городах — 6 килограммов для категории населения, чей среднемесячный доход не превышает 500 тысяч манатов.

Президент призвал под ружье стотысячную армию, а ее солдаты ходят полуголодные, просят подавание. Многих новобранцев месяцами держат в госпиталях, на так называемом карантине, не из соображений медико-санитарных, а потому, что их обусть и обмундировать не во что. В госпитале же они обходятся весьма дешево, ходят в одном нижнем белье, старых халатах, тапочках, кормят их посетители, большей частью родители, а о казенном котловом довольствии молодые солдаты пока и представления не имеют.

ВОДА МУТИТСЯ В ВЕРХОВЬЕ РЕКИ

Какие тенденции наметились в промышленности, транспорте и других областях экономической жизни Туркменистана?

На первый взгляд, они выглядят солидно, и официальная пресса оперирует внушительными цифрами. Но это только на первый взгляд. В стране, как за счет собственных источников, так и с привлечением зарубежного капитала, построено 233 объекта общей стоимостью около двух миллиардов долларов. К середине 1999 года зарубежные фирмы и компании возводили 138 объектов общей контрактной стоимостью 3,8 миллиардов. Более половины этих средств уже освоены.

Правительство Туркменистана предпринимает шаги, ориентированные на экономический рост, то есть на участие государства в развитии промышленных и транспортных инфраструктур, вкладывая средства, к примеру, в развитие автомобильных и железных дорог. Разумеется, подобное строительство не под силу частному сектору. А без развитой инфраструктуры рост экономической активности невозможен, особенно в такой стране как Туркменистан, далекой от развитых морских путей и рынков сбыта с высокими доходами и плотностью населения.

Большой интерес представляет поддержка государством иностранных инвесторов. Как это сказывается на росте национального производства, сооружению каких конкретно объектов они отдают предпочтение и т.д.? Полную и ясную картину воспроизвести не представляется возможным, ибо экономические показатели, к примеру, суммы расходов и доходов государственного бюджета, хранятся за семью печатями. А Туркменстатпрогнозу публиковать в открытой печати статистические данные об экономике страны запрещено самим президентом. Поэтому, пожалуй, мало кому известны, к примеру, размеры налоговых поступлений, каково соотношение импорта и экспорта, сальдо платежного баланса, имеются ли в Национальном банке международные накопления и т.д.

Личные наблюдения за тенденциями в экономике, беседы с некоторыми экономистами, по известным причинам сверхосторожно высказывающими свое мнение, позволяют мне лишь фрагментарно рассказать об экономической политике туркменских властей. Кстати, затрагивает эту тему и английский журнал "Time".

В номере от 15 марта 1999 года он пишет, что в стране "частный бизнес существует, но для приближенных к президентскому кругу или иностранных инвесторов, в основном представляющих около 300 турецких компаний, представители которых платят согласно привилегиям за эксплуатацию природных богатств Туркменистана. Сюда входят запасы природного газа, достаточные для того, чтобы сделать Туркменистан эквивалентом Кувейта. Кроме средств для собственного обогащения хозяев республики и обогащения своих друзей, такие энергетические запасы позволяют сделать жест для народа: одарить население бесплатным газом, электричеством и водой, что мало компенсирует существующий уровень заработной платы — 15-20 долларов в месяц... Заявлено о построенных 250 новых промышленных объектах, в основном текстильной и пищеобрабатывающей промышленности, но пустые полки в магазинах служат слабым доказательством этого. Турецкими компаниями построены 10 крупных текстильных фабрик, но их продукция в основном экспортируется с лейблом "Сделано в Турции".

В Туркменистане усилился приток иностранных инвесторов, для коих предусматривается налоговые, таможенные и другие льготы, предоставляются дешевое сырье, материалы, электроэнергия и рабочая сила. И действительно, как отмечает тот же журнал, туркменские рабочие на фабриках, где продукция выпускается с турецким клеймом, при 12-18 часовом рабочем дне получают не более 25 долларов в месяц. Известно, что при строительстве международного аэровокзального комплекса турки-рабочие получали зарплату не менее одного миллиона рублей (в Туркменистане тогда еще ходили российские рубли), а местным рабочим выплачивали не более 50 тысяч.

Закономерен вопрос: какова же отдача от множества построенных предприятий? Насколько благотворно повлияли они на развитие экономики Туркменистана? По логике вещей, ввод в строй стольких новых промышленных предприятий должен ограничить импортируемую в страну продукцию, создать изобилие за счет собственного производства, повысить благосостояние народа, принести хотя бы относительный достаток в каждый дом.

Оброненную выше английским журналистом фразу о "пустых полках в магазинах"

подтверждает официальное сообщение: за одну неделю января 2000 года на Государственной товарно-сырьевой бирже зарегистрировано 62 внешнеэкономических контракта, из них по экспорту — 5, по импорту — 57. (“НТ”, 13.01.2000). Эти цифры не характерные, обычно они гораздо выше, но импорт, как правило, в несколько десятков раз преобладает над экспортом. Импортируемая же продукция, в основном, товары народного потребления, продукты питания. И так из года в год, из месяца в месяц.

Где же обещанное к 2000 году “продовольственное изобилие”? Почему нет своих товаров по доступным ценам? В чем корень бед, тормозящих развитие экономики, рост отечественного производства?

Позволю привести лишь факты, которые лежат на поверхности. Сооружение “старого” спортивного комплекса, носящего имя президента, и, как всегда, безлюдного, обошлось в 26 миллионов долларов. Еще больше затрачено на возведении грандиозного дворцового комплекса “Рухиет”, тоже необитаемого и пока лишь тешащего взор “баши” из его апартаментов, расположенных в не менее величественном дворцовом комплексе, что напротив. Почти каждый объект обходится гораздо дороже проектной стоимости.

Неисчислимы ущерб от построенных в годы независимости бездействующих предприятий, на которые затрачены огромные средства. Показушным оказался Тедженский завод по выпуску мини-тракторов, хотя первый (и последний!) собранный там трактор рекламировал сам президент, как бы демонстрируя свое умение управлять не только народом.

Вот уже несколько лет ржавеют под Каахка громадные остовы металлических конструкций незавершенного сахарного завода. Обезлюдели и разрушаются выросшие рядом постройки, будущие цеха и рабочий поселок этого несостоявшегося предприятия. По непроверенным данным, на ветер были выброшены 36 миллионов долларов США. Подобная участь постигла и другой сахарный завод, который затеяли строить в районе Чарджоу. Всего считанные месяцы проработала сахарная фабрика “Марышекер”, которую эксперты строить не советовали — нерентабельна.

Печальную судьбу сахарных предприятий может повторить и проектируемый Марыйский металлургический завод, который специалисты также не рекомендуют сооружать: слишком накладно привозное сырье, а проектная стоимость строительства пока около 80 миллионов долларов США. Но внять голосу разума мешает отсутствие здравого смысла: президент от своих намерений отступить не любит. Не стоит тому удивляться: когда это было, как говорил мудрец, чтобы неуч прислушался к ученому?

В Министерстве экономики и финансов в 1994 году подсчитали, что в стране 3% богатых, 4% так называемого среднего класса и 93% граждан, живущих ниже черты бедности. С тех пор безрадостная социальная картина если и изменилась, то в худшую сторону. Не странно ли, что 3% “новотуркменского” воря распоряжаются всеми богатствами страны?

КТО МОЖЕТ РАЗОРИТЬ НАРОД?

В ноябре 1996 года Ниязов, выступая перед творческой интеллигенцией, заявил, что в течение двух-трех месяцев мог бы сделать пять-шесть тысяч человек миллионерами, раздав им в частную собственность нефтегазовую отрасль промышленности. Кстати, у него немало и других путей обогатить угодных ему людей. В его воле и озолотить любого и пустить его по миру.

Долги зарубежных стран “баши” накапливает, будто они его собственные. К 1998 году долг лишь одной Украины за туркменский газ превышал полтора миллиарда долларов; Грузии — полмиллиарда, сотни миллионов долларов должна Армения, которая, по выражению Абды Кулиева, “хитроумным образом гасит свои долги, рассчитываясь с туркменскими руководителями неформальным образом”. Также келейно “отец нации” решает хозяйственные счета с Узбекистаном. То-то в последнее время Ниязов стал щедро награждать своих заместителей, министров, председателей комитетов и других руководителей массивным золотым цепочками и часами, а в канун нового тысячелетия подобные украшения он раздавал студентам высших учебных заведений страны. Все эти изделия и великолепные перстни, которые так часто меняет президент на своих пальцах, изготовлены на Ереванской ювелирной фабрике, работающей на итальянском оборудовании.

Подобная “щедрость” за счет народной собственности не исключает того, что “сердар”, сам заявивший о 3-х миллиардах долларов США, хранящихся от продажи газа на его личном счету, способен “неформальным образом” рассчитаться со странами-кредиторами. Правда, на словах он твердит о честности, “о равных условиях, равных правах” для обогащения каждого, а сам, по свидетельству того же Абды Кулиева, давно живет как шейх Кувейта, владея дворцами в Ашхабаде и во всех областях страны, недвижимостью за ее пределами — в Бельгии, Аргентине, Турции, Израиле. Дворцы эти выстроены из дорогих материалов, к сооружению привлекались иностранные инженеры и рабочие. Понятно, что на их возведение были истрачены сотни миллионов долларов, не говоря уж о том, сколько приходится тратить на их содержание.

Расхищение собственности народа, подрыв экономики страны этим не ограничивается. Известно, что в Туркменистане процветает “черный” валютный рынок. Здесь уже давно закрыты обменные пункты. Но государство продолжает твердо конвертировать валюту по курсу: один доллар к 5200 манатам. Однако правом такого обмена пользуется определенный, то есть избранный круг людей, ибо на “черном” рынке доллар в три раза дороже. Деловых, то есть избранных людей, к которым благоволит сам “баши” или его приближенные, это не смущает, валюту они приобретают только по государственной расценке. И эти ловкие люди, облагодетельствованные высочайшей милостью, обзаведясь льготным путем долларами, закупают за рубежом, скажем, куриные окорочка по одному доллару, иногда дешевле, за килограмм.

На рынках же Ашхабада и в других городах страны они их сбывают по 14-15 тысяч манатов за килограмм. Ловкачам от коммерции с каждого килограмма курятины без всяких усилий накапливает “навара” почти по два доллара, а “заработанную кругленькую сумму в манатах они снова конвертируют и снова оказываются с тройной прибылью. Учитывая, что на “черном” рынке спрос на валюту всегда высок, баловни от коммерции, если это можно считать коммерцией, нередко продают доллары с большой выгодой.

Подобная преступная практика, поощряемая правительством, безнравственна, она, обирая свой народ, стимулирует опять-таки зарубежного производителя и перекрывает кислород своему, отечественному. Уж не за счет ли спекулянтов президент намеревался и дальше пополнять ряды богачей? Вероятно, это о них он говорил: “У таких людей и сейчас уже есть машины”. И не по одной. Многие из них обзавелись и живностью. Впрочем, коровой с теленком дайхане, колхозники и рабочие совхозов, обладали сплошь и рядом. Только, с приходом к власти Ниязова, то есть в годы независимости, обворованные государством дайхане почти всю скотину съели или продали. А другую, обещанную президентом, так и не обрели.

И впрямь, как в той народной поговорке: дай власть подлецу — разорит народ. Примеров тому — множество. Текстильные предприятия сбывают хлопковую пряжу не за доллары, а за манаты, по 11 тысяч за килограмм. А перед министерством экономики и финансов отчитывается: продали по два доллара?! Бумага все терпит. Чтобы произвести один килограмм пряжи, требуется 1,25

килограмма хлопкового волокна, килограмм которого на мировом рынке оценивается в 1,5 доллара. Так не выгодней ли продавать волокном. Ведь на производство пряжи затрачиваются большие материальные ресурсы, и в конечном итоге такая “коммерция” обходится в убыток.

Почему же пряжу продают не за доллары? И здесь с валютой махинация, как с куриными ножками: кто-то на том греет руки, а в проигрыше оказывается государство. Таким образом, в первую очередь богатеет круг избранных, коим в ущерб казне, национальной экономике создаются тепличные условия для бесчестной наживы, воровства.

Не надо обладать специальными экономическими знаниями, чтобы понять: порочная конвертация валюты, искусственное сохранение на плаву курса давно девальвированного маната, существование “черного” валютного рынка на руку высшим государственным деятелям, которые тормозят развитие собственного производства, а значит и создание продовольственного изобилия в Туркменистане.

Читаешь республиканскую прессу — отовсюду победные репортажи. Вводятся в строй новые предприятия, увеличивается выпуск промышленной продукции, выращены и собраны высокие урожаи хлопка, зерна, возросло производства животноводческой и другой продукции сельского хозяйства, растет число фермерских хозяйств, на миллиарды кубометров газа, на многие миллионы тонн ведется счет добыче нефти...

Закономерен вопрос: где все это богатство, куда оно девается?

“В экономике страны не создан хозяйственный механизм, функционирующий на благо всего населения, — пишет Абды Кулиев, вскрывая причины кризиса, охватившего страну. — Всем распоряжается президент, и все зависит от него. Люди лишены работы, не имеют возможности производительно трудиться на свое и общественное благо. Жизнедеятельность общества поддерживается валютными поступлениями от продажи сырья, причем львиной долей этих поступлений распоряжается президент страны, а народу достается лишь малая доля в виде зарплаты от 5 до 10 долларов и, **называемых бесплатными, газа, воды, электричества и соли**”.

“СТРАТЕГИЯ” ЖОНГЛЕРСТВА

В последнее время Ниязова стали величать и “тонким стратегом”. Не пойму, в чем же заключается его стратегический принцип? Разве лишь в том, чтобы бездарно проваливать все хозяйственно-экономические планы, намеченные с объявления независимости страны.

Хотя штатные сладкопевцы в один голос превозносят его, но шила в мешке не утаишь: “стратегическое мастерство” Ниязова, кроме кризиса, ничего утешительного стране не принесло. Чем чаще и иступленнее о том твердят, тем больше чувствуется фальшь. Уже не злорадствуют ли они краху очередной затеи своего повелителя? Не злоехидничают ли заведомому провалу новой программы “Стратегия социально-экономических преобразований в Туркменистане на период до 2010 года”, принятой на пороге нового тысячелетия?

В злобствовании блюдолизов есть своя тайная подоплека: раб всегда ненавидит своего хозяина и никогда не желает ему добра. Как в той притче о шахматисте, ликовавшем и при своей победе, и при своем поражении. “Чему ты радуешься? — спросили его. — Тому, что всякий раз шах получает мат!” — ответил тот.

А “справедливый шах”, получивший мат, как ни в чем не бывало, снова, еще на одно десятилетие намечает новые “стратегические рубежи”, заверяя, что к тому сроку Туркменистан превратится в земной рай. И, как всегда, он сулит золотые горы: к 2010 году продукция сельского хозяйства увеличится в пять-шесть раз, уровень жизни туркменских семей возрастет в четыре-пять раз, внутренний валовой продукт на душу населения достигнет в среднем пятнадцати тысяч долларов. Цифры, конечно, заманчивые... Кто ими только не жонглировал?!

Без усталости рисует он радужную картинку будущего, то есть “золотого XXI века”. “В этом году, — говорил он 24 мая 1999 года на встрече с руководящими работниками страны, — мы должны добыть десять миллионов тонн нефти, начать прокладку трубы (Транскаспийского газопровода) и закончить ее к 2002 году. (“НТ”, 17.06.99; 18.01.2000).

Несолидно вроде уличать во лжи такую важную персону, но еще 8 августа 1997 года, в Москве, на пресс-конференции в РИА “Новости” он прихвастнул, что Туркменистан добывает двенадцать (!) миллионов тонн нефти. Хотя известно, что в те годы республика производила его гораздо меньше, не более 5-6 миллионов. Возможно, президент оговорился.

Однако в 1999 году страна, по официальному сообщению, добывала семь миллионов тонн нефти, хотя, по утверждению специалистов, и эта цифра явно завышена, но ведь кто-кто, а президент прекрасно знал, сколько добывается нефти в стране, как знал и то, что Транскаспийский газопровод, как и более шести лет декларируемые планы построить магистральные газопроводы в Европу и Пакистан, в ближайшие годы шансов на практическую реализацию не имеют. Зачем же тогда пускать пыль людям в глаза?

А пока туркменский “лидер” кормит цифрами. При Советской власти, говорит он, средняя продолжительность жизни граждан Туркменистана составляла 58 лет, а за годы независимости она возросла аж на 7,5 лет и теперь туркмены живут в среднем 65,5 лет.

Если верить этой выдуманной статистике, то выходит, что за годы правления Ниязова в Туркменистане никто не умирал. Но “отец нации” не довольствуется этой арифметикой: в ближайшие годы средняя продолжительность жизни туркменстанцев, по его подсчетам, достигнет 74-75 лет. В жизни или на бумаге? Вот в чем вопрос.

Может, поэтому Ниязов, уверовав в туркменское долголетие, поднял планку возраста выхода на пенсию граждан Туркменистана: женщинам — в 57 лет, мужчинам — в 62 года.

О каком долголетии может идти речь, если селяне, которых государство нещадным образом обкрадывает или “кормит” дутыми сводками, живут впроголодь, а в самой туркменской столице как великое благодеяние преподносят приглашение по праздникам ветеранов войны и труда на садака — жертвенный обед.

Так было и по случаю 2000-летия в стенах Политсовета Демократической партии Туркменистана, где убеленным седиными фронтовикам, престарелым отцам больших семейств раздали жалкую подачку — красивенький пакетик с семисотграммовым набором дешевеньких импортных конфет и печений, предварительно взяв с них пресловутую клятву на верность “баши”, которая стала постыдным, но обязательным ритуалом на всех малых и больших собраниях.

ГОРА РОДИЛА МЫШЬ

У туркменского “лидера” вошло в привычку огульно осуждать политику СССР. И делает он это с садистской жестокостью, стараясь растравить у людей обиды, настоящие и мнимые, играя на национальных и религиозных чувствах. Порою высасывая их из пальца, преувеличивая, смакуя, он пытается задеть человека за живое. Поступает он так не случайно: у туркмен СССР ассоциируется с Россией. Как говорится в народе, я ругаю тебя, дочка, а ты, сноха, заруби себе на носу. Таков временный ход сварливой свекрови, не решающейся на ссору с зубастой невесткой. Возможно и другое. Как подметил один политолог, ныне создалась ситуация, в которой стало доминировать право на месть, а объектом мести и разрушения стали знаковые фигуры государственности и истории. Вот почему в СМИ, в трудах иных ученых и писателей, с ведома “первого академика” страны то и дело мусолятся тема русского завоевания Туркменистана, Средней Азии.

Устами “отца нации” неоднократно заявлялось, будто за годы Советской власти в Туркменистане не построено ни одного (!) предприятия. Затем, вероятно, опомнившись, поправляется, всего несколько, мол, на пальцах одной руки перечесть. Так ли это? В романе-эссе, посвященному президенту, правительственный официоз, опубликовавший его, описывая разрушительную картинку ашхабадского землетрясения 1948 года, невольно опровергает высочайшую ложь: “В городе и его окрестностях было полностью разрушено 98 процентов зданий, рухнули цеха двухсот производственных предприятий, вышли из строя железная дорога и линии связи”. Конечно, подавляющее большинство этих предприятий были построены при Советах.

Сотни предприятий, возведенных в послевоенные годы, — комбинат “Карабогазсульфат”, Челекенский сажевый и химический заводы, несколько ТЭЦ, Ашхабадский завод нефтяного оборудования, многочисленные предприятия строительной индустрии, хлопкоочистительной и пищевой промышленности, Марыйский химический завод, завод машиностроения, Чарджоуский суперфосфатный завод, чудо XX века — величайший в мире Каракумский канал, судоремонтные предприятия на Амударье и Каспии, мощная нефтегазодобывающая промышленность — наглядно доказывают тенденциозность президентских утверждений.

Вероятно, Ниязов их не берет в расчет потому, что многие предприятия при его правлении перестали работать. “Был ли мальчик?” А те, что считаются действующими, не выдают и одной трети производимой ранее продукции.

Приведенные факты — это лишь верхушка айсберга воровства и разгильдяйства в государственном масштабе. Преступная бесхозяйственность, безалаберность и, главным образом, своекорыстие царят повсюду: в городах и районных центрах, в бывших колхозах и совхозах, именуемых ныне дайханскими хозяйствами. Все это напоминает действия сверхреволюционных анархистов, разрушавших старую государственную машину. Так ныне поступают те, кто стоит у кормила власти, те, кто объявил себя “демократами”, идущими “своим путем”, и не знай мы истинной подоплеки их действий, возможно, поверили бы их “бескорыстию”, сопровождаемому пустословием.

Страна приходит в упадок. Особенно сельское хозяйство, обеспечивающее потребности более 70% населения. Заилился, обмелел, зарос камышом и травой Каракумский канал — главная водная артерия страны, состояние которого вызывает опасение. Для реанимации канала, считают специалисты, потребуется столько же средств, сколько ушло на его сооружение, то есть 20 миллионов долларов на каждый километр его русла. Не стоит забывать, что в строительстве рукотворной реки участвовал почти весь критикуемым Ниязовым Советский Союз, “от финских хладных скал до пламенной Колхиды”, свыше двухсот городов необъятной страны поставляли стройке в Каракумах технику, строительные материалы, оборудование.

Люди уже перестали удивляться тому, что Ниязов, клеймя эту самую Советскую власть за идеологизацию, предлагает взамен суррогат, фальшивые идеи, вместо правды — сладкую ложь.

На IX заседании Халк маслахаты, Совета старейшин и общенационального движения “Галкыныш” (“Возрождение”), прошедшем в конце декабря 1999 года, президент объявил, что минимальный размер зарплаты, равно как и пенсий, устанавливает в 400 тысяч манатов. Он не оговорился, повторив это трижды. У людей в зале да и у миллионов телезрителей, следивших за ходом заседания, сообщение “баши” вызвало фурор. Аксакалы, ветераны, уставшие ждать

исполнения давнего президентского обещания о повышении пенсий, чуть ли не со слезами на глазах благодарили “сердара”. Ниязов, как говорится, был на седьмом небе, чувствуя себя благодетелем, сорвал неоднократные аплодисменты, упиваясь восторженной реакцией многотысячной аудитории; новость о гуманизме “отца нации” облетела весь мир, от восхищения захлебывались СМИ страны... А через два дня в республиканской печати появляется указ президента, объявляющий, что 400 тысяч манатов не минимальный, а максимальный размер пенсий, а уровень минимальной заработной платы доведен до 500 тысяч манатов. Но люди по опыту прошлых лет знают, что этот минимум скостят наполовину. Так оно и есть.

Словом, гора родила мышь. Как после такого обмана верить главе государства, который своей ложью порождает в стране бесконечную цепь вранья, сверху до низу?

Уже говорилось о бывшем городе Красноводске, переименованном в Туркменбаши, о многих десятках этрапах, дайханских объединениях, предприятиях, различных учреждениях и организациях, мечетях и воинских частях, учебных заведениях, носящих ныне его имя. Вероятно, ему этого кажется мало. И он, в канун 2000 года, призывая любить седую старину, возрождать исторические традиции и древние памятники, сам же, кощунствуя, переименовал древнейший город на великом шелковом пути Кизыларват в Сердар, а город на Амударье — Керки, ровесник эпохи Сасанидов теперь называется по имени отца президента — Атамурат.

Конец января 2000 года ознаменован новой волной смен названий. Дайханские объединения и генгешлики (бывшие сельсоветы), долгие годы носившие имена первого космонавта мира Юрия Гагарина, первого туркмена Героя Советского Союза Курбан Дурды, лауреата Международной Ленинской премии, одного из авторов и создателей Каракумского канала инженера А. Гельдыева, Героя Социалистического Труда, знатного хлопкороба Гурбандуры Атамурадова, бывшего первого секретаря ЦК КП Туркменистана Джумадурды Караева, указом президента были переименованы.

Патологически ревнуя к славе живых и мертвых, Ниязов пытается ревизовать, приспособить в угоду своему правлению стихи и афоризмы великого Махтумкули, которого народ ставит вровень с мусульманскими пророками. А льстецы из “Эдебият ве Сунгат”, некогда избравшие эмблемой образ Махтумкули, ныне, потакавая желаниям шефа, оттеснили поэта на второй план, выдвинув вперед президента и его претенциозный штандарт. Накануне 60-летия президента этому примеру последовали все туркменские газеты, избрав в качестве эмблемы изображения Ниязова, не считая его многочисленных портретов, публикуемых в каждом номере.

Так в Туркменистане с объявлением независимости наступила новая светлая эра, счастливая эпоха “Великого “баши””. Жить туркмены, оказывается, тоже стали лучше, и луна преобразила свой лик, и солнце засветило ярче, хотя в жизни народа существенно в лучшую сторону ничего не изменилось.

Доходит до абсурда борьба с русизмом: многие выдуманные “реформаторами” взамен русских слова непонятны даже образованным людям, не говоря уж о широких массах читателей. Ажиотажу “нововведений” поддались владельцы ресторанов, кафе, казино: на смену русским названием “Солнышко”, “Южанка”, “Уединение” приходит “Торонто”, “Флорида”, “Империал”, “Рок-клуб”...

Человеческий разум, познавший мир, таинства природы, создавал много бесценных творений, вобравших в себя огромный опыт человеческих знаний. Если придерживаться советов “баши”, то Библия и Коран тоже “чужое”, ибо созданы не туркменами; все суры Корана написаны на арабском языке. Следуя ходу бредней Ниязова, можно договориться до нелепицы.

Самой лучшей и самой умной книгой, созданной за две тысячи лет, была и остается Библия. Позже родился Коран — кладезь мудростей мусульманского мира. Но, оказывается рядом с ними, впитавшая себя мудрость веков и многих поколений “Рухнама”, псевдотворение (а фактически плагиат), авторство которого приписал себе Ниязов.

КОГДА МОЛЧАНИЕ НЕ ЗОЛОТО

У нравственно здоровой части общества один вопрос на слуху: что сейчас должно стать общенациональной идеей, способной объединить страну, народ? Выход из кризиса! Сказать народу правду об истинном положении дел с экономикой, не убаюкивать его нереальными планами, призрачными, пока неосуществимыми идеями и, в первую очередь, отрешиться от самообмана — приписок. Осудить практику частой сменяемости кадров, ибо от того теряется профессионализм, компетентность управления, что несомненно является одной из причин обвала экономики и ухудшения социального положения народа. Диву даешься, неужели президент, его ближайшее окружение, огромный правительственный аппарат с его многочисленными советниками, экспертами, специалистами не заметили вовремя, как тяжело государству, когда начинают “трещать по швам” экономика, финансы, когда от иностранных инвесторов ощутимой пользы не видно, а свои “новые туркмены” еще не имеют достаточных средств, чтобы вкладывать в родную экономику.

Не удивительно поэтому, что амбициозные экономические планы не удалась, страна, как и следовало ожидать, оказалась в глубоком кризисе, а ее президент ходит в героях скандальной хроники, о чем туркменская пресса не проронила и словечка. Но зато за рубежом шумиха невероятная. И смех, и грех. Впрямь, комедия часто соседствует с трагедией.

В начале 2000 года турецкая пресса запестрела шокирующими сообщениями о неблагоприятном поведении туркменского “баши”. СМИ наперебой задавались вопросами: с какой стати туркменский президент преподнес заезжей певице-турчанке умопомрачительно бесценный подарок — антиквариат, хранившийся в музейных запасниках. Не слишком ли дорогая цена за несколько поцелуев, которыми обменялись смазливая гостья и очарованный “сердар”, дважды поднимавшийся для этого на сцену. С чего это, допытывались дотошные журналисты, “вождь” восемь раз поднимал на ноги все свое окружение, чтобы осушить бокалы за здоровье молодой артистки. Поведи себя так президент какой-либо европейской страны, турецкие журналисты, быть может, и внимания не обратили бы. А тут президент-мусульманин, хаджи, считающий себя посланником Аллаха на земле, женатый, правда, на иноверке, — дело иное. Восток есть Восток... С такого по всем нормам мусульманской морали и спрос другой.

Весь этот шум вокруг главы государства вызвал обеспокоенность в туркменском правительстве, и оно в лице своего посла в Турции Нурмухаммеда Ханамова встало на защиту своего оскандалившегося хозяина, организовав в Анкаре пресс-конференцию, на которой пытались развеять превратное представление о президенте.

Оставим эту скандальную историю на совести наших турецких братьев, лояльно относящихся к туркменскому президенту. Видать, у них журналистский долг и совесть истинно правоверного взяли верх над родственными чувствами. Ведь дыма не бывает без огня. Что греха таить, за годы независимости мораль людей настолько обеднела, измельчала, что такие обычные для нравственно здорового общества понятия, как долг, честность, справедливость, самопожертвование, скромность кажутся им словоблудием.

“Отец нации”, то бишь творец авторитарного режима, рассматривая нынешний Туркменистан как мутуализм азиатской деспотии и тоталитарной системы, поправ все элементарные нормы демократии, в самый канун 2000 года совершает новый антиконституционный акт: объявляет себя пожизненным президентом и бессрочным председателем единственной в стране так называемой Демократической партии.

Власть, совершив уйму ошибок, как в экономике, так и в политике, ввергнув страну в хронический кризис и не найдя иного выхода из сложившейся ситуации, прибегла к ужесточению системы, объявив о пожизненном президентстве Ниязова, который того и гляди провозгласит о наследственности “престола”.

Бессрочное сохранение президентских полномочий в Туркменистане — самый антидемократический шаг в истории президентского правления. Красноречивое тому подтверждение — гробовое молчание западноевропейских и других лидеров мира, обычно не упускающих любого повода, чтобы не поздравить туркменского коллегу. Промолчали президенты, главы правительств всех континентов, лидеры европейской восьмерки и даже монархи Европы и Азии. Не прислали телеграмм его самые ближайшие соседи — казахский и киргизский президенты. Словно в рот воды набрал его

шиитский “брат” Рафсанджани, который, будучи еще недавно президентом Ирана, откликнулся даже на маломальские значительные события, происходившие в вотчине суннитского “брата”. Лишь, будто на смех, отбил невнятную телеграмму теперь тоже бывший турецкий президент Сулейман Демирель, коего, судя по тону поздравления, упростили, дабы не огорчать своего обидчивого единокровного туркменского брата.

Самонадеянный “баши” не ожидал такого оборота. Будь он чуточку скромнее, вернее, умнее, он заранее понял бы, что подобной реакции международной общественности следовало ожидать. Его, конечно, больше всего обескуражило молчание американской стороны, тем более у туркменского правительства с нынешним американским послом установилось исключительное взаимопонимание и даже некая предупредительность.

С тех пор много воды утекло в Амударье и Потомаке, **НО** правительство США, **несмотря на непрекращающиеся преследования в Туркменистане диссидентского движения, попрание прав человека, возвращение во времена тоталитаризма, НЕ(?) изменило отношение к ниязовскому режиму.**

Еще в июне 1997 года на страницах российского журнала “Итоги” Евгений Пахомов писал, что в Средней Азии с распадом СССР началась игра между бывшими советскими республиками, а теперь независимыми государствами. Ставкой в среднеазиатской игре стали нефть и газ.

Огромные запасы газа в Туркмении привлекают компании, занимающиеся транспортировкой энергоносителей, со всего мира, в том числе и из США. Здешний газ даже заставил Вашингтон пересмотреть свое отношение к режиму в Ашхабаде. Если два-три года назад Белый дом был склонен относиться к Туркмении, как к стране из разряда париев: культ Туркмен “баши”, отсутствие реальных политических свобод и т.д., то теперь в Вашингтоне предпочитают видеть в пожизненном президенте Ниязове скорее партнера. С туркменским газом связано несколько масштабных проектов строительства трубопроводов (“Итоги”, 03.06.97).

С российским журналистом солидарен и Кенет Рот, Исполнительный директор организации охраны прав человека. В февральском 1999 года номере журнала “Wall Street Journal Europe” он пишет, что две американские компании возглавят консорциум по строительству газопровода из Туркменистана на Запад, через Каспийское море, стоимостью до 2,5 миллиардов долларов.

Называя режим президента Ниязова автократическим, приведя вопиющие факты преследования диссидентского движения, ущемления свободы вероисповедания в Туркменистане и расценивая это как свидетельство низкого уровня демократического развития, Кенет Рот в статье, озаглавленной “Туркменистан никогда не открывал железный занавес”, продолжает: “В то время, когда правительство Советского Союза проводило такую политику, Вашингтон не выражал колебаний в осуждении таких очевидных нарушений прав человека. Теперь же администрация Клинтона целует президента Ниязова в обе щеки. На строительство планируемого трубопровода консорциуму, возглавляемому США, потребуется финансирование Эксимбанком и страхование рисков зарубежной частной инвестиционной корпорацией. Законодательство и политика США запрещает любому государственному агентству оказывать помощь, когда налицо имеются серьезные нарушения прав человека, как это наблюдается в Туркменистане. Но администрация Клинтона в своем рвении построить трубопровод, кажется, готова переступить через это”.

Статья другого иностранного журналиста Ю. Зараховича, опубликованного в “Time” от 15 марта 1999 года “Письмо из Туркменистана”, дополняет предыдущих авторов. Журналист, посетивший Туркменистан, свидетельствует, что Ниязову, несмотря на его деспотизм, иностранные правительства, учитывая энергетические запасы и стратегическое положение туркменского края, оказывают уважительное отношение. В апреле прошлого года при посещении Вашингтона он был удостоен приема на почетном красном ковре, имел сорокапятиминутную встречу с Президентом Клинтонем в Овальном Кабинете, приглашался на заседание Кабинета Министров, встречался с Джоржем Тенетом. Более 24 нефтяных и производящих нефтяное оборудование компаний дали ему официальный обед, на котором присутствовали около трехсот важных государственных лиц и руководителей компаний. Плата за это: подписание соглашения на строительство газопровода, который будет проложен до Турции по дну Каспийского моря. Но это никоим образом не предполагает, заключает автор, что железные тиски Туркмен “баши”, в чьей стране демократические институты отсутствуют, могут ослабнуть.

Есть все опасения предполагать, что примиренчество США с режимом Ниязова и сооружение газопровода лишь укрепит этот ГУЛАГ на Каспии.

ЦЕНА ПРЕДАТЕЛЬСТВА (ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ)

Не претендуя на полноту картины всей жизни современного Туркменистана, я поставил себе целью заклеить диктатуру, изобличить ее антигуманную, человеконенавистническую сущность, вскрыть свойственные туркменскому авторитаризму пустопорожнее фанфаронство, гадливый цинизм, бесстыдное хамство, ограниченность и аморальность.

Насколько мне это удалось — судить читателю. Но представьте себе, мои дорогие судьи, каково писать о человеке, каждый шаг, каждое выступление которого настолько алогичны, что здравомыслящему невозможно даже уловить их последовательность, разумность!

Еще труднее понять, кто он?! Говорят, что он — президент страны или падишах, притом “справедливый”, феодального государства. “Великий лидер” так называемой демократической партии. “Отец нации”. Новоявленный азиатский мехди — мессия или Туркмен “баши”, то бишь глава туркмен. Ему лишь осталось провозгласить себя Аллахом, на худой конец, халифом багдадским, султаном турецким, папой римским... Во многих других ипостасях он успел уже пребыть. Мне же он видится то дорожным техником, поучающим, как надо укладывать асфальт, то доморощенным тебибом-знахарем, указывающим, как следует применять бабкино снадобье, а, скорее всего, — бездельником и болтуном, у которого времени хватает на все, за исключением главного — честно, в соответствии с законом и совестью выполнять обязанности руководителя государства.

Говоря о реформах, сам Ниязов и является их главным тормозом. Экономический крах в стране вызван не только объективными, но и субъективными причинами — амбициозностью, авантюризмом, бездарностью, чванством, меркантилизмом и, наконец, элементарной безграмотностью “лидера” государства и его окружения. Приближенная и обласканная им интеллигенция, заняв соглашательскую позицию, примирилась с антинародной политикой “баши” и, потакая его низменным чувствам, сама соблазнилась подачками, пошла на поводу демагогических лозунгов, духовно растлевающих нацию.

По-моему, непостоянство интеллигенции основано не на каких-либо твердых национальных, идейных убеждениях, скажем, религиозных, ибо туркмены не ахти богобоязненны. Нет, тут о высокой материи говорить не приходится. Подавляющее большинство туркменской интеллигенции приземлено и, стараясь держать нос по ветру, печется лишь о своих меркантильных интересах, отнюдь не об общем благе. Она, вероятно, не отдает себе отчета в том, что ее предательская политика “моя хата с краю” губительно сказывается на национальной культуре, науке — на всем будущем туркменского народа.

Сколько раз “баши” собирал научную, техническую, творческую интеллигенцию, выступал перед нею, награждал ее представителей орденами и медалями, одаривал денежными премиями, давая им званые обеды, ожидая какого-то несогласия с их стороны, хотя бы словечка возражения. Но никто так и не осмелился сказать президенту о кризисе в науке, литературе, искусстве, о бедственном положении народа, не возвысил голоса против бесчеловечной политики режима. “Зачем его раздражать? — испуганно рассуждали иные. — Он не хуже нашего знает, что народ бедствует. Скажешь, бед не оберешься, будет преследовать тебя, детей твоих и до внуков доберется...”

За месяц до своего 60-летия “лидер нации” обратился к гражданам страны принять во внимание его просьбу не устраивать ему в юбилей излишней пышности. Выходит, пышность все же допустима, но только не “излишняя”. “Я такой же человек, как и все”, — рисуясь, сказал Ниязов, добавив, что он стремится честно исполнять свой президентский долг. (“НТ”, 29.01.2000). Вероятно, “баши” все же уверовал, что он не “как все”, если так заявляет. Во всяком случае, наверное, хочется так думать.

Президенту страны пристало поощрять развитие науки, литературы и искусства, и это похвально. Но почему-то почти все награжденные — это авторы, чьи творения, будь то поэмы и романы, статьи и песни, танцы и музыка, спектакль или произведение изобразительного искусства, посвящены “сердару” или его покойным родителям.

Вся беда туркменского народа в том, что у его государственной власти отсутствует сознание подлинной государственности. Нынешняя система во главе с пожизненным президентом упразднила

все положительное, гуманное, нажитое прежним обществом, подорвала корни культуры, продуманную форму образования, здравоохранения, социального страхования и, покусившись на фундаментальные духовные ценности, пытается создать новые, оказавшиеся на поверку фальшивыми. Ниязовский режим, переняв от прежней системы самое худшее: преследование инакомыслия, цензуру, стукачество, подслушивание телефонных разговоров и другие нарушения прав человека, развил и усовершенствовал все порочное, подавляющее человеческую личность, его индивидуальность.

Вдумайся, дорогой читатель, в суждения “лидера” нации, определяющего политику целой страны. “В советские времена, — говорит он, — в Туркменистане большинство ученых, получив докторскую или кандидатскую степень, на том успокаивались. Всерьез наукой не занимался никто (?!)... Хочу спросить — что изменилось после того, как мы сократили 11 тысяч человек, считавших себя учеными? Ничего! Наше развитие даже ускорилося (?!)...Семь десятилетий нас отучали от всякой инициативы. Но теперь-то для нее полный простор. Учитесь пользоваться этим правом...” (“НТ”, 17.01.2000).

Пользуясь в полной мере таким правом, Ниязов, повторяюсь, упразднив Академию наук, ликвидировал в стране создававшуюся десятилетиями научную базу. Было разбазарено ценнейшее оборудование многих научно-исследовательских лабораторий, экспериментальных мастерских, станций. Ведь подлинная наука создается долгими годами и ее, как и духовные ценности, звонкой монетой не измеришь. Наука, действительно, сама по себе дорогостоящая, и если она не востребована, то от того теряет и государство, и общество. Но вместе с тем не всегда количество ученых определяет степень развития науки, нередко какой-либо один исследователь может решить проблему, над которой бились сотни, тысячи ученых. И кто знает, сколько талантливых одиночек было среди одиннадцати тысяч фактически выброшенных на улицу ученых по капризу, вернее, недомыслию президента?

Завершая работу над книгой, я вовсе не претендовал на полноту освещения туркменской жизни, всех событий, происшедших в стране за годы независимости, на законченность и точность портрета ее главного героя, Сапармурата Ниязова и его окружения. Тешу себя надеждой, что грядущие поколения историков, литераторов немало напишут об этом редкостно уродливом феномене, о его абсурдных годах правления, доставивших народу немало горя и страдания. Возможно, потомки о нем и не вспомнят, ибо у современников он вызывает патологическое неприятие, и они сыты им по горло.

Может, потому и не помянут о “баши”, что по стране невероятно много его статуй и портретов, что люди перестали их замечать. Впрочем, оставим это на суд истории, которая рассудит как героев, так и автора сей работы, многие страницы которой родились благодаря друзьям и единомышленникам, подвигнувшим меня на этот нелегкий труд. Я бесконечно благодарен им, а также и другим многочисленным товарищам, истинным сынам и дочерям своего народа, подлинным патриотам Туркменистана. Это они, рискуя собой, привозили или присылали из Туркменистана необходимые мне газетные, журнальные публикации и даже архивные материалы, делились своими впечатлениями, доставляли видеозаписи с речами и выступлениями президента и его близкого окружения, сделанные с экранов туркменского телевидения. Они даже помогли организовать мою последнюю поездку в Ашхабад, совпавшую с визитом туда Президента Российской Федерации В. В. Путина.

Работая над книгой, я часто задавал себе вопросы: “А поймут ли меня потомки, даже следующее за нами поколение? Не потонет ли мой труд в море слащавых и лживых славословий, исходяемых ныне туркменскими СМИ? Не задавит ли его пресс оболванивания народа, в коем используется весь государственный аппарат, все контролируемые им общественные организации, идущие в обнимку с идеологией криминала?..”

Ниязову удалось навязать определенным слоям общества, особенно большей части интеллигенции, в корне ошибочные и вредные постулаты, в частности, что на Востоке лидер должен быть жестоким и у туркмен своя форма национальной демократии, берущая корни с древнейших времен, и сегодня принятые в цивилизованных странах нормы демократии в Туркменистане, мол, неприемлемы. Конечно, жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. Но в чем “баши” видит “свою” демократию? В пожизненном президентстве? В диктатуре одного человека? В подавлении инакомыслия? В безропотности интеллигенции? В рабской покорности близкого окружения, каковым ему хотелось бы видеть весь народ страны? Да, “отца нации” больше устраивает

безликая масса с вытравленным человеческим достоинством, которая снесет любое его оскорбление и унижение. Такой легче управлять. Видно, такая “демократия”, рассчитанная на управление манкуртами, ему по душе.

Во все времена диктаторов больше устраивала безответная, одураченная и запуганная масса, ограниченная во всем, лишенная общечеловеческого. Ее легче прибрать к рукам, лишить веры, привить апатию и в конечном итоге убедить в правоте узурпатора народного суверенитета. Однако именно народ — источник власти, ее высшая инстанция. И ему, народу рано или поздно нужно будет отобрать ее у бездарности и глупца, презревшего мораль и право, истину и справедливость.

Среди трезво мыслящей части туркменского народа, определенного круга интеллигенции, не смирившейся с авторитарным режимом, политика новоявленного диктатора вызывает неприятие и пока пассивное сопротивление. Продление президентских полномочий само по себе противозаконно, его нельзя считать свидетельством каких-то заслуг или вдруг вспыхнувшей к диктатору всенародной любви, о которой со смехотворной настойчивостью твердят подневольные СМИ. Нет, это — факт попрания закона, насилия, это — признак приближающейся кончины власти. Но сколько продлится ее агонизирующее состояние? Известно одно, перед смертью хищник особенно опасен. Его обреченность уже проявляется в антиконституционных действиях властей, в арестах видных представителей интеллигенции, в шельмовании и преследовании политически нелояльных режиму общественных и религиозных деятелей. Лишь после провозглашения Ниязова пожизненным президентом за решетку были упрятаны лидер оппозиционного движения “Агзыбирлик” Нурберды Нурмамедов, пропагандист Корана и его переводчик известный священнослужитель Ходжа Ахмет-ахун Оразгыльджев, которым предъявили анекдотические обвинения, дабы оправдать незаконные действия властей. В мае 2000 года скоропостижно скончался оппозиционер Айли Мередов, отсидевший в тюрьме за свои убеждения и до последнего своего дня преследуемый властями. Он был еще молод, но, видно, сердце не выдержало нравственных экзекуций.

Оппозиционно настроенная часть туркменской интеллигенции, которую властям удалось вынудить эмигрировать, добивается пересмотра Конституции, ограничения президентского всевластия и установления гарантий демократического управления страной в интересах туркменского народа.

Люди все чаще поговаривают об уходе Ниязова с поста президента, сравнивая его с коршуном, терзающим тело и душу своего народа. Однако правители, подобные ему, по доброй воле в отставку не подадут. Если это случится, то народ вздохнет с облегчением. Но, как говорится, это палка о двух концах. Оставив пост президента, неужто можно позволить “баши” выйти сухим из воды? Не понеся заслуженного наказания за разрушение не только своей страны, но и за развал великой державы СССР, к коему он тоже приложил руку.

Хронический экономический кризис, миллиардные долги, хищническое разорение природных ресурсов страны, политический раздрай в обществе, безнравственность, вылившиеся в массовую наркоманию, проституцию, взяточничество, обман, приписки, засилье мафии и иностранных компаний,— эти и многие другие тяжкие преступления и пороки средневековья, иезуитски прививаемые им обществу, он оставляет в наследство туркменскому народу. Другим же концом палки может оказаться смена одной бесчеловечной руки на другую, открытый и еще более агрессивный тоталитаризм, хотя и при лицемерном ниязовском режиме народу тоже живется несладко. “Хуже прежнего не будет, — уверяют оптимисты. — Лишь бы пал тиран. Но прежде ответил бы перед судом народа...”

Мне же не дает покоя навязчивая мысль: всех ли душевнобольных клиники вывезли в отдаленный район страны? Не остался ли случай кто-то из них в Ашхабаде? Неисповедимы пути Господни...

*Январь 1999 г. — май 2000 г.
Ашхабад — Москва.*

О Г Л А В Л Е Н И Е

Часть первая

Вместо предисловия
Без ветра и травинка не шелохнется
Сирота из Кипчака
“Не делай того, что мулла делает”
Взоры ворона всегда на инере
Флюгер
Запасной аэродром президента
Два арбуза в одной руке?
Когда хромой козел оказывается впереди

Часть вторая

“Вор в законе”
Кто самый умный?
Из пустых слов не сварись плов
“Мы пойдем своим путем”
Путем обмана и лжи
Кто же крутит хвостом?..
“Демократия” по-туркменски
Восточная деспотия
“Туркменская модель” в действии
Машина устрашения

Часть третья

Театр одного актера
Клятва
Культ без личности
Правда наполовину или снова о культе
Падение туркмен “баши”
“...И я скажу, кто ты”
Недолго музыка играла

Часть четвертая

Еще раз о туркменской “демократии”
В каком “доме” мы живем?
Терминатор
Покушение на тропу Македонского
Обманутые надежды
Отец или отчим
“Услышавший видевшему ведает...”
Вода мутится в верховье реки
Кто может разорить народ?
“Стратегия” жонглерства
Гора родила мышь
Когда молчание не золото

ЦЕНА ПРЕДАТЕЛЬСТВА (Вместо послесловия)